

Д.Л.Стровский

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ
В ЖУРНАЛИСТИКЕ
СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА**

Министерство образования Российской Федерации
Уральский государственный университет им. А.М.Горького

Д.Л.Стровский

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ТРАДИЦИИ В ЖУРНАЛИСТИКЕ
СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА**

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2001

ББК 76.01

С 86

Печатается по решению Ученого Совета факультета журналистики Уральского государственного университета

Научный редактор:

М.М.Ковалева, профессор, доктор филологических наук

Рецензенты:

Ю.Р. Вишневский, профессор, доктор философских наук;

Е.В. Грунт, профессор, доктор философских наук

Стровский Д.Л.

С 86 Отечественные политические традиции в журналистике советского периода.—Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001.— 246с.

ISBN 5-7525-0997-1

В данной монографии журналистика советского периода рассматривается в контексте развития политических традиций и политической культуры. Особое внимание обращается на процесс взаимодействия средств массовой информации (СМИ) с политическими институтами, а также на влияние политических традиций на содержательную модель периодического издания в условиях партийно-идеологического контроля.

Работа представляет интерес для политологов, историков, культурологов, исследователей журналистики, практиков, работающих в средствах массовой информации, студентов гуманитарных факультетов и специальностей.

Библиогр. 66 назв.

Текст опубликован в авторской редакции

С 4502020000—235
182(02)—2001

ББК 76.01

ISBN 5-7525-0997-1

© Стровский Д.Л., 2001

© Уральский государственный университет, 2001

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ЖУРНАЛИСТИКА: К ИСТОКАМ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ	12
ГЛАВА II. РОССИЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ: СПЕЦИФИКА СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ	44
§ 1. Формирование и основные особенности политических традиций в досоветский период	44
§ 2. Эволюция политических традиций в годы советской власти	71
ГЛАВА III. ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ НА СОДЕРЖАТЕЛЬНУЮ МОДЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ	98
ГЛАВА IV. УНИФИКАЦИЯ ЖУРНАЛИСТСКОГО ПРОЦЕССА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ТОТАЛИТАРНОЙ ТРАДИЦИИ	124
§ 1. Большевиcтская политика в отношении оппозиционных СМИ в системе существования идеологического механизма	124
§ 2. Становление системы партийной печати в рамках существования тоталитарной традиции	141
ГЛАВА V. ОТРАЖЕНИЕ ЖУРНАЛИСТИКОЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ: ПРИОРИТЕТЫ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ	161
§ 1. Идейная стереотипизация в содержании журналистики советской эпохи	161
§ 2. Личность на страницах прессы как проявление ее мифологизации	179
ГЛАВА VI. ЖУРНАЛИСТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО В УСЛОВИЯХ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА	197
§ 1. Существование литературного журнала в рамках либерально- ориентированной традиции	197
§ 2. Содержательная политика газетных изданий в годы хрущевской «оттепели»	218
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	234
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	242

Введение

Изменившиеся за последнее десятилетие политические условия развития нашего общества заставляют по-новому воспринимать многие социальные процессы. Под воздействием качественных перемен, происходящих в стране, объективнее становится отношение и к историческому прошлому России. Очевидным поэтому видится возрастание в сегодняшней академической среде интереса к политическим закономерностям общественной жизни, особенностям взаимодействия власти и общества в ходе исторической эволюции и т.д. Многие работы, исследующие социально-политические отношения, носят междисциплинарный характер, находясь на стыке политологии, истории, социологии и ряда других дисциплин. Это позволяет лучше осознать значимые и одновременно непростые явления современной действительности.

Междисциплинарный подход в последнее время все чаще используется и в журналистиковедении, которое представляет интерес для исследований по причине своей специфичности в системе общественных наук. Отечественная журналистика, как особый политический институт, за триста лет своего существования накопила огромный опыт взаимодействия с государственными и политическими институтами, различными социальными группами, что позволяет конструктивно воспринимать многие нынешние проблемы в сфере информирования. Рассматриваемый в предлагаемой работе советский период развития журналистики (1917–1985 гг.) представляет особый интерес ввиду своей уникальности в целостной истории нашего государства. Впервые на практике получили развитие теория построения социализма, коммунистическая идеология, которые наложили весомый отпечаток на развитие всей политической системы. Особенность существования самой журналистики заключалась в ее организационной и идейной подчиненности этой системе, распространившей свое влияние на всю общественную жизнь. Отмеченная ситуация начала меняться во второй половине 1980-х гг. В период горбачевской гласности средства массовой информации (СМИ) вначале осторожно, а потом все актив-

нее начали заявлять о своей независимости от власти, стали появляться издания различной политической направленности. Переходный этап журналистики при заметно ослабевающем влиянии КПСС характеризуется уже принципиально иными тенденциями в политике, чем те, которые отмечались в советское время. Это позволяет нам ограничить исследовательский период отмеченными рамками.

Рассматривая журналистику как инструмент партийно-государственного воздействия на общество в системе общегосударственной политики, мы воспринимаем ее социально детерминированной сферой деятельности, органически связанной с культурой. Следует отметить, что под культурой, вслед за Л.Н.Коганом, мы понимаем общественную систему сущностных сил человека в процессе его многообразной социальной деятельности¹. Речь в данном случае идет не только о материальных предметах, но и духовных ценностях, созданных в ходе предшествующей истории общества. Культура осуществляет передачу достигнутых результатов от поколения к поколению, формируя обобщенный социальный опыт, который накладывает отпечаток на поведение больших групп людей. Журналистика, в свою очередь, является частью культуры: материальной по причине существования информационного товара (например, печатной и аудиовизуальной продукции)² и духовной, если воспринимать ее в качестве средства формирования обобщающей картины действительности. Тем самым она выполняет задачу актуализации культуры³.

Если культура передает социальный опыт, формирует общественные отношения, оценивает явления окружающей среды, осуще-

¹ Коган Л.Н. Социология культуры. Екатеринбург, 1992. С. 7.

² В данном случае происходит слияние терминов «журналистика» и «средства массовой информации». В ходе дальнейших рассуждений мы также не разделяем эти понятия, полагая, что они действуют в едином информационном поле (пространстве).

³ По справедливому утверждению А.М.Воробьева, журналистика оказывается и источником, и средством, и техническим механизмом культуры, определяя мироощущение и мировосприятие людей (См.: Воробьев А.М. Средства массовой информации как фактор формирования гражданского общества: процесс, тенденции, противоречия. Екатеринбург, 1998. С. 40).

ствяет коммуникативные связи между людьми в процессе производства и освоения материальных и духовных ценностей⁴, то возникает закономерный вопрос: на основании какого алгоритма она это делает? На наш взгляд, этим алгоритмом является культурная традиция.

Культурная традиция оказывает серьезное воздействие на мысли и действия больших социальных групп, поскольку она явным или инспирированным образом побуждает людей следовать морально-этическим нормам и ценностям, сформированным в обществе. Журналистика, отражая в своем развитии проявления культуры, не может игнорировать традиции и, так или иначе, запечатлевает их в своем содержании. В противном случае она не может быть адекватно воспринята массовой аудиторией.

Вместе с тем, культурная традиция является все же общим понятием для ее восприятия в рамках журналистского творчества. Выраженная преимущественно в различных формах бытия (обычаях, ритуалах и т.д.), она представляет больший интерес скорее для культуролога или историка, нежели для исследователя журналистики – профессиональной деятельности, сориентированной, прежде всего, на осмысление повседневных реалий. Вот почему применительно к журналистской сфере мы ставим в центр нашего внимания более конкретный предмет исследования – политическую традицию.

С одной стороны, политическая традиция является составляющей понятия «политическая культура» (подобно тому, как культурная традиция является всецело зависимой от культуры в целом), понимаемого как совокупность норм, ценностей, убеждений, воззрений, регенерируемых в деятельности субъектов политического процесса. С другой стороны, она является составляющей культурной традиции в целом и представляет собой механизм становления и трансляции устойчивых форм политического сознания и поведения, способов организации политического процесса. Политическая традиция оказывает постоянное воздействие на развитие общества. Она активно приспосабливается к повседневной жизни,

⁴ Коган Л.Н. Указ. соч. С. 13-14

поскольку всецело зависит от меняющихся социально-экономических условий (что не всегда скажешь о культурной традиции, которая может сохранять одни и те же формы от поколения к поколению). Соответственно и в журналистике политическая традиция выражена достаточно отчетливо. Во всем этом проявляется уникальность и специфичность этого понятия, которое до сегодняшнего времени по-прежнему является недостаточно изученным в гуманитарной науке.

Как правило, в ходе исторического развития любого общества проявляют себя не одна, а несколько политических традиций, отражающих закономерности формирования политических институтов, взаимоотношений власти и общества. Исследование этих закономерностей в рамках развития журналистики представляется значимым для осознания их роли в системе общественных отношений. В первую очередь потому, что сама журналистика демонстрирует исключительный уровень воздействия на массовое сознание ввиду ее уникальных возможностей проникновения в различные проявления социально-политической жизни. В связи с этим восприятие журналистской деятельности в контексте содержания политических традиций выглядит концептуальным для уточнения как ключевых особенностей ее функционирования и содержания, так и познания политического мира в целом.

Актуальность такой постановки проблемы заключается в том, что на фоне информационной революции, проявившей себя в последние годы, возникает вероятность потери духовной основы общества, что чревато серьезными социальными катаклизмами. Серьезная дилемма стоит и перед журналистикой, которая в погоне за сенсационностью, разоблачительностью рискует утратить эффективные формы взаимодействия с аудиторией, утвердившиеся в советское время.

Изучение политических традиций состоит, таким образом, не в том, чтобы идеализировать минувший опыт, а в том, чтобы в процессе утверждения демократии в современной России не сбрасывать со счетов устойчивые нормы общественного поведения, апробированные в ходе исторического развития страны принципы взаимодействия власти и общества. Эти проявления имеют в массо-

вом сознании глубокий нравственный смысл: они «служат важным регулятором человеческих поступков, мерилом оценки поведения других людей, принципов социально-политической организации»⁵. Принятие во внимание исторического опыта играет важную роль в снижении социальной конфликтности. Исследование СМИ с учетом политических традиций, накладывающих заметный отпечаток на все их творчество, позволяет адекватно подойти к анализу современных тенденций в журналистике, уровню ее политического воздействия на общество. Пренебрежение к традициям не может привести к построению содержательной модели современного периодического издания, которая бы была эффективной по степени воздействия на массовую аудиторию. По этой причине политические традиции играют далеко не архаическую роль в стратегии существования печатной журналистики.

Следует оговориться, что далеко не все политические традиции стали предметом рассмотрения в представленной монографии. Исследовательский интерес для нас представляют в первую очередь особенности существования власти, как основного политического института, в системе государственного устройства и степень воздействия этой власти на общественные отношения⁶. При этом учитывается то обстоятельство, что сами традиции не являются раз и навсегда застывшим явлением. Сохраняя узнаваемость своих очертаний на протяжении длительного времени, они в ходе своего исторического развития дополняются инновациями, вызванными изменением конкретной политической ситуации. Эта ситуация в полной мере проявила себя применительно к российской политической действительности. Акцентируя свое внимание на советском периоде, мы не могли сбрасывать со счетов политические tradi-

⁵ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: очерки политической социологии капитализма. М., 1985. С. 13.

⁶ Под системой власти, уточняет Т.А.Левченкова, понимается политический режим, который отражает совокупность приемов и методов властвования, фактическое состояние конкретных политических отношений, прав и свобод граждан, степень политической активности, состояние законности (См.: Левченкова Т.А. Власть: понятие, сущность, структура (социально-философский анализ) // Власть в социалистическом обществе: теория, история и перспективы. М., 1989. С. 9.

ции, сформированные в дореволюционную эпоху, чтобы на этом основании рассматривать последующие тенденции их развития. Отмеченная модификация, так или иначе, нашла себя в содержании журналистики и системе СМИ, сформированной после пролетарской революции 1917 г.

Говоря об участии журналистики в раскрытии и развитии политических традиций, необходимо отметить, что наш интерес ограничивается только прессой. Именно она стала главным источником информационного воздействия в первые десятилетия советской власти, когда формировались политические основы государственного строя, новые социальные отношения. Радио, а затем и телевидение лишь подхватили (хотя, несомненно, и творчески развили новыми, несколько иными средствами) идейно-политические приоритеты, тематику и проблематику, особенности показа героев, присущие печатной журналистике. Она предложила и собственные технологии формирования общественного мнения, в рамках которых проявили себя определенные ценностные ориентации.

Ценностно-деятельностный подход, который видится автором ключевым в исследовании культуры и ее традиций основательно проработан в научной литературе (В.Е.Давидович и Ю.А.Жданов, Л.Е.Кертман, Л.Н.Коган и Ю.Р.Вишневский, Э.С.Маркарян и др.). В свою очередь, политическая традиция, как социально значимое явление, предстает универсальным показателем развития общества. Развитие этих традиций невозможно представить вне идеологии, определяющей «лицо» любого политического режима. Идеология влияет на развитие этих традиций, корректирует их эволюцию (исследования Е.С.Баразговой, А.П.Бутенко, А.В.Гайды и В.В.Китаева, А.А.Мурадяна, О.Ф.Русаковой, У.Липпманна, К.Манхейма).

Многие российские и зарубежные исследователи (Д.В.Гудименко, А.С.Панарин, А.В.Оболонский, Р.Пайпс и др.) рассматривают политическую эволюцию России с учетом взаимодействия власти и общества, обращая внимание на существенную модификацию после 1917 г. всего политического процесса. Сам процесс носил не линейно-поступательный характер, а был совокупностью сменявших друг друга процессов так называемой модернизации и контрмодернизации.

Сама постановка проблемы, обсуждаемой в данной монографии, побудила к ознакомлению с концепциями, существующими в современном журналистиковедении вообще, и с литературой, касающейся исторических тенденций отечественных СМИ, в частности.

Автор счел необходимым обратить внимание на работы, в которых выявлены универсальные особенности существования журналистики и средств коммуникации (В.Г.Афанасьев, С.Г.Корконосенко, В.Ф.Олешко, Е.П.Прохоров, Л.А.Свитич, М.В.Шкондин и многие другие). Отечественная журналистика всегда была выразителем духовного начала общества. Наряду с литературой и философией она утверждала себя «проводником» морально-этических установок общества. Журналистика делала активные попытки дойти до истоков происходящего, исследовать мысли и чувства своих героев. Работы А.И.Акопова, Б.И.Есина, М.М.Ковалевой, А.И.Станько, посвященные изучению исторической эволюции журналистики, позволяют лучше представить особенности содержания СМИ в последующий, советский, период. В свою очередь, тематика СМИ советской эпохи неотделима от идейных приоритетов, провозглашенных властью и реализованных ею на практике. В исследованиях А.Ф.Бережного, И.В.Кузнецова, А.Л.Мишурина, Р.П.Овсепяна основательно проанализированы ленинская теория партийной печати, особенности созданной в первые послереволюционные годы системы печати, принципы партийного руководства СМИ.

В этих условиях журналистика не просто репродуцировала партийные постулаты, но стремилась по-своему интерпретировать окружающую действительность, предлагая собственные технологии восприятия и отображения действительности. Учитывая это, появляется возможность более объективного рассмотрения содержания журналистики применительно к освещению ею отечественных политических традиций.

Хочется выразить искреннюю признательность профессору, доктору филологических наук М.М.Ковалевой, с участием которой были определены многие концептуальные положения этой монографии. Автор благодарен декану факультета политологии и соци-

ологии Уральского госуниверситета Б.Б.Багирову, а также профессорам Е.В.Грунт, Ю.А.Ермакову, В.Ф.Олешко за те замечания и советы, которые были высказаны ими в ходе работы над текстом книги. Несомненно, полезным стало обсуждение исследуемой проблематики и с зарубежными коллегами, в частности, с П.Реддауэем, профессором университета Джорджа Вашингтона (США), видным специалистом по российской истории.

На протяжении всего времени автор ощущал моральную поддержку со стороны многих коллег по факультету журналистики Уральского университета. Искренне благодарю доцента Л.М.Макушина, принявшего активное участие в издании этой книги. И еще. Думается, сама книга не была бы завершена к сегодняшнему дню, если бы не понимание со стороны моей семьи.

Глава I

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ЖУРНАЛИСТИКА: К ИСТОКАМ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

Целью данной теоретико-постановочной главы является рассмотрение отмеченных в ее заглавии понятий для определения особенностей взаимодействия между ними. С учетом этого появится возможность представить специфику функционирования журналистики, являющуюся исследовательским полем данной монографии.

Общественно-политические и экономические процессы, проходящие в нашей стране с начала 1990-х гг., породили существенные изменения в повседневной жизни россиян. Не сбрасывая со счетов прогрессивные перемены – развитие демократии, расширение выбора как социально-экономической категории, возросший уровень свободы слова, в том числе посредством СМИ, и другие, – можно утверждать, что за период рыночных реформ российское общество испытало серьезный психологический дискомфорт. Этот вывод делают многие авторитетные исследователи социальных процессов в России. Так, по мнению Р.В.Рывкиной, эпоха экономической свободы, сменившая эпоху командной экономики, для российского общества оказалась слишком большим испытанием, которое оно не сумело выдержать¹. Нынешняя обстановка в стране, которая характеризуется продолжающимся крупномасштабным кризисом, ставит под сомнение возможность быстрого решения обозначенных выше проблем, в том числе стабилизации уровня жизни, создания качественно новой системы управления в различных проявлениях общественной деятельности.

В силу сказанного на повестку дня встает значимый, по-настоящему актуальный вопрос: по какому пути следует развиваться рос-

¹ Рывкина Р.В. Экономическая социология переходной России. Люди и реформы. М., 1998. С. 16.

сийскому обществу, чтобы консолидировать свои позиции, не допустить потери духовно-нравственных приоритетов, без чего невозможна дальнейшая стабилизация политики и экономики? На этот вопрос пытаются ответить лидеры политических партий и общественных движений, представители деловых кругов, деятели культуры, науки и т.д. Свои мнения они стремятся донести посредством различных форм и способов воздействия на общество. В общей системе информирования журналистика играет исключительную роль. Она выступает мощным «катализатором» развития любого общества, вмешиваясь в различные процессы жизни и делая саму жизнь более зримой, осязаемой для миллионов людей². В силу этого многие люди стремятся использовать журналистику для выражения своих взглядов. Это проявляется и при обсуждении обозначенной выше темы — поиска оптимального преодоления крупномасштабного кризиса в нашей стране.

На наш взгляд, единственной возможностью для перспективного развития страны может стать осознание различными политическими силами важности идеи гражданского согласия³, основанного на приоритетах интегративной идеологии. Эта идеология является основой для проведения в обществе консенсусной политики, исходя из интересов основных социальных групп. По справедливому утверждению В.В.Крамника, взаимодействие различных политических курсов определяется не только идейно-психологическими причинами — наличием соответствующих спектров восприятия жизни. Оно также вызвано практическими факторами — потребностью смягчать, сглаживать или устранять неизбежные издержки, преувеличения или заблуждения этих курсов⁴.

Реализация на практике консенсусной политики — дело крайне сложное. Прежде всего, по причине обостренного противоборства взглядов в российском обществе, отсутствия желания у многих политиков, отстаивающих те или иные политические взгляды, к вза-

² Прохоров Е.П. Журналистика и демократия. М., 2001. С. 3.

³ См. также: Воробьев А.М. Средства массовой информации как фактор гражданского общества: процесс, тенденции, противоречия. Екатеринбург, 1998. С. 96.

⁴ Крамник В.В. Социально-психологический механизм политической власти. Л., 1991. С. 118.

имному сближению и консолидации своих позиций (что, в частности, заметно при обсуждении многих вопросов в российской Госдуме). Однако именно консенсусная политика может существенно уменьшить существующую социальную напряженность, сформировать у граждан позитивное отношение к власти, определить единый, консолидированный, вектор стратегии общества. В генерировании такой политики журналистике отводится далеко не последняя роль. Это связано с исключительными возможностями СМИ в сфере информирования общества, с особым уровнем их воздействия на массовое сознание. Журналистика в силу названных причин оказывается тем социальным институтом, который может сплотить или, наоборот, разъединить общество, создать препоны к его поступательному развитию. Сплочение общества возможно, по справедливому утверждению Е.П.Прохорова, на основе осуществления в его рамках социального диалога. Этот диалог налаживается посредством журналистики, как наиболее доступной трибуны для обсуждения различных вопросов, что способствует нивелированию социальной конфликтности⁵.

Для ведения социального диалога первостепенной задачей является определение в системе медиа-информирования общего духовного начала, благодаря которому становится возможным единение многомерных интересов и потребностей, существующих в обществе. Этим началом, на наш взгляд, может быть названа культура, которая, передавая накопленные результаты различных видов деятельности из поколения в поколение, упрочивает социальный опыт, влияющий на поведение больших общественных групп. Вследствие этого, объективное понимание развития культуры оказывается возможным на основе осмысления исторического опыта во всем его многообразии. Этот опыт, в свою очередь, позволяет выявить оптимальные ценностные установки, которые могут реализовываться в наше время и способствовать лучшему пониманию перспективы развития страны. Под ценностными установками мы понимаем совокупность идей, средств и методов деятельности, степень последовательности их применения и реализации в повсе-

⁵ Прохоров Е.П. Указ. соч. С. 126.

дневной жизни. Отмеченные идеи и методы деятельности несут на себе бремя эволюции общества, своеобразие социальных процессов, без которых невозможно представить особенности его существования. «Необходимо учитывать реальные ограничения, накладываемые на нас нашими собственными историческими корнями, образом жизни, укоренившимися в сознании народа социально-политическими мифами,— добавляет И.Ф.Михайлов, — чтобы наш «исторический оптимизм» не перерос в легкомысленное реформаторство, чреватое социальными катаклизмами и регрессивными скачками»⁶.

Воспринимая культуру с позиции накопления социального опыта людей, мы подходим к сути самого понятия «культура», которое является базовым для понимания методологических особенностей данного исследования. Очевидно, что, исходя из сказанного, нам не очень подходит определение культуры, данное, например, поэтом А.Белым. Тот в одной из своих критико-публицистических работ заметил, что культура многомерна и вмещает в себя все, что окружает человека: быт, искусство, сфера науки, интересы общества и отдельных личностей, живущих в нем⁷. При всей значимости этих понятий для восприятия культуры следует признать, что представленный набор ее составляющих носит в определенной степени размытый характер и потому затруднен для научного обобщения. Между тем, это обобщение необходимо, и, прежде всего, для определения специфических особенностей функционирования культуры, ее взаимодействия с традицией и журналистикой.

Существует множество классификаций, рассматривающих явление культуры. Одна из них приводится в монографии Л.Е.Кертмана, который структурировал несколько основных научных подходов к пониманию культуры, утвердившихся в мировой науке в XX веке: антропологический, философский, социологический и деятельностный⁸.

⁶ Михайлов И.Ф. Социокультурные основания властных отношений // Власть в социалистическом обществе: теория, история и перспектива. М., 1989. С. 133.

⁷ Белый А. Пути культуры // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 91.

⁸ Кертман Л.Е. История культуры стран Европы и Америки (1870–1917). М., 1987. С. 14–21.

Антропологический или релятивистский подход воспринимает культуру с точки зрения существования в любом обществе определенных материальных и духовных приоритетов. Как отмечали американские культурологи А.Кребер и К.Клэкхон, задача антропологии состоит в том, чтобы «установить круг, разновидности, меру прочности и взаимоотношения этих бесчисленных ценностей»⁹. Ценности, бесспорно, являются одним из ключевых понятий в оценке развития культуры в обществе. Однако при этом неизбежным становится отход от восприятия самой культуры в ее эволюционном развитии. В соответствии с этим затруднено ее изучение в рамках долгосрочного и последовательного исторического процесса. Еще менее перспективным с учетом обозначенной нами проблематики выглядит так называемый философский подход, который воспринимает культуру с глобальных позиций, в большей степени абстрактно, нежели преломляя под конкретные интересы людей. «"Философский" подход к понятию «культура», — пишет Л.Е.Кертман, — лишает ее собственно онтологического содержания и трактует ее как некую разлитую во всех общественных отношениях субстанцию, которая если и может быть предметом изучения, то лишь на уровне самой высокой абстракции»¹⁰.

Более реалистичным применительно к нашему исследованию выглядит социологический подход, который исследует культуру на основе исторического опыта, выраженной как в предметах материального труда, так и духовных проявлений. Говоря о последних, У.Беннетт отмечал, что «культура состоит из прочных верований, ценностей и норм поведения, которые организуют социальные связи и делают возможной общую интерпретацию жизненного опыта»¹¹. Существование упомянутого жизненного опыта подтверждает наличие социальной памяти — важнейшего механизма эволюционного функционирования общества. Это аспект постижения культуры, поскольку именно в его рамках формируется исследованная нами выше традиция. Однако, принимая во внимание

⁹ Kroeber A., Clackholn C. Culture. A Critical Review of Concepts and Definitions. Cambridge (Mass.), 1952. P. 32.

¹⁰ Кертман Л.Е. Указ. соч. С. 18.

¹¹ Bennett W. Public Opinion in American Politics. N.Y., 1980. P. 367.

социологический подход, мы неизбежно ставим на второй план поведение людей, их личное участие в преобразовании жизни, создании новых духовных ценностей, что собственно и позволяет самой культуре выглядеть развивающимся, а не статичным явлением.

По этой причине более перспективным для понимания сути культуры применительно к исследованию традиций видится деятельностный (а правильнее сказать ценностно-деятельностный) подход, суть которого сформулировали Л.Н.Коган и Ю.Р.Вишневский. В соответствии с этим подходом, культура представляет собой активную творческую деятельность людей (индивидов, социальных групп, классов, общества). В ходе их созидательной активности «производятся, сохраняются, распределяются и потребляются социальные ценности и нормы, а также совокупность самих этих ценностей и норм, опредмечивающих творческую деятельность людей»¹². Ставя в основу своего существования творческую деятельность, уточняют В.Е.Давидович и Ю.А.Жданов, культура выступает как способ регуляции, сохранения, воспроизведения и развития всей общественной жизни¹³.

Таким образом, в центре ценностно-деятельностного подхода при восприятии культуры оказывается исследование и передача исторического опыта, отражаемого в социальной памяти общества. Нельзя, правда, не согласиться с В.М.Межуевым, отмечавшим, что следование в общественных науках только деятельностному подходу рискует существенно ограничить объективное постижение культуры¹⁴. Вместе с тем, для нас этот «срез» ее существования является перспективным по причине своего практического характера.

Отмеченный выше исторический опыт обобществляет результаты повседневной деятельности, достигнутые к определенному времени, и тем самым формирует материально-духовную основу общества. Одновременно он представляет собой своеобразную социальную память, являющуюся феноменом общественного сознания.

¹² Коган Л.Н., Вишневский Ю.Р. Очерки истории социалистической культуры. Свердловск, 1972. С. 23.

¹³ Давидович В.Е., Жданов Ю.А. Сущность культуры. Ростов н/Д., 1979. С. 88.

¹⁴ Межуев В.М. Культура и история. М., 1977. С. 72.

ния и влияющую на повседневное поведение различных социальных групп. По этой же причине исторический опыт накладывает существенный отпечаток на особенности массового сознания, восприятия им окружающей действительности и служит основой для дальнейшей эволюции общества. Этот опыт, как правило, многогранен и может распространяться на различные сферы окружающей жизни, внося в современную практику уже сложившиеся «программы поведения», проявившие себя на уровне коллективных и межличностных отношений. Речь, разумеется, не идет о прямом копировании уже совершенных действий: сам опыт, механистически взятый из минувшей эпохи, как правило, исчерпал свои возможности и потенциал. Его ценность для современной жизни видится в социокультурной преемственности как важнейшем проявлении эволюции общества, без чего невозможно представить его дальнейшее развитие. Именно отмеченный опыт создает основу для принятия решений в различных направлениях политической, экономической и других видах деятельности. Обладая детерминирующей функцией, он способен воздействовать на дальнейший ход событий и направлять их¹⁵.

Осмысление исторического опыта может вестись в различных формах: посредством академических исследований, научных дискуссий и т.д. Несомненно, значимую роль в этом процессе играет журналистика, являющаяся наиболее доступным источником информации для массовой аудитории. Уже это определяет исключительную роль журналистики в процессе познания культуры. Ее предназначение сводится, в частности, к тому, чтобы стать информационными посредниками между различными социальными группами, в том числе и по вопросам исторического прошлого. Вот почему использование журналистики для обстоятельного прочтения прошлого с целью лучшего понимания настоящего является важным в нынешней нестабильной ситуации в России.

Говоря об историческом опыте, как важнейшем проявлении культуры, мы встаем перед необходимостью поиска объективного

¹⁵ Уваров А.И. Роль исторического опыта в политическом сознании (гносеологический аспект) // Власть в социалистическом обществе: теория, история и перспективы. Указ. соч. С. 66-67.

показателя общественной эволюции. Его необходимость диктуется тем, что прошлое и настоящее неразрывно связаны между собой. Без осознания прошлого вряд ли возможно проявление самосознания, формирование индивида как личности. Настоящее в этом случае выглядит как бы оторванным от исторического фундамента в его политическом, нравственном и любых иных проявлениях. На наш взгляд, наиболее точным оценочным показателем социальной эволюции становится традиция как универсальная форма и механизм этой преемственности, являющаяся одновременно фундаментальной категорией исторического развития и позволяющая в связи с этим выработать цивилизационную модель национального развития.

Традиция выступает в качестве духовного основания культуры и одновременно важнейшего алгоритма сохранения общественных ценностей, являющихся значимыми для формирования «лица» нации. В связи с этим мы вправе считать ее показателем эволюции общества. Традицию также можно воспринимать как проявление определенных стандартов (шаблонов) в образе мышления и повседневных действиях как больших социальных групп, так и индивидов¹⁶. Без следования стандартам группам и индивидам невозможно «вписаться» в систему общественных отношений, быть понятыми окружающими людьми. С учетом этого традиция является носителем социальной памяти, которая воспроизводит эталоны поведения, проверенные опытом истории и соответствующие потребностям дальнейшего развития общества.

Традиция формируется на протяжении длительного периода времени — столетий, а подчас и тысячелетий. Именно поэтому она является значимым и объективным показателем развития любого общества. Говоря о традиции, американский исследователь

¹⁶ Как отмечает Ю.П. Андреев, существенной характеристикой каждой личности является то, что она персонифицирует общественную жизнедеятельность, ее собственное бытие выступает как общественное бытие, но только в индивидуальной форме. В соответствии с этим проблема личности — это проблема ее отношений и, наоборот, проблема общественных отношений — это проблема личности (См.: Андреев Ю.П. Содержание и структура общественных отношений. Саратов, 1985. С. 99).

1920-х гг. И.Майер образно замечал, что она «сохраняется из прошлого людей и воздействует на их настоящее для оформления их будущего»¹⁷. Эта точка зрения не утратила своей актуальности и в современной академической науке. По словам В.А.Кутырева, «традиция передает эстафету существования [и] предполагает, что передача дошла (перенята, преемственна), что эстафета принята, и явление продолжает существовать в новых условиях. Традиция — это не прошлое, ею обозначается не то, что «позади нас», а то, что существует в мире и нас самих»¹⁸.

В «нас самих», так или иначе, находят воплощение национальные особенности народа (менталитет), концентрирующие в себе духовные и эмоциональные доминанты его восприятия окружающего мира. Под менталитетом в данном случае мы понимаем совокупность устойчивых социальных характеристик, позволяющую «единообразно воспринимать окружающую социально-политическую реальность, оценивать ее и действовать в ней в соответствии с определенными устоявшимися в общности нормами и образцами, адекватно воспринимая и понимая при этом друг друга»¹⁹. Собственно менталитет и является фундаментом, формирующим традиции (которых применительно к развитию любого общества оказывается много), а они сами, в свою очередь, выступают в виде механизма сохранения и преломления менталитета на повседневные явления общественной жизни.

Эта дихотомия способствует объективному пониманию значимости исторических традиций для повседневного бытия. Они обосновывают объективные особенности деятельности людей на протяжении длительного времени, что позволяет лучше понять природу современных общественных отношений и сохранить баланс интересов различных социальных групп в ходе решения вопросов современной жизни. Это видится как нельзя более важным при выстраивании стратегии развития современной России.

Признавая, что традиция является универсальной категорией

¹⁷ Цит. по: Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория. М., 1961. С. 177.

¹⁸ Кутырев В.А. Традиции и ничто // Философия и общество. 1998. № 6. С. 182.

¹⁹ Политология: энциклопедический словарь. М., 1993. С. 175.

общественного развития, мы видим необходимость в предметном обозначении этого понятия. Данная потребность диктуется, с одной стороны, неоднозначностью в понимании сути традиции, а с другой – спецификой данной диссертационной работы, рассматривающей ее не столько в общефилософском плане, сколько применительно к конкретной политической практике и ее отражению в сфере журналистского творчества. В центре нашего внимания находится политическая традиция, постижение которой невозможно представить без понимания сути политической культуры, являющейся, в свою очередь, проявлением целостной культуры общества. В изучении взаимодействия между отмеченными понятиями заключается концептуальное начало данной диссертационной работы. В свою очередь, исследование содержания журналистики через призму политических традиций видится новым для постижения объективных закономерностей общественного развития.

К настоящему времени существует значительное число академических работ, где анализируется суть традиции как научного, социального и чисто житейского явления. «Само слово «традиция», — отмечает Н.Н.Шульгин, — должно быть рассмотрено под множественным углом, поскольку оно имеет разные смыслы. Скажем, традиция как результат собственного внутреннего выбора человека, который сознательно относит себя к некой тенденции мысли, прослеживаемой в истории, и традиция как результат внешней интерпретации методолога, который интерпретирует то или иное концептуальное явление, принятие той или иной политической концепции как следование традиции»²⁰. При всей справедливости данного высказывания, нельзя отрицать, что оно носит достаточно общий характер. Это не позволяет выявить детерминированные основания для исследования традиции применительно к проблематике нашей работы.

Суммируя многообразные определения традиции, мы можем условно классифицировать их по нескольким основаниям. Ряд исследователей, например, Ю.Н.Давыдов, К.С.Саринтулян, Ю.Н.Сафронов рассматривают традицию, прежде всего, как регулятивное

²⁰ См.: Методология анализа политической традиции в России: материалы «круглого стола» // ОН и С. 2000. № 2. С. 79.

понятие, обращая особое внимание на значимость ее нормативного характера для воссоздания привычных проявлений жизни на новом уровне общественного развития. Этих же взглядов придерживается И.Т.Касавин, уточняющий, что существующие нормы оказывают регулятивное воздействие на образы мышления и поведенческие отношения между людьми. Реализуемость этих норм через смысловую поливариантность, повседневную деятельность делает традицию доступной и адекватно воспринимаемой индивидом²¹.

В работах В.Д.Плахова и Г.Ф.Салтыкова традиция воспринимается под иным углом зрения — в качестве базовой категории целостной системы общественных отношений, имеющих нормативный характер и упорядочивающих развитие этой системы. В свою очередь, В.Б.Власова усматривает в традиции проявление социализации индивидов. С целью достижения этого результата, полагает она, общество культивирует и воспроизводит общественные (групповые) стереотипы, посредством которых облегчается взаимопонимание между людьми, формируются новые условия и стандарты общественной деятельности, благодаря чему осуществляется ее дальнейшее развитие. И.А.Баргесян трактует традицию в первую очередь как хранителя социальной информации. Сохранение информации, по И.А.Баргесяну, происходит посредством определенной знаковой коммуникации, информационных кодов, выработанных различными социальными группами за долгую историю своего развития. Ближким к этому является восприятие традиции Л.В.Даниловой. Применительно к этому понятию она использует особый термин — «информационная программа», которая определяет эволюцию общества и на основании которой воспроизводятся новые результаты материальной и умственной деятельности людей²².

Признавая рациональность подходов к определению сути тра-

²¹ Давыдов Ю.Н. Традиция в истории культуры. М., 1978; Сарингулян К.С. О регулятивных аспектах культурной традиции // Сов. этнография. 1981. № 2. С. 99-101; Сафронов Ю.Н. Общественное мнение и религиозные традиции. М., 1970; Касавин И.Т. Познание в мире традиций. М., 1990.

²² Плахов В.Д. Традиции, их роль и место в общественных отношениях. Л., 1970; Салтыков Г.Ф. Традиции, механизм их действия и некоторые особенности в Китае. М., 1972; Власова В.Б. Традиция как социально-философская категория //

дий у всех приведенных выше авторов, мы, тем не менее, полагаем, что они оставляют в стороне фактор общественной деятельности, посредством которых традиции получают дальнейшее развитие и наследуются новыми поколениями. Правда, тот же И.А.Баргесян под системой коммуникации понимает способы передачи культурного опыта, что предполагает участие тех или иных социальных групп в этом процессе. Вместе с тем, отмеченный фактор обозначен лишь схематично. В соответствии с этим неустребованными в рамках традиций оказываются инновационные проявления, которые неизбежно становятся заметными в ходе эволюции общества. «...Проблема традиции, — замечал Д.Д.Благой, — не может рассматриваться вне словно бы ей противостоящей, а на самом деле, в порядке последующего плодотворного синтеза, с нею теснейшей преемственной связью связанной проблемы новаторства. Диалектически то и другое — проблемы-близнецы»²³. Новаторство (или инновация) в рамках той или иной традиции может носить модификационный характер, т.е. достаточно спокойный, последовательный, имеющий прочную связь с привычным уровнем развития общественных отношений, а может принимать радикальные, революционные формы, способствующие ускоренному переходу организационной системы в новое качественное состояние. В любом случае за всем этим просматривается деятельностная мотивация людей, их стремление к преобразованию окружающей их жизни, восприятие традиции как устоявшегося явления, актуализирующего исторический опыт на основе уже упомянутой выше социальной памяти и формирующего в ходе этого процесса новые характеристики.

Игнорирование при восприятии традиции ценностно-деятельностного подхода не позволяет представить объективные закономерности развития исторической ситуации в России. В силу этого

Философские науки. 1980. № 4. С. 30-39; Баргесян И.А. Традиция и коммуникация // Философские проблемы и культура. Тбилиси, 1980. С. 124-135; Данилова Л.В. Традиция как специфический способ социального наследования // Сов. этнография. 1981. № 3. С. 48-50.

²³ Благой Д.Д. О традициях и традиционности // Традиция в истории культуры. М., 1978. С. 30.

невозможным видится и поиск оптимального пути выхода России из нынешнего кризисного состояния. Поэтому для нас более предпочтительным выглядит оценка традиции как проявление длительной эволюции общественных отношений, выработанных повседневной практикой, с учетом сложившихся форм взаимодействия между большими социальными группами. Только тогда появляется возможность увидеть тенденцию того или иного долгосрочного явления, зафиксировать его очертания, выраженные в доступных для обыденного мышления формах, символах и т.д. Эту же позицию отстаивает и ряд видных отечественных исследователей. Например, Г.Е.Елфимов усматривает преемственность коллективного опыта человеческой деятельности применительно к каждому новому явлению действительности, благодаря чему в нем обнаруживается повторяемость уже привычных черт и свойств. Э.С.Маркарян, в свою очередь, воспринимает традицию как способ аккумуляции и трансляции этого опыта, выраженного в социальных стереотипах. «Культурная традиция, — пишет он, — это выраженный в социально-организационных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах»²⁴.

В приведенных определениях подмечена принципиально важная особенность традиции — быть хранителем и в известном смысле продуcentом такого сложного явления как культура (Э.С.Маркарян, как видим, сознательно использует понятие «культурная традиция»). Вне культуры, являющейся ключевым понятием для исследования различных сфер окружающей нас жизни, невозможно понимание ни традиций вообще, ни политических традиций в частности. В соответствии с этим, нельзя объективно представить и роль журналистики в восприятии политических традиций, что является предметом нашего исследования.

Воспринимая культурную традицию в ценностно-деятельностном аспекте, мы определяем ее как основу успешного функциони-

²⁴ Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М., 1983. С. 154; Елфимов Г.Е. Возникновение нового: философский очерк. М., 1983. С. 75-76.

рования журналистики. Эта проекция является значимой для понимания внутренних законов существования и развития СМИ, их творческого своеобразия, а также взаимодействия с аудиторией.

Следует отметить, что ценностно-деятельностный подход используется при изучении любой общественной системы, независимо от политических, социальных и других особенностей ее существования. Исследование проблем взаимодействия культуры и массовой коммуникации позволяет выявить роль последней в деле формирования личности, типа и образа жизни, культурного потребления, самого типа культуры²⁵. Наряду с другими источниками информации об окружающем мире (литературой, сценическим искусством, устной речью и т.д.) роль журналистики выглядит особой. Все возрастающее многообразие общественных процессов уже привело к тому, что журналистика становится наиболее оперативным и всеохватным каналом передачи информации. По этой причине внимание к журналистике среди исследователей, занимающихся вопросами коммуникативистики, оказывается наиболее значимым.

Журналистика, как особый род общественной деятельности, отличается специфичностью своего существования в повседневном мире. Говоря о широком семантическом наполнении этого понятия, Е.П. Прохоров отмечает, что журналистика может функционировать и восприниматься в различных проявлениях. Она является особым социальным институтом, представляющим собой систему различных учреждений, а также системой видов деятельности, необходимых для функционирования этого социального института. Журналистика, кроме того, воспринимается в виде целого ряда профессий для обеспечения различных областей журналистской деятельности, системы произведений и комплекса каналов для передачи массовой информации. Наконец, журналистика выступает в качестве совокупности учебных дисциплин и особой отрасли науки²⁶.

Точку зрения Е.П. Прохорова на различные грани понятия «жур-

²⁵ Борев В.Ю., Коваленко А.В. Культура и массовая коммуникация. М., 1986. С. 13.

²⁶ Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики. М., 2000. С. 12-13.

налистика» можно считать универсальной, поскольку исследование его проблемного поля в мировой и отечественной научной практике уже долгое время осуществляется именно в этих направлениях.

На наш взгляд, существование журналистики как устойчивого социального института с долгой применительно к России историей своего развития позволяет определить сам предмет изучения с единых методологических позиций. Вместе с тем, данное понимание журналистики, на наш взгляд, не дает представлений о специфических особенностях ее взаимодействия с окружающей действительностью. Перспективным поэтому выглядит восприятие журналистики в качестве самостоятельного профессионального вида деятельности. Правда, Е.П.Прохоров включает в «деятельностный фактор» организационный аспект, связанный с созданием СМИ, подготовкой кадров для работы в редакциях и т.д. Однако чисто творческое начало, направленное на поиск, обработку и предоставление общественно значимой информации, играет весомую роль в определении особого «лица» журналистики для массовой аудитории. В этом отношении мы разделяем позицию Л.Г.Свитич, утверждающей, что «под журнализмом понимается информационное коммуникаторство или информационная медиация, способ, тип деятельности, связанный с поиском и передачей актуальной социальной информации...»²⁷.

Деятельностное функционирование журналистики, по мнению Б.А.Грушина, может проявляться в двух ипостасях: отражающей (моделирующей, описывающей, фиксирующей действительность) и управляющей (преобразующей эту действительность)²⁸. Благодаря этому функционированию, как каждый индивид, так и общество в целом получают возможность ориентироваться в окружающем мире. Это происходит потому, что существование журналистики как сферы деятельности, направлено не только на фиксирование отдельных фактов и явлений окружающей жизни, но в конечном

²⁷ Свитич Л.Г. Феномен журнализма. М., 2000. С. 62.

²⁸ Грушин Б.А. Эффективность массовой информации: понятие и проблемы измерения. М., 1979. С. 3-5.

итоге на формирование социальной памяти общества. Обращение журналистики к социальной памяти делает ее частью культуры общества, рассматриваемой нами, как отмечалось выше, также исходя из ценностно-деятельностного подхода.

С одной стороны, журналистика является частью материальной культуры, если брать во внимание печатную продукцию — газеты, журналы. Именно этот аспект позволяет нам идентифицировать такие понятия как журналистика и средства массовой информации (СМИ), которые по ходу нашей работы используются как синонимы. С другой стороны, журналистика выступает в качестве составляющей духовной культуры, если рассматривать ее как средство формирования мыслей, чувств, эмоций широкой аудитории. Не случайно Н.Н.Липовченко называет журналистику элементом культуры, который связан с познанием и творчеством²⁹. СМИ могут привить уважение или неуважение аудитории к историческому прошлому своей страны, к таким глобальным понятиям как патриотизм, чувство долга, сформировать у людей определенную позицию в отношении повседневных проявлений жизни. Тем самым происходит активное вторжение журналистики в различные проявления культуры. Это подтверждает, что не только культура накладывает зримый отпечаток на журналистику, но и наоборот. Понятие культуры, подчеркивает в связи с этим французский социолог А.Моль, «приобрело свое подлинное значение лишь после того, как средства массовой коммуникации сделали культуру главной характерной чертой и двигателем современного общества»³⁰. С этим соглашается Г.В.Жирков: «Воздействие современной журналистики на общество таково, что постепенно, в течение столетия происходило становление цивилизации массовой культуры»³¹.

Через описание и оценку различных проявлений культуры журналистика выполняет свои профессиональные задачи. Таким обра-

²⁹ Липовченко Н.Н. Очерк теории журналистики. Киев, 1985. С. 13.

³⁰ Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973. С. 347.

³¹ Жирков Г.В. Журналистика на пороге XXI века // Журналистика и XX век: эволюция и проблемы. Тезисы международной научно-практ. конференции. СПб., 1996. С. 1.

зом, она является не только частью культуры, но и механизмом ее актуализации применительно к потребностям широкой аудитории³². В задачу журналистики входит не только транслирование, но и обобщение ценностей культуры, сложившихся за длительный период времени — с целью уточнения или изменения политических, психологических и других установок общества.

В соответствии с этим теснейшим образом переплетаются функции культуры и журналистики. К числу функций культуры Л.Н.Коган относил, в частности, передачу социального опыта и социальной информации, регулирование общественных отношений, осуществление коммуникации, связи между людьми по поводу производства и освоения культурных ценностей³³. Можно утверждать, что аналогичные функции выполняет и журналистика. Обращает на себя внимание, что в условиях информационной деятельности СМИ осуществляют социальную связь между различными членами общества, обеспечивают преемственность культурных проявлений, поддерживают устоявшиеся социальные ценности³⁴. Кроме того, и культура, и журналистика формируют общественное сознание и общественные отношения, что позволяет им находиться в едином теоретическом и познавательном поле и транслировать определенные политические и духовные ценности.

Этот подход — исследовать журналистику через сферу культуры вообще и ее традиции в частности — выглядит достаточно обоснованным в рамках изучения отечественных СМИ советского периода, являющихся объектом рассмотрения в данной работе. На протяжении многих десятилетий их существование и эволюция ставились в зависимость в первую очередь от политической реальности, а не традиций культуры. Эта закономерность утверждалась в осно-

³² Как справедливо отмечает О.Г.Кузнецова, люди воспринимают идеи, распространенные через СМИ, на основе своей культуры, своего психологического состояния и мировоззрения (См.: Кузнецова О.Г. Основные способы воздействия СМИ на читательскую аудиторию // Основы информационной культуры. СПб., 1998. С. 49).

³³ Коган Л.Н. Социология культуры. Екатеринбург, 1992. С. 13-14.

³⁴ См.: Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М., 1999. С. 15-16.

ве теории партийной журналистики, являвшейся базовой для развития СМИ в нашей стране после прихода к власти большевиков. Главенствующей для понимания их роли в обществе оказывалась повсеместно утверждаемая идеология как целостная система политических ценностей, выражающая интересы, цели и намерения коммунистической партии. Именно идеология с присущей ей конкретно-историческим содержанием определяла взаимоотношения СМИ с одной стороны, и общества, классов – с другой³⁵. Она же всецело влияла на содержание журналистики путем появления в ней партийных директив, пропагандистских статей и т.д.

Не сбрасывая со счетов идеологию, как важнейший фактор развития журналистики после 1917 г., нельзя не отметить универсальную особенность существования СМИ в любом обществе. Они вряд ли могут стать эффективным инструментом проведения определенной политики, если та разнится с системой традиционных духовных и нравственных ориентиров, присущих культуре общества как системной категории. Сочетание двух моментов, казалось бы, очевидное для понимания содержательных особенностей существования журналистики советской эпохи, явно недооценивалось многими исследователями. «Взгляд на журналистскую деятельность через закономерности культурного развития сам по себе не привычен, также как не привычно для материалистического понимания «преувеличение» роли духовного субъекта»³⁶. Между тем, именно культура становится объективным показателем ее развития, поскольку в ней проецируется утверждаемая в обществе идеология, накладывающая отпечаток на существование всех политических и социальных институтов. Журналистика, таким образом, является не просто механизмом социализации культуры, но и в равной степени – ее политизации.

Любая идеология, в конечном счете, является отражением не только сиюминутной политической практики, но еще и историче-

³⁵ Фомичева И.Д. Печать, телевидение и радио в жизни советского человека. М., 1987. С. 6.

³⁶ Шайхитдинова С. Журналистика как предмет культурных исследований // Журналистика и XX век: эволюция и проблемы. С. 93.

ской эволюции общества. Политическая власть, осуществляющая эту идеологию, нуждается в опоре на ценности, уже сформированные в обществе. Во всяком случае, сама история не знает примеров, когда получившая всестороннее влияние идеология не была связана с предпочтениями, присущими той или иной нации, не проявляла себя в ценностных ориентациях различных классов и социальных слоев³⁷. В данном случае идеологическая сфера как бы проецируется на культуру в целом, создавая особую нишу – нишу политической культуры.

Мы акцентируем внимание на понятии «политическая культура» потому, что оно является родовым для понятия «политическая традиция»³⁸. Исследование этого взаимодействия во многих проявлениях отражает отношения между культурой как целостным явлением и исторически сложившимися традициями общества, однако имеет и свои специфические особенности. Их рассмотрение позволит выявить общие закономерности отражения политических традиций в журналистике и роль самой журналистики в их формировании.

Подобно тому, как развитие культуры в целом определено объективными историческими особенностями существования общества, восприятие политической культуры тоже выглядит неполным без учета этих особенностей. Более того, фундаментальные характеристики целостной культуры задают основные параметры политической культуры³⁹. Это подтверждает, что первое понятие является диалектичным, включающим в себя различные проявления человеческой деятельности, в то время как второе – более узконаправленным и подчиненным культуре в целом (подобно тому, как

³⁷ См.: Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: очерки политической социологии капитализма. М., 1985. С. 13; Баразгова Е.С. Идеологическое воспитание молодежи в США. Свердловск, 1989. С. 22-23.

³⁸ Политическая культура, как понятие, включает в себя ряд компонентов: политическая идеология, политические нормы, политические отношения, политическое сознание, политические традиции и политические действия (См.: Воробьев А.М. Средства массовой информации как фактор формирования гражданского общества: процесс, тенденции, противоречия. Екатеринбург, 1998. С. 79).

³⁹ Демидов А.И., Федосеев А.А. Основы политологии. М., 1995. С. 165.

подчиненной по отношению к культуре в целом могут считаться материальная, духовная и другие виды культуры, которые могут быть названы субкультурами).

Вместе с тем, приоритет политической культуры над другими видами культурами очевиден. Она оказывает существенное влияние на формирование, функционирование и эволюцию государственных и общественных институтов и направлена на претворение в жизнь конкретных политических установок⁴⁰. Политика предстает не только в качестве самостоятельного культурного пространства. Она выступает как организационная и регулятивная сферы общества, основная в системе других таких же сфер: экономической, правовой, религиозной и т.д.⁴¹.

Это не значит, что остальные «проекции» культуры не столь значимы в системе общественных отношений. Однако именно в рамках единства политики и культуры, с учетом деятельностного характера последней, проявляет себя специфическая упорядоченность, при которой осуществляется познание политического мира, утверждается взаимодействие между властью и обществом, развивается политическая антропология, исследующая специфику «человека политического» и его место в системе общественных отношений. «В политизированном обществе, — уточнял Л.Н.Коган, — и нравственная, и художественная, и педагогическая, и философская, и религиозная культура, так или иначе, отстаивают определенные политические взгляды и идеалы. Как бы в иные периоды культуре ни хотелось разорвать все отношения с политикой, это не в ее власти»⁴². Аналогичную мысль проводит И.Е.Дискин, подчеркивая, что политика, как никакая другая составляющая нашего бытия, определяет глубинные процессы реформирования общественной жизни⁴³.

⁴⁰ Именно это проявление, прежде всего, отличает политическую культуру от более «узких» понятий: политической системы, которая включает в себя, прежде всего, политические институты, обеспечивающие принятие государственных решений, и политическое сознание, которое характеризуется как совокупность взглядов, идей и политических чувств.

⁴¹ Политология: энциклопедический словарь. Ук. соч. С. 251.

⁴² Коган Л.Н. Теория культуры. Екатеринбург, 1993. С. 35.

⁴³ Дискин И.Е. Социокультурный базис перестройки. М., 1992. С. 3.

В качестве фундамента, на котором строится здание реальной политики, как раз и выступает политическая культура. Эту универсальную закономерность отмечают все без исключения исследователи этой культуры, независимо от конкретного социально-политического контекста, в котором проводилось то или иное исследование⁴⁴.

Как и в случае с культурой и ее проявлением в виде традиции, мы воспринимаем политическую культуру, во-первых, как важнейшее средство социализации человека в системе политического пространства. По этой причине политическая культура предстает в качестве не только философской категории, но и практической сферы деятельности, формирующей политические нормы и ценности, которые влияют как на массовое, так и индивидуальное поведение. Во-вторых, политическая культура, подобно культуре вообще, выступает в виде социальной памяти (социального опыта), накопленной в системе политических отношений. Благодаря этому на современную практику проецируются исторически сложившиеся принципы политического устройства и управления. Социальная память проявляет себя через средства, каналы,

⁴⁴ См. напр.: Багиров Б.Б. Политическая культура и идейная убежденность социалистической личности. Свердловск, 1979; Баталов Э.А. Политическая культура современного американского общества. М., 1990; Бурханов Р.А., Коган Л.Н., Руденкин В.Н. Очерки политической теории. Нижневартовск, 1994; Гаджиев К.С. Политическая культура: содержание и сущностные характеристики // Политическая культура: теория и национальные модели. М., 1994. С. 55-77; Кейзеров Н.М. Политическая культура социалистического общества. М., 1982; Он же: Политическая и правовая культура: методологические проблемы. М., 1983; Парсонс Т. Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль: антология [Пер. с англ.]. М., 1994. С. 464-480; Разумович Н.Н. Политическая и правовая культура. М., 1989; Решетников В.А. Духовные основы современной политической культуры. Иркутск, 1991; Такер Р. Политическая культура и лидерство в Советской России: от Ленина до Горбачева [Пер. с англ.] // США: экономика, политика, идеология. 1992. № 1-6; Тотьянин Н.Д. Основные аспекты политической культуры и социализации американцев // США: экономика, политика, идеология. 1995. № 1. С. 29-41; Almond G.A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963; Pye L. Political Culture // International Encyclopedia of the Soviet Sciences. N.Y., 1968. Vol. 22; Rosenbaum W. Political Culture. N.Y., 1975.

модели поведения, с помощью которых осуществляется вхождение человека в политику. Тем самым политическая культура распространяется на духовную сферу, определяя модели поведения личности и общества, граждан и власти. Именно в силу духовного, а не материального аспекта определяющей чертой политической культуры следует назвать ее принадлежность к надстройке, к идеологическим отношениям⁴⁵.

Использование тех же самых методологических подходов при исследовании политической культуры, что и культуры в целом, позволяет утверждать, что ей присущи аналогичные функции. В числе важнейших следует назвать нормативно-регулятивную функцию, при которой данная субкультура становится механизмом регламентации и трансляции политических процессов и явлений. Коммуникативная функция политической культуры передает от поколения к поколению устойчивые политические установки, нормы и ценности. Ценностная (аксиологическая) функция, в свою очередь, обеспечивает преемственность политических приоритетов, утвердившихся в том или ином обществе и сформировавших определенный менталитет больших социальных групп. Трансляционная функция политической культуры служит для отражения и передачи социального опыта, накопленного в сфере политической практики. И, наконец, человекотворческая функция выводит на первый план личностный фактор, имеющий принципиальное значение для модификации и трансформации политической культуры.

Признавая важность названных функций для всестороннего выявления особенностей существования политической культуры, мы акцентируем особое внимание на двух последних, исходя из приоритета отмеченного нами выше ценностно-деятельностного подхода к познанию целостной культуры.

Применение данного подхода позволяет выявить механизм модернизации политической культуры, с учетом конкретных политических интересов и проявлений и в соответствии с этим определить наиболее оптимальный ракурс ее познания. Ценностно-дея-

⁴⁵ Кейзеров Н.М. Политическая и правовая культура: методологические проблемы. М., 1983. С. 14.

тельность подход не нов. Еще в конце 1960-х гг. американский исследователь Л.Пай писал о том, что политическая культура включает в себя «скрытые предположения и правила, управляющие поведением [людей] в политической системе»⁴⁶. Вряд ли стоит во всех случаях говорить о «скрытости» этих правил, поскольку в ходе преобразований действительности людьми чаще всего движет отчетливо выраженный политический интерес. Вот почему нам значительно более близко восприятие политической культуры, существующей на основе сложившихся в обществе ценностей, норм, традиций и т.д., которые характеризуют состояние и особенности поведения людей, являются барометром их социально-политической активности⁴⁷.

Тем самым политическая культура воспринимается в системе исторически сложившихся, относительно устойчивых установок, убеждений, представлений, моделей поведения (функционирования). Она проявляет себя «в непосредственной деятельности субъектов политического процесса, фиксирующих принципы их отношений к этому процессу в целом и его элементам, друг к другу, к самим себе, к политической системе, в рамках которой происходит этот процесс, и тем самым обеспечивающих воспроизводство политической жизни общества на основе преемственности»⁴⁸.

Ценностно-деятельностный подход при рассмотрении политической культуры выглядит универсальным, поскольку он принимает во внимание, во-первых, продолжительную эволюцию того или иного общества, а во-вторых, «совокупность основных достижений социального субъекта в практическом и теоретическом освоении явлений и процессов политической жизни»⁴⁹ [подчеркнуто мной. – Д.С.]. Между тем, особенностью исследования этой субкультуры в советское время было то, что она рассматривалась исключительно в рамках существующей политики и идеологии. Это восприятие основывалось на известном высказывании В.И.Лени-

⁴⁶ Pye L. Op. cit. P. 224

⁴⁷ Бурханов Р.А., Коган Л.Н., Руденкин В.Н. Ук. соч. С. 214, 216.

⁴⁸ Баталов А.Э. Указ. соч. С. 25.

⁴⁹ Багиров Б.Б. Указ. соч. С. 16.

на, произнесенном им в «Речи на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 года»: «Цель политической культуры, политического образования – воспитать истых коммунистов, способных победить ложь, предрассудки и помочь трудящимся массам победить старый порядок...»⁵⁰.

По сути, приведенное ленинское высказывание единственное, где упоминается само понятие – политическая культура, однако оно стало приоритетным для утверждения в обществе соответствующих норм ценностей, принципов общественного сознания и поведения. Содержание этой культуры определялось социально-классовой структурой общества, сложившейся в конкретных исторических условиях, вследствие пролетарской революции. В результате само содержание политической культуры выглядело узко функциональным, продиктованное потребностью выявления преимущественно интересов пролетариата.

Исходя из теории «новой культуры» и в соответствии с политическими установками дня, отсчет времени после прихода к власти большевиков, по существу, начался с чистого листа. Основным критерием политической культуры стало ее подчинение заданной «сверху» коммунистической идеологии. Вследствие этого, и журналистика, будучи, как отмечалось выше, частью культуры и одновременно средством ее формирования, инструментом проведения в жизнь партийных решений, выполняла аналогичные задачи. Ее существование было напрямую увязано с политической жизнью общества, а сами СМИ, благодаря своему активному и повсеместному воздействию на сознание многомиллионной аудитории, формировали восприятие политической культуры неразрывно от проводимой в стране идеологии. Именно так ставился вопрос на научно-практической конференции «Политическая культура развитого социализма: пути и средства формирования», проходившей в 1980 г. в Свердловске (Екатеринбурге). «... Главная задача массовых средств информации и пропаганды – поднимать сознательность масс, вооружить каждое новое поколение оружием исторической

⁵⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 404.

правды, глубоким пониманием законов и перспектив общественного развития, опираясь на незыблемую основу марксистско-ленинского учения. Только таким путем можно успешно развивать и утверждать политическую культуру советских людей.»⁵¹

Вследствие этого, вопрос о традициях, ведущих свое начало с дореволюционного времени, не обсуждался ни в СМИ, ни в академических исследованиях. Исключение составляла разве что традиция классовой борьбы, которая, как было принято считать в советское время, существовала в России задолго до 1917 г., а позже лишь продолжила свою эволюцию. (Немаловажную роль при этом сыграло известное сталинское высказывание о том, что по мере развития социализма возрастает классовая борьба.) Между тем, сами традиции, по сути, являются непрерывно развивающимися, что позволяет им образовывать наиболее устойчивый слой культуры. Как отмечалось выше, на их «лицо» могут накладываться отпечаток инновации, однако даже в этих условиях любое новое содержит в себе черты старого, заметные (или угадываемые) в политических приоритетах власти, массовых настроениях, в различных проявлениях повседневной жизни и т.д. Примечательно в связи с этим высказывание В.И.Ленина о том, что «никогда миллионы людей не будут слушать советов партий, если эти советы не совпадают с тем, чему их учит опыт собственной жизни»⁵².

Ленинское суждение подводит к мысли о преемственности старого и нового в рамках традиций политической культуры или политических традиций, как мы будем именовать их в дальнейшем. Они входят в систему традиций в области культуры в целом и представляют собой механизм становления и трансляции устойчивых форм политического сознания и поведения, различных способов организации политического процесса. Именно этот механизм становится тем водоразделом, который отличает просто традиции от политических традиций. Если первые могут быть выражены в обычаях, ритуалах и других формах повседневного бытия, олицетворяю-

⁵¹ Политическая культура развитого социализма: пути и средства формирования. Тезисы научно-практической конференции. Секция VII. Свердловск, 1980. С. 3.

⁵² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 178.

щих собой устойчивые идеи, ценности и отражающих сложившийся тип поведения, то последние проявляют себя, прежде всего, во взаимодействии власти и общества, формировании политических институтов. Вследствие этого, утвердившиеся в обществе идеи и ценности распространяются главным образом на политическую сферу, что делает их достаточно осязаемыми для любого человека. В этом заключается еще одно отличие «просто» традиций от политических традиций. Если первые могут быть внедрены как осознанно, так и неосознанно, т.е. «присутствовать в подсознании и проявляться интуитивно, независимо от намерений»⁵³, то вторые определяются конкретными политическими интересами.

Отмеченное различие традиций вообще и политических традиций не меняет их единой природы, выраженной в том, чтобы упрочивать в ходе своих модификаций, связанных с общей трансформацией общества, формированием новых социальных условий, привычные формы существования. Это и позволяет сохранять преемственность между поколениями в различных проявлениях жизни, в том числе и политической. Сама преемственность не всегда проявляется в бесконфликтной форме. «Возрождение и проявление традиций в общественно-политической жизни, — замечает Р.Ф.Матвеев, — нередко происходит скачками, в периоды особого обострения политической борьбы, роста активности населения, которое стихийно ищет исторических аналогий для решения проблем дня»⁵⁴. Это, однако, не меняет сути политической традиции — быть своеобразной лакмусовой бумажкой политического развития того или иного общества.

Меняя конкретные формы на разных этапах своего существования, политические традиции прочно наследуют исторически сложившиеся особенности функционирования политических институтов, принципы взаимодействия власти и общества. Как и традициям в целом, им присуща модификация, которая становится ре-

⁵³ Цит. по: Есин Б.И. Идеологическая направленность современных СМИ и русская традиция // Вестник Московского ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2001. № 3. С. 26.

⁵⁴ Матвеев Р.Ф. Теоретическая и практическая политология. М., 1993. С. 172.

зультатом изменения конкретных политических условий. Однако это не меняет суть политических традиций с присущими им устойчивостью и стремлением к воспроизводству привычных способов и форм поведения людей.

Несмотря на важность понимания специфики политических традиций в системе общеисторической эволюции общества, их активной роли в формировании его духовных приоритетов, сама политическая традиция как явление общественной жизни долгое время получала незначительное внимание в отечественной исследовательской литературе. Это было обусловлено идеологическими особенностями существования советского общества, принижением дореволюционного опыта во всех его проявлениях. В соответствии с этим, ни о какой преемственности политического развития говорить не приходилось. По существу, лишь с начала 1990-х гг. под воздействием новых социально-политических условий тема политических традиций стала находить место в научных и публицистических работах. При этом в большинстве из них политические традиции рассматриваются не в чисто теоретическом, а в первую очередь в познавательном плане, с учетом конкретной исторической ситуации в дореволюционной и послереволюционной России⁵⁵.

⁵⁵ См. Гудименко Д.В. Политическая культура России // Политическая культура: теории и национальные модели. М., 1994. С. 313-349; Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: очерки теории. Новосибирск, 1991; Кантор В.К. Личность и власть в России: сотворение катастрофы // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 14-22; Кутырев В.А. Традиции и ничто // Философия и общество. 1998. № 6. С. 170-190; Леваш И.Я. Русский коммунизм: альтернативы, драма духа, трагедия воли // Социс. 1997. № 11. С. 32-42; Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997; Оболенский А.В. Драма российской политической истории: система против личности. М., 1994; Панарин А.С. Российская политическая культура: прогнозы на XXI век // Власть. 1997. № 11. С. 44-49; Пантин В.А. Ритмы общественного развития и переход к постмодерну // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 3-13; Пантин И.К. Драма противостояния: демократия / либерализм в старой и новой России // Полит. исследования. 1994. № 3. С. 75-94; Он же: Проблема самоопределения России: исторические измерения // Вопросы философии. 1999. № 10. С. 3-17; Руткевич М.Н. О социальной структуре советского общества // Социс. 1999. № 4. С. 19-28; Тульчинский Г.Л. Российский потенциал свободы // Вопросы философии. 1997. № 3. С. 16-30; Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 26-41;

Кроме того, в последние годы появилась возможность ознакомиться с трудами отечественных философов XIX–XX вв., которые по идеологическим причинам на протяжении многих десятилетий находились в закрытых фондах и которые также анализируют особенности отечественных политических традиций на общем историко-социальном фоне⁵⁶.

Переноса рассмотрение исторического материала в следующую главу, следует отметить, тем не менее, что он позволил сделать ряд общетеоретических выводов относительно значимости и влияния политических традиций на жизнь любого общества.

Во-первых, эти традиции существуют и воспринимаются в качестве основного стержня, связывающего вместе прошлое и настоящее в системе взаимоотношений власти и общества, что позволяет достаточно зримо представить их эволюцию.

Во-вторых, политические традиции служат механизмом сохранения и реформирования политического режима. В этом проявляется объективное условие существования любой политической системы, которая благодаря устойчивым проявлениям своего развития обеспечивает элементы «старого» в любом новом явлении. Под воздействием конкретных политических обстоятельств сложившиеся нормы и ценности дополняются новыми проявлениями (новациями), накладывающими заметный отпечаток на формирование массового сознания и конкретной социальной практики.

В-третьих, учет и следование политическим традициям во многом помогает власти обеспечить свою легитимацию и поддержку со стороны широких слоев общества. И хотя власть всякий раз должна учитывать конкретные политические проявления, осознание ею «фактора преемственности» традиции позволяет добиться желаемого доверия масс.

⁵⁶ Ключников Ю.В. Интернационализм (Основные вопросы международных отношений). М., 1918; Лосский Н.О. Характер русского народа // Философия и жизнь. 1991. № 2. С. 35-60; Смена веков: сборник статей. Прага, 1921; Струве П.Б. Интеллигенция и революция // *Patriotica*: политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 190-202; Он же: Оздоровление власти // Там же. С. 390-399; Франк С.Л. По ту сторону «правого» и «левого»: статьи по социальной философии // Новый мир. 1990. № 4. С. 205-241.

В-четвертых, политические традиции обнаруживают себя в качестве важнейшего инструмента, способствующего социализации людей. Они помогают человеку «найти себя» во взаимодействии с органами государственной, политической власти, адаптироваться в окружающей политической среде.

В-пятых, политические традиции способствуют формированию нации как единого организма в решении государственных задач, активизации массовых усилий для реализации на практике той или иной идеи.

Таким образом, политические традиции выполняют интегративную функцию, позволяющую, так или иначе, спроецировать в сознании каждого человека политический опыт предшествующих поколений, заложить основу для воспроизведения данного опыта в ходе повседневной жизни.

Взаимодействие журналистики и политической традиции как общественного явления характеризуется интерактивным проникновением, подобно тому, как происходит переплетение журналистики и «просто» традиций в рамках культуры. Будучи проявлением культуры и политической культуры, политическая традиция не может не оказывать влияния на повседневное существование СМИ, особенности их взаимоотношений с властью и различными политическими институтами. Правильно утверждать, что она формирует мировоззренческое начало журналистики, которая неизбежно учитывает в своем существовании особенности политического устройства общества, степень интереса людей к реальной политической практике. В силу этого СМИ аккумулируют в себе сложившиеся политические установки с целью обеспечения сегодняшних и перспективных возможностей своего развития. Игнорируя сложившиеся политические традиции, они рискуют потерять и доверие к себе со стороны массовой аудитории. Одновременно журналистика как транслятор социальной памяти постоянно воспроизводит посредством слова эти традиции, конституирует и генерирует их дальнейшее движение в соответствии со сложившимися политическими условиями. Журналистика, таким образом, выступает механизмом актуализации традиций, доводя до аудитории посредством описания различных фактов и явлений современной жизни

основные закономерности их эволюции. В этом заключается важнейшее условие успешного функционирования журналистики в любом обществе.

Говоря о функционировании СМИ, Л.Г.Свитич ставит вопрос о двух потоках или направлениях журналистской деятельности. Первое, общественное, направление порождается политическими, социальными, духовными и иными потребностями общества, его основных классов и слоев, которые через властные, политические и другие институты передают журналистам свои программы действий. Второе направление связано с социальными интересами аудитории, воспринимаемыми журналистами как руководство к действию. Прогрессивность общества, отмечает далее Л.Г.Свитич, измеряется тем, насколько сбалансированы оба эти направления. Если ослаблено или отсутствует аудиторное направление, то можно говорить об авторитарном или даже тоталитарном типе общества, если отражаются объективные интересы аудитории, то в этом проявляется определенный уровень его демократического устройства⁵⁷.

Соглашаясь с выводами Л.Г.Свитич относительно взаимосвязи обоих направлений журналистской деятельности с политическими типами общества, следует заметить, что в реальной практике, применительно к отдельно взятой стране, достаточно сложно представить лишь одномерное взаимодействие журналистики и социально-политического пространства. Оно предопределяют существование СМИ как регулятора отношений от власти к обществу и наоборот. Вместе с тем, эффективность этой регуляции лучше всего оценить на основе изучения политических традиций в их эволюционном измерении, без чего сложно с объективностью представить специфику любой национальной журналистики, особенности ее тематического своеобразия.

В заключение главы сделаем несколько ключевых выводов, следующих из ее содержания:

* Политические традиции создают основу для обнаружения закономерностей развития политической системы в любом государ-

⁵⁷ См.: Свитич Л.Г. Указ. соч. С. 105-107.

стве, особенностей взаимодействия власти и общества, сохранения преемственности между прошлым и настоящим;

* Политические традиции выступают как проявление политической культуры общества, являющейся уникальным феноменом его исторического развития. Политическая культура определяется специфическими ценностями, нормами, установками в рамках сформированной политической системы, которые актуализируются посредством человеческой деятельности. Новации, проявляющие себя внутри этой системы, влияют на политическую культуру и соответствующим образом модифицируют ее традиции, сохраняя вместе с тем их устойчивое содержание;

* Политическая культура, в свою очередь, является важнейшим компонентом целостной культуры общества, которая, в свою очередь является совокупностью материальных и духовных ценностей его существования и развития. Культура в данном случае проявляет себя как ценностная характеристика эволюции общества, исходя из деятельностного участия человека в этом процессе. Как и культура в целом, политическая культура оказывается транслятором социальной памяти народа для ее воспроизводства в новых политических условиях;

* Журналистика как социальный институт проецирует на себя нормы и ценности культуры вообще и политической культуры в частности, и таким образом выступает как универсальная «ниша» для исследования политической культуры. Изучение содержания журналистики через призму политических традиций оказывается в итоге перспективным, поскольку позволяет представить ее развитие шире, чем предполагает заданная в том или ином обществе определенная идеологическая модель;

* Впитывая в себя нормы и ценности политической культуры, журналистика, как творческая деятельность, генерирует на этом основании собственные представления об окружающей жизни. Существующие в обществе политические традиции, таким образом,

неизбежно получают модификацию посредством журналистского творчества, что будет подробно рассмотрено далее.

Все сказанное выше позволяет утверждать, что политические традиции рассматриваются в данной работе как основа политической культуры. Одновременно они реализуются в журналистской деятельности.

Глава II

РОССИЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ: СПЕЦИФИКА СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

§ 1. Формирование и основные особенности политических традиций в досоветский период

Воспринимая каждую традицию, как проявление длительного развития исторического процесса и общественных отношений, методологически неверно ограничивать ее формирование в политической сфере хронологическими рамками лишь нескольких десятилетий. «Лицо» любого общества формируется на протяжении многих веков, и исторический путь, пройденный им, влияет на психологию народа, диктует определенное восприятие окружающей жизни. Эти закономерности проявились и на примере России. Многие политические традиции, отмеченные в годы советской власти, проистекают из различных проявлений культуры вообще и политической культуры в частности, сформированных в ходе предшествующей эволюции общества. Сбрасывая со счетов данный фактор, невозможно понять как причин Октябрьской революции 1917 г., так и особенностей последующего развития страны. И хотя советская эпоха модифицировала сложившиеся политические традиции, они, тем не менее, во многом сохранили свою устойчивость. Это определяет необходимость обратиться к истокам их формирования.

Начать с того, что многовековое развитие нашего общества вместило в себя сложности и противоречия. Народные бунты, восстания и другие общественные недовольства, проявившие себя в открытой конфликтной форме, происходили у нас чаще, чем во многих других странах. В основе раздоров лежали то межнациональные, то сословные и классовые противоречия, к которым временами добавлялись распри на религиозной почве. Обостренные социальные конфликты, носившие массовый характер, приводили не к линейно-поступательному, а к волнообразному характеру всего

исторического процесса. С учетом перманентно проявляющего себя бунтарства «низов» «верхи» находились в состоянии либо готовности к «закручиванию гаек», либо в стадии борьбы со всякого рода антигосударственными действиями. В результате периоды относительного внутривластного затишья сменялись периодами открытого противостояния власти и народа, реформы – контрреформами и т.д. Все это накладывало отпечаток на развитие общества. Примечательно, что через некоторое время аналогичная ситуация повторялась вновь, определяя своеобразную цикличность эволюции российского государства.

Существует множество научных концепций, объясняющих причины традиционного бытования «экстремального духа» в России. Одна из них принадлежит известному историку С.М.Соловьеву, который в качестве основополагающей причины отсутствия толерантности на всех этапах социальной лестницы видел огромное территориальное пространство страны, «не защищенное природными границами, открытое с востока, юга и запада». «Основанное в такой стране, – писал С.М.Соловьев, – русское государство изначально осуждалось на постоянную, изнурительную борьбу, <...> чтобы сохранить главное благо – народную независимость...»¹.

Тяжелые условия существования действительно способны сформировать в нации нетерпимость ко всему «чужому», суровость духа, «вспыльчивость» и другие проявления ее характера. Однако только открытостью и протяженностью границ в совокупности с масштабностью территории вряд ли возможно объяснить такую политическую традицию как *конфликтность в решении социальных вопросов*, существующую на протяжении всей российской истории между различными социальными слоями общества.

Существенной характеристикой, определившей развитие нашей страны и повлиявшей на восприятие народом ее действительности, стала своеобразная конвергенция западной и восточной (азиатской) культур. Слияние культур, в свою очередь, явилось результатом уникального на фоне других стран географического положения России, находящейся одновременно и в Европе, и в Азии.

¹ Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984. С. 20.

«Евразийство» России стало темой размышления для многих представителей отечественной интеллигенции. К ней во многом сводилось содержание, например, «Философических писем» П.Я. Чаадаева, появившихся в 1830-е гг. Для П.Я. Чаадаева наличие двух культур в одной стране виделось источником ее социальных бед и проблем. «Мы принадлежим к числу тех наций, — с трагизмом замечал он, — которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок»².

Единение европейского и азиатского в системе культуры в целом сформировало существенные противоречия. Они коснулись в первую очередь отношений между привилегированной частью общества и широкими слоями населения, с учетом различных представлений этих сторон по многим вопросам: политического устройства страны, семейного воспитания, быта и т.д. Современный исследователь А.С. Ахиезер, характеризуя отечественный исторический опыт, ввел даже такой термин как «социокультурный раскол», который, по его словам, создавал для России «чрезвычайную опасность»³.

Суть этого «раскола» кроется в переплетении двух «непересекающихся» культур, обусловивших особый дух российского общества и уникальное содержание государственной власти. Правда, тот же П.Я. Чаадаев утверждал, что России так и не суждено было в полной мере вместить в себя проявления западного и восточного (азиатского) менталитетов, что привело к «разорванности» национальной культуры⁴.

Наличие «евразийства» определило специфичность отечественного политического устройства. Рассмотрение особенностей этого устройства подтверждает, что именно совокупность целого ряда традиций определила парадигму ее внутриполитических отношений.

Европеизм России проявился, в частности, в том, что ее просве-

² Чаадаев П.Я. Философические письма: Письмо первое // Статьи и письма. М., 1987. С. 38-39.

³ Ахиезер А.С. Об особенностях современного философствования (Взгляд из России) // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 15

⁴ Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего // Статьи и письма. С. 134-146.

щенные слои отстаивали западные ценностные ориентиры. Это выразалось в стремлении интеллектуалов, отдельных представителей государственной власти следовать либеральным идеям, отстаивать духовную свободу личности (что, в частности, нашло свое воплощение в особом образе героя-гуманиста, характерного для русской литературы, философии).

Идеи свободы, духовного раскрепощения человека, с которыми жила образованная часть российского общества, не разделялись большинством населения, которому был свойственен «восточный» менталитет. Он отразился на быте, в коллегиальном решении вопросов и наличии у многих людей нетерпимости по отношению к тому, кто выражал иное, чем у них, мнение, в степени подчеркнутой подобострастности бедных перед богатыми и имеющими власть. «Восточность» российской культуры проявила себя также и в чисто политической плоскости. Это выразилось в традиционном наличии одной, монархической, власти — формы правления, подчинявшей все остальные ветви власти. «Все москвиты или русские довольствуются более состоянием рабским, чем свободным, выдающимся блюстителем которого они считают собственного государя, — писал еще в XVI в. в своем «Описании Московии» итальянский историограф А.Гваньяни. — Ведь все они без различия, к какому бы сословию ни принадлежали, находятся в тяжелейшей зависимости...»⁵. Многовековое присутствие монархии, как главенствующей политической силы (созданной «божьей милостью»), определило жесткую централизацию политической и экономической власти, имперские амбиции в системе государственного мышления. Одновременно это сформировало чрезвычайно сильные общественные тенденции к персонификации (вождизму), приведшие к восприятию монарха как «помазанника божьего», а в советское время — к формированию ярко выраженного культа личности.

Наличие по существу одной власти, отсутствие у широких слоев населения личных прав и свобод вели к формированию еще одной политической традиции — *подавлению индивидуального (личностного)*

⁵ Цит. по: Кантор В.К. Личность и власть в России: сотворение катастрофы // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 15.

сознания и мироощущения. Это существенно отличало нашу социально-политическую реальность от той, что господствовала на тот момент времени в европейских странах, где активно распространялись и утверждались на практике идеи «раскрепощения личности» и развития плюрализма в политической и экономической сферах жизни. В итоге у нас не государство закономерным и естественным путем выросло из гражданского общества (как было на Западе), а это общество делало слабые попытки утвердиться под жестким патронажем государства. В России с ее неблагоприятными политическими и хозяйственными условиями, пишет Р.Пайпс, группы населения, стремившиеся подняться над уровнем экономического прозябания, располагали для этого единственным средством — сотрудничеством с государством, что подразумевало отказ от всяких политических амбиций⁶.

Слабо выраженное личностное начало в «среднем» россияnine можно объяснить и отсутствием в стране на протяжении длительного времени организованных общественных форм, построенных по принципу профессиональной солидарности. В западноевропейских странах достаточно рано и прочно, уже в эпоху Средневековья, сложились социальные институты и корпоративные объединения разных типов: от религиозных общин, цехов, городских коммун до научно-экономических сообществ, политических партий, профсоюзов и т.п. Эти структуры всегда брали под защиту своих членов от притеснений со стороны, и в первую очередь со стороны государства. В России же до конца прошлого века отсутствовали союзы и корпорации, не обслуживавшие в той или иной степени государство. Поэтому они не могли ходатайствовать перед верховной властью за представителей своего сообщества⁷. Все это ограничивало утверждение прав и свобод и, как следствие, порождало однотипность мышления различных членов общества.

В итоге в нашей стране формировалась такая историческая доминанта социального развития, при которой личность не воспринималась как нечто ценное и значимое для формирования духа на-

⁶ Пайпс Р. Россия при старом режиме / Пер. с англ. М., 1993. С. 325.

⁷ Кантор В.К. Указ. соч. С. 17.

ции. В соответствии с этим строилось и общественное поведение самого индивида, который чаще всего действовал с оглядкой на окружающих его людей и соизмерял с ними свои мысли и поступки.

Если в число традиций, упрочившихся на Западе еще до буржуазных революций (XVII–XVIII вв.), следует отнести принцип либерализма, с самого начала допускавший плюралистические проявления в сфере экономики, культуры и других областей общественной жизни, активно формировавший личностное сознание человека, то российское массовое сознание утверждалось на иных началах. Жесткая зависимость «низов» от «верхов», традиционно существовавшая в нашем государстве, постоянно ставила под сомнение, а зачастую активно препятствовала проявлению индивидуального, независимого от официальной позиции мышления. Если западному обществу под воздействием активно развивавшихся на протяжении многих столетий рыночных отношений было свойственно рационально решать политические и социальные проблемы («разрешено все, что не запрещено»), то российский менталитет утверждался в совершенно иных политических и духовных условиях. Границы личной свободы применительно к экономической или чисто духовной среде ставились в зависимость от государственных или общественных интересов и нивелировались путем достаточно жесткого контроля со стороны власти. Все это, с одной стороны, приводило к устойчивому внедрению в повседневную жизнь административно-командного стиля управления, а с другой – способствовало духовной консолидации людей, стремившихся к консолидации интересов.

Временами эта консолидация приобретала воинственный характер (как было, например, во время крестьянских восстаний в России в дореволюционный период). В эти моменты становилось особенно заметным то, что объединению людей способствовала сильная индивидуальная воля, подчиняющая себе общественные настроения, но вместе с тем строго учитывающая их. Утверждение этой воли было логическим продолжением развития привычного мышления и потому выглядело обыденным для массового сознания.

Сказанное выше свидетельствует о наличии у России особого

социально-экономического и политико-культурного генотипа, воздействующего на отношения между личностью, гражданином, с одной стороны, и властью, государством — с другой. Именно этот генотип, вызванный существованием в одном социуме западной и восточной культур, несхожестью мировоззрений и духовных позиций между различными слоями населения и общественными группами, предопределил «разорванность» многовековой эволюции общества. Это с достаточной регулярностью приводило к смене «сущностей» политико-экономического развития и, что немаловажно, к принижению, а зачастую и отрицанию многообразного духовного наследия прошлого. Все это ослабляло интегрирующее начало российского общества, вызывало его внутреннюю неспособность в нужный момент предохранять себя от «фактора разрушительности».

Смена историко-культурных периодов, ведущая к серьезным духовным разрушениям, способствовала формированию *мобилизационного характера общественной жизни*, также выступающего в виде политической традиции. Сориентированный на достижение скорейших целей, он утверждался на практике благодаря использованию чрезвычайных средств и форм.

Политолог А.С.Панарин применительно к истории России использует даже такие термины, как «мобилизационная идеология» и «мобилизационная стратегия»⁸, которые, на наш взгляд, достаточно точно определяют особенности повседневного сознания общества. Революционные проявления в развитии страны, в известной степени, обусловили особое восприятие самим обществом окружающего мира, убежденность его широких слоев в том, что разовыми, но жесткими усилиями можно добиться оптимального результата. «К числу первичных основных свойств русского народа, — писал философ Н.О.Лосский, — принадлежит могучая сила воли. Отсюда становится понятной страсть многих людей. <...> Максимализм, экстремизм и фанатичная нетерпимость — суть порождения этой страстности»⁹.

⁸ Панарин А.С. Российская политическая культура: прогнозы на XXI век // Власть. 1997. № 11. С. 46-49.

⁹ Лосский Н.О. Характер русского народа // Философия и жизнь. 1991. № 2. С. 43.

Применительно к России эта психология утверждалась в уникальном феномене — «созидательной силе разрушения», которой подчиняются чувства и настроения отдельно взятых личностей. На практике *революционаризм* или *левый радикализм*, который можно характеризовать в качестве самостоятельной политической традиции, явился антиподом непрерывного и постепенного исторического развития. Он стал результатом противодействия жесткому давлению «сверху», однако на практике перенял его формы воздействия.

Левый радикализм утвердился в России в первой половине XIX в. Он во многом формировался на основе яковинских настроений декабристов с их идеями кардинального переустройства конституционного порядка в России. В отсутствии Конституции, парламентской и партийной систем Россия воспринималась в сознании интеллектуальной части общества как государство, отстающее в своем развитии от таких стран, как Англия и Франция, где произошли первые буржуазные революции и утвердились политические и экономические свободы. Желанием «наверстать упущенное» объясняется активное стремление «прогрессистов» к революционным «порывам» и наряду с этим — к просвещению масс (с участием народников). Однако если в западных странах формирование либеральных ценностей так или иначе было согласовано с темпами развития гражданского общества и его институтов, общественной мысли, в том числе и посредством динамично развивающейся в XVIII и XIX вв. системой печати, то в России ситуация была принципиально иной.

Усиление радикалистских настроений в середине XIX в. прослеживалось и в Европе, что происходило благодаря ряду значительных открытий в области естественных наук, повлиявших на развитие философского детерминизма и создававших впечатление о том, что наконец-то найден ключ к материалистскому пониманию человека и общества. Сам человек не без влияния научных открытий почувствовал свою меньшую зависимость от божественного (церковного) всемогущества, начав ощущать себя личностью, способной к более активному, чем прежде, реформированию окружающей действительности. Воздействие этих идей, однако, наиболее

чувствовалось в России, где многовековое отсутствие гуманистической традиции и светского богословия сформировали у части интеллигенции ярко выраженную решимость преобразовать окружающий мир, стойкое ощущение независимости личности от обстоятельств. «Юридические формы и личные усилия для нас кажутся бессильны и даже смешны, мы ждем всего, мы хотим все сделать силою прихоти, бесконтрольного решения... — писал Н.Г.Чернышевский в «Апологии сумасшедшего» применительно к отмеченной тенденции. — От одной этой привычки, созданной долгими веками, нам отрешиться едва ли не потруднее, чем западным народам от всех своих привычек и понятий»¹⁰.

Таким образом, распространившиеся во второй половине XIX в. революционные настроения стали возможными благодаря традиционному стремлению различных представителей общества к радикализации окружающей жизни. Разнилась лишь типология личного поведения участников этого процесса. Если в 1820–40-е гг. они были чужды идейному аскетизму и бытовому упрощению, то в 1860–70-е гг. эти черты вышли на первый план¹¹. Вместе с тем, прочно сформированная потребность общества «шагать из первого месяца беременности в девятый» (по емкому утверждению Л.Н.Толстого), по сути, предопределила готовность страны к кардинальным переменам.

В этом смысле примечательно размежевание в среде отечественной социал-демократии, обозначившееся в начале XX в., относительно будущности России. Ленинская идея относительно создания большевистской организации, построенной по принципу демократического централизма и жестко подчиняющейся своему ЦК, отчетливо обозначила авторитарные настроения внутри самой партии. Поддержка выдвинутой идеи большинством ЦК РКП(б) также свидетельствует о глубоких корнях радикализма в общественном сознании, восприятии его как спасительного рецепта для построения нового общества. В свою очередь, неспособность

¹⁰ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М., 1950. Т. 7. С. 616.

¹¹ Русакова О.Ф. Анатомия большевизма: отечественный опыт концептуального осмысления. Екатеринбург, 1993. С. 13-14.

правлящей власти создать гарантии для стабильного развития политических институтов и капиталистических отношений в стране создали базу для глобального воплощения на практике этой идеологии.

Революционная ситуация, независимо от объективных и субъективных факторов ее развития, всегда оставляет в стороне гуманистические принципы общественного регулирования, интересы отдельно взятой личности. Одним из наиболее распространенных методов узурпации власти и одновременно формирования единого (обобщественного) политического интереса в любом государстве является политика массового террора. Как форма утверждения революционных идеалов, террор активно использовался в России, начиная со второй половины XIX в. (хотя его первым проявлением можно считать опричнину периода правления Ивана Грозного). Жертвами террора помимо царей, градоначальников и других должностных чинов становились в общей сложности многие тысячи ни в чем не повинных людей. Разрабатывая теорию пролетарской революции задолго до ее свершения, В.И. Ленин одобрительно оценил российскую традицию террора. В его работе «Из прошлого рабочей печати России» (1914 г.) особо отмечается «виднейшее место», которое занимает в истории российского освободительного движения рабочий Степан Халтурин — организатор теракта в Зимнем дворце в феврале 1880 г., в результате которого погибли 11 и было ранено 56 человек. Известны многочисленные случаи экспроприации («эксов»), которые организовывали большевики (Красин, Сталин, Тер-Петросян, Дзержинский и многие другие) для пополнения партийного бюджета. В данном случае, как видим, речь идет как о физическом уничтожении людей, так и моральном воздействии на общество в угоду провозглашенным политическим установкам.

Постоянное проявление в ходе исторической эволюции общества политико-экономических «рывков» выработало у широких слоев общества *пренебрежение к легитимности власти*, являющееся, на наш взгляд, еще одной политической традицией. В сознании различных социальных групп утвердилась идея, что сама легитимность, как первооснова политической деятельности любого государства, может быть отвергнута в любой момент.

Массовое неуважение к легитимности предопределило отмеченную выше «разорванность» исторической традиции российского общества, неустойчивость политического и экономического развития страны.

Как видим, историческое развитие России было отмечено целым рядом социальных противоречий. Они были предопределены неразрешимостью многих социальных вопросов, отсутствием правового обеспечения во взаимодействии «верхов» и «низов», нежеланием власти утвердить демократические формы правления по примеру ряда европейских стран. Все это сформировало названные выше политические традиции, имевшие в своем духовном основании разрушительный характер. Вместе с тем, в ходе эволюции России были сформированы консолидирующие духовные ценности. Их присутствие объяснимо: любое общество, как целостная система, не может состоять только из разрушающих элементов, в соответствии с диалектическими канонами своего развития в рамках этого общества имеют место устойчивые характеристики, способствующие выживанию самой системы. Эти характеристики являются отличительными чертами отдельно взятого общества, уравновешивающими его «слабости», они же определяют «лицо» «созидательных» политических традиций.

К числу важнейших традиций мы вправе отнести *автократический характер политической власти*. Он проявил себя в форме жесткой политической воли, контролирующей все отношения в обществе и определяющей уровень духовно-мировоззренческих ориентиров этого общества¹². Власть как организационное и регулятивно-контрольное начало политики в истории нашей страны всегда занимала главенствующее место в системе общественных отношений, влияла на сознание и волю индивида. При отсутствии сколько-нибудь гарантированных правовых норм она стала инструментом прямого давления на «низы» общества, начиная со времен кня-

¹² Одну из причин, почему в России выработалась абсолютная монархия, иногда граничащая с деспотизмом, русский философ Н.О.Лосский видел в том, что «трудно управлять народом с анархическими наклонностями» (Лосский Н.О. Характер русского народа // Философия и жизнь. 1991. № 2. С. 48).

жеской вотчины (XII в.). Именно тогда право собственности и право власти стали, по существу, идентичными понятиями¹³. Эта тенденция продолжилась и много позже.

Можно утверждать, что автократизм во многом стал следствием (и одновременно причиной дальнейшего упрочения) двух других политических традиций, присущих историческому развитию нашего общества. Во-первых, ярко выраженного *централизма*, который определил тип государственного устройства. Власть на местах во все времена выглядела слабее власти центральной. Это, с одной стороны, удерживало страну от сепаратистских настроений, а с другой — формировало всестороннюю зависимость «низов» от «верхов». Во-вторых, на утверждение автократического характера власти повлияли глубокие корни *этатизма*, т.е. существования сильного государства и «слабого» общества, ставшего таковым вследствие постоянного ограничения демократических начал.

По мнению русского философа-эмигранта В.В.Леонтовича, Россия на протяжении долгого времени до 1917 г. демонстрировала миру «образец полицейского государства», при котором свобода личности существенно ограничивалась. Даже после отмены крепостного права в 1861 г., утверждает В.В.Леонтович, характер социальных отношений в стране не претерпел существенных изменений: монархия осталась незыблемой, что определяло существование абсолютистского государства¹⁴. Аналогичные позиции в оценке дореволюционной политической ситуации в России разделяет и современный американский исследователь Р.Пайпс. По его мнению, в 1880-е годы в стране наличествовали все элементы полицейского государства. Так, политика была объявлена вотчиной правительства и его высокопоставленных чиновников, что не позволяло вмешиваться в нее со стороны любых других лиц. Власть обеспечивала свободу действий органам сыска, которые имели возможность изымать документы, заключать в тюрьму, отказывать в выдаче гражданам свидетельств о благонадежности, без чего те были лишены права заниматься многими видами деятельности. Лишь с разреше-

¹³ Пайпс Р. Указ. соч. С. 79.

¹⁴ Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995. С. 1-4.

ния «свыше» утверждались уставы общественных организаций, никакая литература не могла существовать без разрешения цензора. Таким образом, заключает Р.Пайпс, все общественные институты и проявления социальной жизни, даже не имеющие политического звучания, были поставлены в России под контроль аппарата государственной безопасности¹⁵.

Все это в совокупности давало представление о типе политической культуры, сформированной в российском обществе. Под данным термином мы понимаем совокупность способа организации власти, существующих духовных ценностей и уровня самосознания людей, влияющих во взаимодействии на формирование политического поведения общества.

Следует отметить, что осмысление типологии политической культуры было впервые предпринято американскими политологами Г.Алмондом и С.Вербой. На основе масштабного исследования, выполненного ими еще в середине 1960-х гг. (на примерах нескольких стран), были определены три типа культуры, влияющие на мироощущение и политическое поведение граждан: 1) патриархальный, при котором у самих граждан отсутствует какой бы то ни было интерес к политической жизни; 2) подданнический, который характеризуется значительным воздействием государства на мировоззрение людей и одновременно их пассивным участием в политической жизни общества; 3) активистский тип культуры, демонстрирующий повышенный интерес этого общества к политике и высокую степень его информированности об окружающих изменениях¹⁶.

Представляется, что классификация, данная Г.Алмондом и С.Вербой, не утратила своей актуальности в современных условиях и благодаря своей универсальности применима для рассмотрения историко-культурного своеобразия любого социума. Правда, по причине многообразия общественных отношений в отдельно взятой стране зачастую оказывается сложным однозначно определить

¹⁵ Пайпс Р. Указ. соч. С. 406-407.

¹⁶ См.: Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Countries. Princeton, 1964.

тип культуры, господствующий в системе ее политических отношений. Тем не менее, всякий раз следует исходить из наличия ярко выраженных черт и тенденций.

С учетом активного воздействия власти на общество и сложившихся политических и духовных традиций подавляющая часть населения России проявляла слабо выраженный интерес к конкретной политической практике. Налицо было и явно недостаточное развитие плюрализма в различных проявлениях общественной жизни: степень свободы личности зависела, прежде всего, от воли и просвещенности монарха как носителя высшей государственной власти. Следуя этому, можно утверждать, что дореволюционной России был свойственен подданныческий тип политической культуры.

Правда, в нашей стране на протяжении ее исторического развития часто возникали проявления контркультуры, т.е. общественные и личные настроения, не вписывающиеся в привычные взаимоотношения между «верхами» и «низами». К числу этих проявлений можно отнести заговоры и открытые оппозиционные выступления со стороны боярства в периоды царствования Ивана Грозного и Петра I, упомянутые выше восстание декабристов, многочисленные террористические акты со стороны народовольческих групп, направленные против самодержавия и т.д. Есть основания считать, что подданныческий тип политической культуры временами приближался к активистскому — ввиду усиления открытых оппозиционных настроений. Это вело к реформированию общества на определенных этапах его исторического развития. Однако эти «выплески» политических настроений, по сути, не шли вразрез с существующей традицией авторитарного воздействия власти на общество. Отмеченные выступления, будучи отражением консервативного или революционного начала, упрочивали уже привычный для России воинствующий релятивизм, который строился на жестких формах и методах решения политических вопросов. В условиях активизации оппозиционных настроений в России привычная система власти лишь ужесточала свое воздействие.

На фоне многих западноевропейских стран, уже имевших во второй половине XIX в. достаточно развитые политические и об-

пественные институты, такие, как парламент, политические партии, профсоюзы и т.д., Россия не выглядела демократичным государством. Более того, в рамках централизации власти особую роль играл глава государства. Наличие ярко выраженного *лидера, берущего на себя все нити политического управления*, также является доминирующей политической традицией, идущей от традиции автократизма власти в целом.

Правда, отмена крепостного права привела к усилению политического плюрализма, появлению различных по своим взглядам политических групп и движений, а на стыке двух веков - к образованию политических партий. Однако общественные преобразования мало отразились на изменении менталитета общества, в целом не поколебали его традиционных духовных приоритетов. Преобладающее воздействие одной, монархической, ветви власти над всеми остальными, как и раньше, ставило личность в строго подчиненное положение перед государством, что приводило к ограничению индивидуальных прав и свобод.

Для обеспечения гарантий своего существования в условиях глубоких социальных противоречий правящей власти было важно обеспечить свое выживание. С этой целью она стремилась утвердить в массовом сознании мысль о некоем консенсусе между «верхами» и «низами» в отстаивании общих целей. Надо сказать, что идея консенсуса нашла себя не только в России. Она также была характерна для западных стран, стала проявлением их политической культуры. Социализация с самого начала выступала антиподом индивидуализации, обособления человека от окружающего мира. В силу этого возможность обобществления индивидуальных результатов труда, формирования системных ориентиров применительно к практической деятельности отдельно взятых людей занимала умы образованной части общества в различных странах на протяжении многих веков. Однако в нашей стране за тот же исторический период отмеченная идея получила несравненно большее, чем в Западной Европе, практическое воплощение. Это объясняется не только геополитическими особенностями формирования нашей страны, объективными трудностями выживания в тяжелых климатических условиях, но и различием духовных принципов существования российского и зарубежного обществ.

По причине неразвитости правовых отношений, отсутствия юридического права на свободу личности власть возносила на щит ценности, направленные на преодоление конфликтности и внутреннего противостояния между социальными слоями и группами. В условиях автократической формы правления само общество приняло эту идею, осуществление которой на практике позволяло сохранить устойчивость национального развития. Конфликтность, проявляющая себя на разных этапах социальной лестницы, жесткость, если не сказать жестокость, предлагаемых методов управления невольно порождали людей к поиску «точек опоры», создающих условия для их выживания. Отмеченное нами единение сложившегося экономического бытия и духовного начала было необходимым условием выживания дореволюционного сообщества. При этом важно подчеркнуть, что сложившийся внутри нации условный консенсус между «верхами» и «низами» устанавливался не законодательными процедурами или формальными соглашениями, как это зачастую происходило в западных странах, а естественным историческим путем. Данная система социальных отношений определила способность общества к быстрой консолидации вокруг единого центра в сложные периоды для отечественной истории. Применительно к сложившимся условиям воспринималась и сама демократия. Как отмечал в свое время известный российский философ С.Л. Франк, она представляла собой внутреннюю обоснованность общественных отношений и политического строя «на живом духе, конкретных нуждах и идеальных устремлениях народа»¹⁷.

Так называемая *консенсусная традиция* как между «верхами» и «низами», так и внутри общества (еще условнее ее можно назвать коллективистской традицией) стала чем-то вроде «кодекса моральных правил» и выглядела устойчивым элементом повседневной жизни людей. Это происходило не в последнюю очередь по причине соответствия этой традиции социально-экономическому укладу жизни (хотя в данном случае эта зависимость носила и обратный

¹⁷ Цит. по: Пути Евразии: русская интеллигенция и судьбы России / Под ред. И.А.Исаева. М., 1992. С. 9.

характер). Повседневное бытие подавляющей части населения традиционно было связано с деревней, что предопределило преимущественное развитие в самом обществе не индивидуалистских (как на Западе), а прежде всего коллективистских, патриархальных по сути, общинных начал. Эти начала проявились и в городе, при развитии промышленного производства, свидетельством чему стало возникновение всевозможных артелей, фабрично-заводских коллективов, работавших на единый результат, с равной оплатой труда для каждого. Для российской культуры, утверждает И.К.Пантин, ключевыми словами традиционно являлись «община», «мир», «народ». Преобладало «однаправленное движение» мыслей и действий от коллектива (общины, артели и т.д.) к индивиду. Поэтому согласование личных и общественных интересов с самого начала подменялось их отождествлением «за счет низведения первых до степени несущественных»¹⁸.

В связи с этим индивидуальное мнение в ходе решения жизненно важных вопросов хотя и выслушивалось, но никогда не признавалось равным мнению большинства (если последнее занимало иную позицию), а зачастую подвергалось и остракизму. Зато приветствовались коллективные решения, принимаемые общим голосованием, совместные действия. Нельзя не упомянуть и о массовых праздниках, гуляниях, которые традиционно олицетворяли быт русского народа, помощь друг другу в критических ситуациях (например возведение общими усилиями домов погорельцам).

Подчиненность индивида сложившимся общественным устоям делает его приспособленным к исторически сформированным условиям. Как следствие, человек в дореволюционной России чаще всего оказывался недостаточно критичным к деятельности власти. В данном случае речь идет об отражении «коллективного бессознательного» (по определению К.Юнга), определенного специфической историей и культурой страны и являющегося проявлением духовной памяти народа, посредством которой он продолжает свои традиции. «Стертость личности» (по утверждению русского либерала К.Д.Кавелина) пронизывала духовное состояние общества.

¹⁸ Пантин И.К. Драма противостояния // Полис. 1994. № 3. С. 79.

Этому в существенной мере способствовала православная религиозно-духовная культура, отложившая заметный отпечаток на особенности менталитета населения. В отличие от католической и протестантских религий, направленных в большей мере на индивидуальное сознание, православие со своей идеей соборности, консолидации духовного начала, как нельзя лучше вписывалось в формируемую властью психологию российского населения. Соборность олицетворяла собой так называемую общность людей, их естественное стремление к сплочению на основе взаимопомощи, что и определяло «лицо» нации¹⁹. Отражением этого стало смирение, выступающее в виде программной установки православной церкви, которая воспринималось неотрывно от подчинения власти, сплочения вокруг царя и отечества.

Ради объективности следует отметить, что во второй половине XIX в. в стране началось активное становление различных политических и общественных институтов (формирование земского самоуправления, появление на рубеже XIX и XX вв. многопартийной системы, а позже, в 1906 г. и создание парламентской системы путем созыва Государственной Думы). Тем не менее, общественные структуры оказались недостаточно сплоченными организационно и идейно, чтобы стать «противовесом» традиционной системе государственного управления, регулируемой царем-самодержцем и монопольной по степени влияния на общество. Вследствие короткой по времени эволюции они оказались неспособными противодействовать влиянию большевиков и вынуждены были сойти с исторической сцены.

Именно «консенсусный» характер взаимоотношений власти и общества, сформированный в России на протяжении длительного исторического периода, выработал унифицированное мышление и поведение у большинства людей. Эта стереотипность проявлялась в нивелировании индивидуальных взглядов. В повседневной жизни «среднестатистический» человек выглядел своеобразным «винтиком» (далеко не всегда, правда, отдавая себе в этом отчет)

¹⁹ Горбунов В.В. Идея соборности в русской религиозной философии. М., 1994. С. 10.

единого механизма, «включенного» в преобразование общественной жизни. Посредством всестороннего административного контроля человек приучался и к тому, что от него «ничего не зависит» и «начальству виднее». (Как тут не вспомнить образы некрасовских мужиков, утверждавших: «Вот придет барин, барин нас рассудит».) Эти две стороны одной медали сформировали в совокупности однотипную экономическую и управленческую культуру, выражаемую в форме приказа и единоначалия, в рамках которой сосуществовали пассивные «низы» и направляющие их усилия «верхи». Эта же культура распространялась на строгий дисциплинарный контроль и существование предельно жестких социальных норм должностного поведения²⁰.

Таким образом, применительно к России консенсусная традиция стала важной для понимания специфичности исторического процесса. Основные источники активности самого индивида испокон веку стимулировались не столько внутренними, присущими ему лично ощущениями, сколько окружающим миром. Воздействие «сверху» на индивидуальное мироощущение и поведение гасило, по словам П.Б.Струве, «идею личной годности», формируя при этом «равенство» мыслей и образа жизни²¹.

Именно в условиях автократизма политической власти могла утвердиться еще одна специфическая, но чрезвычайно важная для России политическая традиция, которая может быть названа как *либерально-ориентированная* (или *традиция либерализации политики*). Мы сознательно не используем термин «либеральная традиция», поскольку традиционная приверженность «верхов» автократическим ценностям и, в соответствии с этим, существенные ограничения демократии не могли сформировать в обществе устойчивые основы и проявления либерализма. Правда, профессор А.Л.Янов склонен видеть многочисленные примеры, подтверждающие, что на протяжении последних столетий отечественная политическая элита стремилась к либеральным ориентирам. По его мнению, эти

²⁰ Рывкина Р.В. Экономическая социология переходной России. Люди и реформы. М., 1998. С. 84-94.

²¹ Цит. по: Струве П.Б. *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 203.

«всполохи» проявляли себя, начиная с XV в., что время от времени позволяло расширить в стране политические и духовные свободы²².

Соглашаясь с А.Л.Яновым по поводу существования либеральных тенденций в ходе исторического развития России, мы, тем не менее, не склонны переоценивать их значимость. Либерализм в его классическом восприятии представляет собой учение о сведении к минимуму роли государства в обществе. Первые теоретики либерализма, ведущего свое начало с XVII в., Джон Локк, Джон Мильтон, Джон Эрскин и другие считали, что государство должно выступать исключительно в виде «сторожа», гарантирующего в обществе порядок и защищающего безопасность своих граждан. При этом оно встает на защиту свободной политической и экономической деятельности людей, поддерживает плюрализм мнений в обществе, обеспечивает неприкосновенность частной собственности и т.д. Государство не вмешивается в личную жизнь человека и его свободу во всех общественных проявлениях, если сама свобода не противоречит существующему закону.

Сложившиеся в нашей стране на протяжении долгого времени политические и социально-экономические условия объективно не могли сформировать большого круга сторонников либеральной философии. Интерес к ней проявляли лишь немногие представители интеллектуальной элиты общества, считавшие либерализм в первую очередь лозунгом всех образованных и мыслящих людей в России. Однако при этом сами интеллектуалы никогда не были объединены идейно и организационно. Они всегда испытывали неприязнь ко всему тому, что выступает в значении авторитета²³. Отечественные либералы постоянно полемизировали друг с другом. Как следствие, сама философия выглядела не стройной теорией, а совокупностью самых различных взглядов и суждений, которые были сконцентрированы вокруг идеи «большей свободы лично-

²² См.: Методология анализа политической традиции в России // ОНис. 2000. № 2. С. 71-76.

²³ Линицкий П. Славянофильство и либерализм. Опыт системного обозрения того и другого. Киев, 1882. С. 201.

сти». Во многом по причине своей разобщенности сторонники либеральных преобразований в России долгое время так и не могли создать политической организации (в отличие от представителей западного, и в частности английского, либерализма). Она в лице кадетской партии оформилась лишь в начале XX в.

Несмотря на многочисленные сложности, мешающие продвижению в жизнь либеральных установок, идеи свободы, уважения к личности и другие, являющиеся основой западной либеральной концепции, в условиях конвергенции России и «просвещенной» Европы были частично востребованы. Однако на практике либеральные проявления в России получили весьма специфическую окраску. Их развитие шло не «снизу вверх», от общества с его развитыми структурами к государству, как это было во многих европейских странах и США, а, наоборот, — от государства к народу — в рамках тех решений и практических действий, которые предлагала правящая власть.

Осознавая, что жесткость взаимоотношений «верхов» и «низов» приводит к общественным недовольствам, власть время от времени отказывалась от привычных мер авторитарного воздействия, допуская «потепление» внутривнутриполитической обстановки, расширение прав личности. Этому в определенной степени способствовала устремленность просвещенной элиты общества, воздействующей на политические решения власти, к либеральным ценностям. «Верхи» под воздействием кризисных ситуаций временами осознавали необходимость реформирования общества путем утверждения «разрешительной», реформаторской политики в различных сферах жизни, стремления регламентировать в правовом отношении статус социальных групп. Их действия чаще всего были вынужденными и далеко не всегда были связаны с пониманием подлинной сути либеральных свобод.

Вследствие сказанного либерально-ориентированная традиция, по нашему мнению, знаменовала собой не что иное, как *процесс политического и духовного реформирования общества «сверху»*, посредством чего удавалось *смягчить внутривнутриполитическую ситуацию на разных этапах развития страны*. Вместе с тем, эти этапы были кратковременными и не меняли коренным образом привычных форм взаимодей-

ствия между властью и обществом. Более того, даже в периоды реформирования действия власти были направлены в большей степени не на придание свобод своим гражданам, а скорее на смягчение сословно-государственных ограничений – в отношении целых социальных групп или слоев населения. Проведение в жизнь либерально-ориентированной традиции, с учетом автократизма власти, каждый раз шло по инициативе главы государства или лиц, приближенных к нему. По этой причине сама традиция, будучи, по сути, консервативно-охранительной, не могла принять необратимый характер. Ее эволюция всецело была связанной с личностным фактором: благосклонностью к проведению реформ со стороны того или иного императора.

Таким образом, под воздействием объективных исторических причин либерально-ориентированная традиция, осуществляемая «сверху», не перешла в разряд устойчивых детерминантов политической эволюции России. Тем не менее, видится целесообразным остановиться на основных вехах ее становления. Они позволяют лучше представить доминирующие приоритеты, выдвигаемые в ходе попыток политического реформирования общества. Экскурс в историю позволяет также осознать, что эти попытки осуществлялись, исходя из интересов и безопасности власти, вынужденной приспосабливаться к обновляющимся политическим и социально-экономическим условиям развития России. В силу этого теоретическая основа либерально-ценностной традиции, сформулированная как «благо ради государства, но во имя общества» выглядела скорее желаемой идеей, нежели реально выполнимой стратегией действий. На поверку часто оказывалось так, что прогрессивные начинания сковывались, поскольку представители высшей власти боялись неуправляемости политической ситуации.

Отмеченная традиция получила более или менее отчетливые очертания, начиная со второй половины XVIII в. Именно в годы правления Екатерины II в политический лексикон вошли такие понятия, как «свобода», «закон» и т.д. Они значились, например, в «Наказе», собственноручно написанном в 1767 г. императрицей. Он стал, по существу, первым документом, отстаивавшим уважительное отношение к личности. Вместе с тем, приня-

тие «Наказа» подтвердило движение либеральных ценностей «сверху», исходя из интересов власти.

Попытки законодательным путем очертить взаимоотношения власти и общества прослеживаются тогда же в целом ряде государственных проектов. Так, в «Записке для составления законов российских» (1799 г.), подготовленной канцлером А.А.Безбородко, впервые был поднят вопрос о правовых гарантиях государства по отношению к своим гражданам. Однако к реализации этой идеи не были готовы ни «верхи», ни «низы». Уклад жизни традиционно был патриархальным. Как отмечал К.Д.Кавелин, «в основе всех частных и общественных отношений [в России] лежит один прототип, из которого все выводится, — именно, двор или дом, с домоначальником во главе, с подчиненными его полной власти чадами и домочадцами»²⁴. Поэтому идущие «сверху» проекты государственного переустройства, хотя и прогрессивные для того времени, были не в состоянии изменить привычные духовные и социальные ориентиры общества.

В годы правления Александра I делались неоднократные попытки усиления либеральных начал в общественно-политической жизни. М.М.Сперанский, ближайший советник императора в 1807–1812 гг., инициировал разработку целой политической реформы, которая при осуществлении на практике должна была помочь упрочению правовых отношений, решению других важнейших вопросов, таких, как отмена крепостного права, расширение гласности в стране и достижение большей свободы печати²⁵.

Однако отмеченным планам не суждено было сбыться. Перед лицом внешней опасности, связанной с возросшим влиянием Наполеона Бонапарта в Европе, а затем и Отечественной войны 1812 г. усилия российской власти были направлены на консолидацию общества. Это само по себе ограничило свободу мысли и сделало невозможным реформирование привычных общественных отношений. Идеи Сперанского не осуществились и по причине сложившейся духовной традиции, имевшей место в «высших» сфе-

²⁴ Кавелин К.Д. Собр. соч. СПб., 1904. Т. 1. Стб. 611-612.

²⁵ См.: Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 81.

рах общества. Она заключалась в убежденности отдельных представителей дворянства в том, что в России невозможно утверждение «чужих» законодательных приоритетов и традиционных для Запада либеральных свобод по причине ее многовековой обособленности от других стран. Эта точка зрения нашла себя, в частности, в трактате историка Н.М.Карамзина «Воспоминания о старой и новой России».

Негативное отношение к «разрешительной» политике продемонстрировал и следующий император Николай I. Его правление началось с восстания декабристов в декабре 1825 г. Подавив оппозицию, император «подрубил» и идею конституции, которую вынашивали декабристы (в частности, Н.М.Муравьев, который в своем проекте конституции разрабатывал идеи равенства граждан перед законом, свободы слова, печати, вероисповеданий и т.д.). «Охранительное» поведение императора проявилось и позже. Он, например, достаточно внимательно следил за полемикой между «западниками» и славянофилами, продолжавшейся в 1840-е гг. Оставляя эту дискуссию за рамками нашей работы, тем не менее, отметим, что симпатии самого Николая I были на стороне славянофилов, отстаивавших самобытность развития России. Император поддерживал их позицию о недостаточной готовности страны к утверждению западных либеральных ценностей, о невозможности активного распространения в России прав и свобод личности. Власть в целом разделяла убежденность славянофилов о том, что «движение к Западу» могло привести не только к утрате Россией национальной и культурной самобытности, но к серьезным социальным последствиям внутри страны²⁶.

Правда, последний период правления Николая I (1850–1855-е гг.) ознаменовались разработкой нетрадиционных по духу и содержанию документов. Были подготовлены десятки тайных про-

²⁶ Тезис о неготовности России принять западные политические и духовные ценности звучит во многих работах славянофилов. См., в частности: Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о ее отношении к просвещению России // Избранные статьи. М., 1984. С. 199-238; В ответ А.С. Хомякову // Там же. С. 117-126; Хомяков А.С. Мнение русских об иностранцах // Полн. собр. соч. в 4-х тт. Т. 1. М., 1911. С. 31-69; По поводу Гумбольдта // Там же. С. 143-173.

ектов и организованы комитеты, в центре внимания которых был крестьянский вопрос. Обсуждалась даже возможность освобождения крестьян от крепостной зависимости. Эти инициативы можно объяснить осложнившимся политическим и экономическим положением России в ходе Крымской войны. Вместе с тем даже под воздействием сложившихся обстоятельств Николай I и правительство в конечном итоге посчитали для себя невозможным пойти на изменение привычных социально-политических отношений.

Очевидно, что именно консервативно-охранительная политика не позволила допустить в Россию революционных потрясений, подобно тем, что испытала Европа в 1848 г. Но эта же политика подтвердила крайне ограниченные возможности для утверждения «подлинного» либерализма в России.

Правда, период правления следующего императора Александра II был отмечен крупными по своей значимости переменами, существенно повлиявшими на развитие политики, экономики, культуры и других проявлений общественной жизни. Дело не ограничилось отменой крепостного права (1861 г.). Была преобразована система управления на уровнях земства и городов, проведены судебная и военная реформы (отменены, в частности, телесные наказания в армии), реформы в области образования (школ и университетов), цензуры, открылись границы и т.д. В периодических изданиях того времени возрос уровень дискуссионности. Именно тогда в повседневный обиход впервые вошло понятие «оттепель», как отражающее весь ход тогдашней общественной жизни на фоне многих предшествующих периодов развития страны. Наряду с этим, анализируя отмеченные перемены 1860–1870-х гг., нельзя не отметить, что все реформаторские начинания, как и прежде, шли «сверху» — в полном соответствии с укоренившейся российской традицией. Широкие слои общества были вовлечены в перемены только как исполнители замыслов верховной власти, но не как инициаторы их проведения в жизнь. Более того, сам Александр II поначалу не был склонен к каким-либо нововведениям. Но сложная ситуация в стране (сложившийся нигилизм в обществе, наличие явно небоеспособной армии, ослабленный после Крымской войны международный авторитет России и другие причины) невольно заставила его начать проведение реформ.

О возросшем стремлении власти к реорганизации системы государственного управления свидетельствуют и разрабатываемые в эти годы проекты, направленные на расширение правительственного конституционализма. В числе их были, например, «Проект нового учреждения Государственного Совета», подготовленный министром внутренних дел П.А.Валуевым, конституционная программа М.Т.Лорис-Меликова и другие. В этих документах отмечалась необходимость создания системы гласного обсуждения принимаемых решений, контроля над их исполнением, расширения социальной опоры власти²⁷. Но эти и другие проекты так и остались по большей части на бумаге, а проводимые реформы отчетливо выявили «ахиллесову пятю» России — консерватизм правящего аппарата. По существу был повторен весь предшествующий опыт власти, для которой опасность «снизу» всегда оказывалась сильнее опасности «справа» (консерватизма, политической закостенелости). По словам Б.Н.Чичерина, единственный путь для утверждения «законного порядка», который он приравнивал к развитию страны в либеральном направлении, состоял в том, чтобы перейти от неограниченной монархии к ограниченной. «В этом и состоит, — писал он, — истинное завершение реформ Александра II. Иного исхода для России нет»²⁸.

Иной исход, однако, проявил себя достаточно быстро: Россия пошла не по либеральному пути, а по-революционному. Привычная для страны автократическая традиция помешала решению многих жизненно важных вопросов, таких, например, как принятие конституции, дальнейшее расширение общественных прав и свобод. Бюрократический аппарат явно не хотел либеральных уступок. Неопределенная политика активизировала деятельность террористических групп, что в конечном итоге оказалось роковым для самого императора, убитого 1 марта 1881 г. Новый император

²⁷ Подробнее см.: Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997. С. 326-349.

²⁸ Цит. по: Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин, 1901. С. 146-147.

Александр III не нашел более приемлемого для России пути, чем «закручивание гаек». О конституции, разрабатываемой в 1870-е гг., пришлось надолго забыть.

Что же касается либерализма, то он оказался вновь зажатым между консервативным течением (в основном в лице правящей власти) и радикально-революционным. Обе стороны, несмотря на резкую непримиримость между ними, отнеслись к либерализму (и соответственно к той части интеллигенции, которая пыталась отстаивать его ценности), как к мешающему развитию общества. Консерваторы полагали, что расширение свобод может расшатать привычные отношения между «верхами» и «низами». Революционеры же в лице различных политических групп, наоборот, считали, что либерализм есть не что иное, как попытка нивелировать стремление «низов» общества к своему освобождению от эксплуатации. С этих же позиций обе стороны отнесли и к манифесту «Об усовершенствовании государственного порядка», подписанного Николаем II в 1905 г. (больше известного как «Манифест 17 октября»). В этом документе подданным даровались основные демократические права и свободы (неприкосновенность личности, свободу слова, совести, собраний и союзов), в соответствии с ним в России была созвана первая Государственная дума (парламент). Однако эти методы «умеренного либерализма» и консерваторы, и революционеры считали половинчатыми, направленными исключительно на сохранение привычного авторитаризма политической власти.

Оценивая эволюцию либерально-ориентированной традиции до утверждения советского строя, следует сказать, что она оказалась продолжительной, весьма активно заявляющей о себе через каждые 30-40 лет. С одной стороны, эта традиция свидетельствовала о гибкости существующей политической системы, а с другой — о способности власти к собственной рекреации, укреплению позиций на очередном витке исторического развития.

Мы рассмотрели основные политические традиции, утвердившиеся в нашем обществе на протяжении его длительной эволюции. Они вобрали в себя главные проявления в области политической культуры, ставшие результатом существования определенных

норм и ценностей, утвердившихся в культуре общества и наложивших отпечаток на его политическую сферу. Этим традициям была свойственна амбивалентность, т.е. такое проявление их сути, которое вмещает в себя различные, подчас противоположные грани мировоззрения общества. Они соединили в себе этатистские и анархические настроения, потребность к свободе и проявивший себя сервилизм (подобострастное подчинение «низов» «верхам»), гуманизм и жестокость. Все это, в свою очередь, усиливало непоследовательность политического развития государства. В сложившихся условиях главенствующим фактором, наложившим отпечаток на все сферы общественной жизни, стал автократизм политической власти, предопределивший развитие условного консенсуса как между властью и обществом, так и внутри общества в целом, и проявлений либерализации. Названные традиции в совокупности обусловили специфику эволюции страны, особенности взаимодействия «верхов» и «низов», степень проникновения политической сферы в повседневную жизнь граждан.

Беремся утверждать, что выявленные нами политические традиции, получившие начало в дореволюционной эволюции нашего общества, продолжили свое дальнейшее развитие в новых социально-политических условиях – после прихода к власти большевиков. Новая политическая ситуация не могла не отразиться на их модификации. Тем не менее, предваряя дальнейшее раскрытие этой темы, можно говорить об очевидной логике исторического развития страны, что не могло не наложить существенного отпечатка на всю ее социальную жизнь.

§ 2. Эволюция политических традиций в годы советской власти

Целью данного параграфа является рассмотрение того, в какой мере отмеченные выше политические традиции воплотились в практику после прихода большевиков к власти. Следуя высказанной в первой главе мысли о преемственности любых культурных традиций в ходе процесса исторического развития, мы вместе с тем рассматриваем их как трансформирующее явление. Вследствие этого, формируется качественно новая социально-политичес-

кая основа общества с присущей ей системой управления, политическими символами, ментальными архетипами²⁹.

Преемственность, как ключевое проявление традиции, при оценке событий 1917 г. принималась во внимание далеко не всеми исследователями. В советской историографии традиционно утверждалась мысль о том, что победа большевистской партии дала толчок к формированию в нашей стране принципиально новых политических, экономических и иных отношений, не имеющих ничего общего с предшествующим периодом существования российского государства³⁰.

Схожие мнения звучат и в самые последние годы, несмотря на существенное изменение подходов к оценке эволюции общества, разрушение бытующего долгое время тезиса о том, что в 1917 г. история страны началась чуть ли не с нуля. Например, лидер ЛДПР В.В.Жириновский в своем научном докладе «Прошлое, настоящее и будущее русской нации», представленном на соискание степени доктора исторических наук, высказывался так: «Коммунистическая тоталитарная революция в России <...> не только деструктурировала социум, но и аннигилировала традицию, уничтожила национально-исторические, моральные ценности и устои и денационализировала русскую нацию»³¹. Социолог Р.В.Рывкина по сути проводит эту же мысль: «... Слом длился около 20 лет: с момента революции 1917 г. и до конца коллективизации. Его суть — сбрасывание ценностей, характерных для дореволюционной России (отчасти —

²⁹ Мы разделяем позицию В.С.Степина, считающего, что ментальные архетипы воспроизводят многообразие конкретных форм и видов поведения и деятельности, присущих определенным типам социальной организации. (Степин В.С. Философия и образы будущего // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 12).

³⁰ См.: Косолапов Р.И. Социализм: к вопросам теории. М., 1979; Паркин В.Д. Социальный детерминизм как проблема развитого социализма. М., 1981; Ким М.П. Проблемы теории и истории реального социализма. М., 1983; Биккенин Н.Б. Социалистическая идеология. М., 1983; Актуальные проблемы истории развитого социализма в СССР / Под ред. С.Л.Соляевского. М., 1984; Развитой социализм: вопросы теории и истории / Под ред. С.С.Хромова. М., 1986; Кириченко Н.Г. Реальный социализм и вымыслы антикоммунизма. Киев, 1988.

³¹ Цит. по: Руткевич М.Н. О социальной структуре советского общества // Социс. 1999. № 4. С. 21.

национальных, отчасти — общечеловеческих), и интериоризация новых, советских, составляющих основу социальной идеологии»³². Мысль о разрыве эволюции общественных отношений под воздействием событий 1917 г. высказывает и К.С.Гаджиев. Победу большевиков он склонен определять как «тотальную трансформацию самого бытия вопреки его органической природе». Именно к такому завершению, по мысли К.С.Гаджиева, пришла Октябрьская революция в России³³.

Выводы названных авторов базируются на следующих, довольно известных, положениях. Большевистская партия из просто политической организации в короткий срок превратилась в партию власти и распространила свое влияние на все без исключения политические и социальные институты. В ходе утверждения новой политической системы были разрушены многие прежние правовые и духовные институты (распущено Учредительное собрание, практически сведено на нет влияние православной церкви и т.д.). Получили развитие принципиально иные, чем прежде, общественно-экономические отношения (введена всеобщая национализация взамен широко развитого в дореволюционной России института частной собственности). При этом общечеловеческие нормы бытия были строго подчинены классовому подходу. «Мы говорим, что наша нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата», — писал В.И.Ленин³⁴. На общем фоне шло отрицание права вообще, оно заменялось особым «классовым правом».

Не оспаривая аргументы, сделанные исследователями, мы, тем не менее, полагаем, что они не дают ответа на вопрос, почему новой власти удалось утвердиться «всерьез и надолго». По нашему мнению, успехи пролетарской революции и последовавших за ней общественно-политических преобразований объясняются тем, что большевистское воздействие с самого начала строилось с учетом многовековых политических традиций, которые получили даль-

³² Рывкина Р.В. Указ. соч. С. 87.

³³ Гаджиев К.С. Политическая идеология: концептуальный аспект // Вопросы философии. 1998. № 12. С. 11.

³⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 309.

нейшее развитие на основе инноваций. Данный подход базируется на высказываниях многих деятелей отечественной культуры, придерживавшихся различных политических взглядов. В качестве неоспоримой ценности, связывающей отечественную историю до 1917 г. и позже, они отмечают радикалистскую традицию, вписывавшуюся в сложившиеся стереотипы массового сознания и поведения.

Так, Н.А.Бердяев, выразитель философии веховцев, писал: «Большевизм есть не внешнее, а внутреннее для русского народа явление, его тяжелая духовная болезнь. <...> Большевизм соответствует духовному состоянию русского народа»³⁵. Проявление отмеченной «болезни» Н.А.Бердяев видел в неспособности общества изжить в своем сознании революционные настроения и тем самым утвердить гуманистическое отношение к личности. Он же писал о преимуществах практических методов и форм работы в осуществлении различных реформ на протяжении русской истории. Сравнивая деяния, совершенные Петром I и результаты пролетарской революции 1917 г., Н.А.Бердяев заявлял: «Та же грубость, насилие, навязанность сверху народу известных принципов, та же прерывность органического развития, <...> тот же централизм, то же желание резко и радикально изменить тип цивилизации»³⁶.

В свою очередь, социал-демократы в лице меньшевиков истоки большевизма видели в утверждении якобинско-бланкистских тенденций еще в период становления рабочего движения в России. Так, А.Н.Потресов утверждал, что не что иное, как буря народных страстей «выплеснула на поверхность государственной жизни России большевистскую власть»³⁷. Схожих взглядов придерживались представители сменовеховства, утвердившегося уже в 1920-х гг. Пролетарскую революцию 1917 г. они видели логическим продолжением традиций общественной жизни. Свойственный народу крайний экстремизм, отмечалось, в частности, в вышедшем сбор-

³⁵ Бердяев Н.А. Размышления о русской революции / Новое средневековье. М., 1991. С. 42.

³⁶ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 12.

³⁷ Цит. по: Русакова О.Ф. Анатомия большевизма: отечественный опыт концептуального осмысления. С. 86.

нике «Смена вех» (1921 г.) «с необходимостью должен был найти свое возглавление в лице русского большевизма»³⁸.

На этом фоне позиция большевиков не выглядела исключительной. Они также склонны были видеть последовательное развитие революционной традиции. Стоит вспомнить ленинскую работу «Памяти Герцена» (1912 г.), где прослеживается преемственность предшествующей эпохи и русской революции: «...Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». <...> Буря – это движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году. Следующий начинается расти на наших глазах»³⁹.

В приведенных суждениях различных по политическому мировоззрению людей еще раз прослеживается глубокая внутренняя взаимосвязь всех бунтарских и революционных явлений в России. Это позволяет воспринимать 1917 год в какой-то мере типичным для отечественной истории.

Вместе с тем, нельзя сбрасывать со счетов уникальность и специфику пролетарской революции на фоне всех предшествующих радикальных событий в России. Основой для совместимости привычных и новых проявлений общественной жизни служат новационные детерминанты, способные существенно модифицировать привычные социальные проявления, изменить расстановку политических сил. Так произошло и в нашей стране после прихода к власти большевиков. Эти детерминанты мы рассмотрим применительно к содержанию утвердившихся политических традиций – с целью более внимательного рассмотрения их модификации.

Автократическая традиция в новых условиях, как и прежде, проявила себя в жестком воздействии государственной власти на общество, сохранении привычного взаимодействия между «верха-

³⁸ Смена вех: Сб. статей. Прага, 1921. С. 90.

³⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 261.

ми» и «низами». «...Народные массы были дисциплинированы и организованы в стихии русской революции через коммунистическую идею, — писал Н.А.Бердяев. — В этом бесспорная заслуга коммунизма перед русским государством»⁴⁰. Если принять во внимание, что, как организация, большевики выглядели намного лучше, чем их предшественники и многочисленные оппоненты, что они подхватили власть, которую в условиях политического кризиса не могло удержать коалиционное временное правительство, то их приверженность традиционной для России идее сильного государства выглядит зримой. Несмотря на резко негативное личностное отношение к партии Ленина-Сталина, она, по мысли того же Н.А.Бердяева, оказалась единственной силой, «которая, с одной стороны, могла докончить разложение старого, а с другой стороны, организовать новое»⁴¹.

Упрощенность политических заявлений в преддверии пролетарской революции позволила большевикам оказаться «своими» для широких народных масс. Это проявилось в том, что партия стояла на позициях жесткого, прагматического рационализма, стимулируя привычный для России революционаризм под эгидой хорошо организованной политической организации. На гребне недовольства различных слоев российского общества политико-экономической ситуацией в стране, сложившейся в результате затянувшейся мировой войны, кризиса прежней власти и экономики, большевики подхватили и эстафету централизованного государственного управления.

Наряду с этим нельзя не отметить серьезных перемен, которые претерпела политическая основа нашего общества. Произошла существенная трансформация привычного для России авторитаризма политической власти в созданную этой властью *тоталитарность режима*, которая стала ведущей политической традицией советского времени и распространилась на всю систему отношений между «верхами» и «низами».

⁴⁰ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 109.

⁴¹ Там же. С. 114.

В академической литературе тоталитаризм воспринимается по-разному. Под ним могут пониматься определенный тип государства, политической власти, общественно-политический строй, социальная система, охватывающая все сферы жизни, идеология и т.д. Применительно к конкретной практике понятие «тоталитаризм» стало использоваться в XX в. для обозначения политических режимов, стремящихся установить всеобъемлющий (тотальный) контроль над массовым сознанием, всеми проявлениями общественной деятельности. Поскольку любое государство представляет собой систему органов и учреждений, утверждающих определенные правовые нормы и закрепленное поведение людей, то тоталитаризм обозначает также господство определенного слоя людей или класса (номенклатуры) над обществом в целом⁴².

Отечественная историография на протяжении всей советской эпохи распространяла термин «тоталитаризм» исключительно на политические режимы Италии и Германии. При этом сознательно не учитывались многие схожие с ними моменты, присущие жизни в нашей стране. Лишь начиная со времени горбачевской перестройки, во второй половине 1980-х гг., это понятие начало активно использоваться в нашей научной литературе и применительно к оценке политических отношений в советском обществе. К.Фридрих и З.Бжезинский усматривают следующие универсальные признаки «тоталитарного синдрома»: существование одной массовой партии и единственной идеологии, проводимой этой партией, осуществление монопольной власти на СМИ и все средства вооруженной борьбы, создание системы террористического полицейского контроля и централизованного контроля и управления экономикой⁴³.

Следует признать, что в годы советской власти в нашем обществе присутствовали все названные составляющие тоталитарного общества. Более того, отдельные из них в годы правления И.В.Сталина проявили себя заметнее, чем в Италии и Германии. К ним отно-

⁴² Бакунин А.В. История советского тоталитаризма. Кн. 1. Екатеринбург, 1996. С. 6.

⁴³ Friedrich C.J., Brzezinski Z.K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge, 1956. P. 9-10.

сится, например, перерастание повсеместного контроля над обществом со стороны номенклатурного аппарата в проявление физических мер воздействия ко всем категориям граждан, массовая депортация людей в трудовые лагеря в мирное время; 100-процентная национализация экономики также подтверждает исключительную полноту тотального воздействия со стороны государства. Главным же проявлением отечественного тоталитаризма стало повсеместное утверждение партийного влияния во всех проявлениях жизни. Это стало результатом концентрации власти в руках одной партии – коммунистической и осуществление этой власти партийными комитетами, начиная с ЦК и заканчивая теми, которые создавались на местах. Не существовало ни одной организации, даже самой малочисленной, без своего парткома или партбюро (возникших в цехах, на фермах, даже в жилищных кооперативах). При этом человеку трудно, если не невозможно, было рассчитывать на продвижение по служебной лестнице, не будучи членом партии.

Рассматривая проявления тоталитарной традиции после 1917 г., А.В.Оболонский воспринимает ее как законченный и совершенный результат многовековой отечественной тенденции к системоцентризму. Под этим проявлением понимается формирование всестороннего и проникающего воздействия государства на своих граждан. В рамках системоцентризма индивид, как общественная ценность, либо вообще отсутствует в системе политической практики, либо рассматривается как нечто вспомогательное, способное принести пользу лишь для достижения неких глобальных целей. Антиподом этому проявлению политических отношений А.В.Оболонский видит персоноцентризм, когда отдельно взятая личность не воспринимается только с позиций функциональной пригодности, а выглядит значимой в ходе общественных преобразований. Вместе с тем, по мысли исследователя, ввиду крайне ограниченных проявлений демократии в нашей стране, первая тенденция всегда оказывала всестороннее воздействие, способствуя не только формированию тоталитарной власти, но и всеобщего тоталитарного мышления⁴⁴.

⁴⁴ Оболонский А.В. Драма российской политической истории: система против личности. М., 1994. С. 9-10.

Сказанное А.В.Оболонским позволяет, на наш взгляд, увидеть логическую преемственность дореволюционной традиции авторитаризма политической власти и сформированной затем традиции тоталитарности политического режима. Эту преемственность еще раньше усматривал Н.А.Бердяев: в своем философском эссе «Истоки и смысл русского коммунизма» он воспринимал тоталитарность как традицию русских революционеров. На то же самое обращали внимание западные исследователи А.Арон, Ф.Хайек, Х.Арендт и многие другие, считая тоталитарность базовой категорией существования коммунистической власти. Это неизбежно вело к ограничению плюрализма в различных сферах общественной жизни, к проявлению политического монизма⁴⁵. Уже в первые послереволюционные годы отмеченные явления стали отчетливо заметными. Неприемлемой начала выглядеть любая партийная фракционность, чему способствовало принятие на X съезде РКП(б) в 1921 г. известной резолюции «О единстве в партии»⁴⁶; были окончательно ликвидированы все оппозиционные издания (о чем подробнее пойдет разговор в IV главе). Монизм пронизывал не только политическую сферу, но и экономику, культуру, систему образования и т.д., что напрямую сказывалось на их повседневной деятельности, уровне сознания советских людей.

С ограничением плюрализма было напрямую связано формирование культа партии, как еще одного проявления тоталитарной традиции. Только та проблема, которая не противоречила идеям марксистско-ленинской теории, получала возможность двигаться к решению. В свою очередь, любое обнаружение несогласия с офи-

⁴⁵ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990; Арон А. Демократия и тоталитаризм. М., 1991; Хайек Ф. Дорога к рабству // Новый мир. 1991. № 7; Arendt H. Between Past and Future: Six Exercises in Political Thought. L.-N.Y., 1961.

⁴⁶ Позже, в 1927 г., И.Сталин не преминул заметить, что «диктатура пролетариата может быть полной лишь в том случае, если ею руководит одна партия, партия коммунистов, которая не делит и не должна делить руководство с другими партиями» (Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 99). Схожее мнение высказал год спустя ближайший сподвижник Сталина Л.М.Каганович: «Фракционность в конечном счете ведет к созданию двух партий, свыву партийного руководства массами и ликвидации диктатуры пролетариата» (Каганович Л.М. Партия и Советы. М.-Л., 1928. С. 18).

циальной партийной линией расценивалось как вредительство, саботаж и т.д. Отсюда появление в науке, искусстве целых направлений, которые были признаны «несостоятельными» (генетика, кибернетика, импрессионизм и т.д.). Все это рождало разделение общества на «наших» и «не наших», пренебрежение к праву со всеми вытекающими из этого последствиями: гонениями неугодных, преданиями их остракизму, поисками всевозможных «врагов» (что особенно ярко проявило себя в годы правления И.В.Сталина).

Култ партии порождает культ ее лидера, который одновременно всегда занимал должность руководителя государства. Формирование культа личности объективным образом вело к созданию системы централизованной власти и всестороннего администрирования, к подчинению индивида решению идейно-политических задач. Каждый человек играл определенную роль в общественно-политической системе (становясь пионером, комсомольцем, членом партии и выполняя возложенные на него «сверху» обязанности). Тем самым он неминуемо терял личностную самоидентификацию. Известная ленинская фраза о том, что «государство есть машина для угнетения одного класса другим»⁴⁷, в течение нескольких послеоктябрьских лет была реализована даже не столько в пользу диктатуры пролетариата, сколько во благо партийно-государственной номенклатуры. Ей были приданы исключительные полномочия.

В свою очередь, просветительские задачи выполняла партийная идеология, являвшаяся отражением целостной системы сложившихся общественных отношений. Посредством этой идеологии в сознание общества закладывались ценностные ориентиры, жизненно важные для существования политической системы. Такими ориентирами были, например, идеи «исключительности» существующего государственного строя, будущего построения «счастливой» жизни, неизбежной победы коммунизма во всем мире и многие другие. Для этого использовались самые различные формы пропагандистского воздействия. Оно осуществлялось многими средствами искусства, культуры. СМИ на общем фоне занимали исключительное место. Уже в первые годы советской власти была

⁴⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 75.

сформирована разветвленная сеть партийной печати, воздействующая на все социальные группы и слои населения. Посредством такого подхода в массовом сознании утверждалось классовое мировоззрение.

Было бы неверным воспринимать уровень партийной пропаганды как исключительно дидактический. При всей идеологической заданности она велась с учетом социальных потребностей людей, привлекала внимание разнообразием приемов и методов. В связи с этим нельзя не согласиться с К.С.Гаджиевым, отмечающим, что советское государство использовало всю свою мощь для утверждения мифологической версии своей идеологии в качестве единственно возможного мировоззрения. Сама же идеология «была превращена в своего рода государственную религию со своими догматами, со священными книгами, святыми, апостолами, <...> литургией и т.д.»⁴⁸.

Отмеченные тенденции не могли не отразиться на процессе формирования архетипов массового сознания и поведения. К их числу относится, например, массовое ощущение оптимизма, которым жила страна на протяжении многих десятилетий. Заметным было и массовое стремление к жертвенности — во имя идеалов революции, «светлого будущего» и т.д. Отсюда неизбежным выглядело возрастание хвалебной риторики, придание особой значимости политическим символам. В силу этого шло изменение всей модели человеческого поведения, которое было поставлено в зависимость от модели общих побед⁴⁹.

Как совокупное проявление архетипов сознания, утверждалось упрощенное восприятие окружающего мира, являющееся неизбежным проявлением тоталитарности. Советское общество уверовало в собственную исключительность, благодаря бесконечному повторению мифов о «советской демократии», некоем особом «гуманизме» социалистического государства, «величии» различных государ-

⁴⁸ Гаджиев К.С. Политическая идеология: концептуальный аспект // Вопросы философии. 1998. № 12. С. 6.

⁴⁹ Почепцов Г.Г. Тоталитарный человек: очерки тоталитарного символизма и мифологии. Киев, 1994. С. 77-81.

ственных планов и программ и т.д. Поэтому любое общественно значимое достижение становилось культовым, его распространяли в короткий срок и повсеместно.

Таким образом, новая власть, унаследовав многовековую для России традицию автократизма, развила ее в соответствии со своими политическими интересами. Отмеченные нами новации привели к заметным изменениям в содержании самой традиции. Можно отчасти согласиться с Г.Зимоном, считающим, что большевики пошли по тому же пути, что и царская Россия, создав более ригидное централистское государство⁵⁰. Вместе с тем, его утверждение лишь частично раскрывает сложившуюся политическую ситуацию. Сложившиеся после 1917 г. политические условия знаменовали собой не калькирование дореволюционной ситуации, а ее развитие на качественно ином уровне.

Следует признать, что тоталитарная традиция в различные периоды советской власти проявляла себя по-разному. Классифицируя весь исследуемый период, мы можем выделить несколько этапов, отличающихся друг от друга по степени ее реализации:

1) 1917–1921 гг.: утверждение административно-командных форм управления обществом;

2) 1921–1927 гг.: период проведения новой экономической политики (нэпа), знаменовавший собой процесс либерализации в рамках сложившейся идейно-политической системы⁵¹;

3) 1928–1985 гг.: дальнейшее развитие административного стиля в системе политического и экономического управления, проявляемого себя в командной форме (на протяжении большей части данного периода) и в «разрешительной» или либерально-ориентированной форме (в частности, во время хрущевской «оттепели» 1956–1964 гг.⁵²).

⁵⁰ Зимон Г. Заметки о политической культуре в России // Личность и власть: интеркультурный диалог. Сб. статей. М., 1998. С. 12.

⁵¹ Окончание этого периода автор связывает с проведением XV съезда партии (декабрь 1927 г.), обозначившего курс на индустриализацию и коллективизацию сельского хозяйства.

⁵² Периодизация «1956–1964 гг.» в отношении хрущевской «оттепели» носит условный характер. Первая дата – 1956 г. – здесь и далее взята за основу по причи-

Отмеченные нами этапы развития советского периода, несмотря на свою специфику, особенности взаимодействия власти и общества, различные формы регулирования социальной жизни, не повлияли на суть тоталитарной традиции. И хотя под воздействием конкретных социально-политических обстоятельств менялись ее внешние очертания, сама отмеченная традиция на протяжении всего исследуемого нами периода оставалась важнейшим фактором регулирования внутrigосударственных отношений, способствуя утверждению особой системы политического управления обществом.

Существенная трансформация автократизма политической власти повлекла за собой модификацию и консенсусной традиции, которая проявила себя в дореволюционной России. Возросшая политизация общественной жизни, формирование целостной системы административного воздействия, ограничение прав и свобод личности потребовали от большевистской власти новых форм социальной корпоративности, которые могли бы снять или хотя бы уменьшить прямое давление на «низы». Большевики постарались усилить в классовом сознании отмеченную выше идею консенсуса, придав ей исключительный, едва ли не сакральный смысл. Опора на коллектив во всех ее проявлениях с первых лет советской власти стала значимым фактором в решении политических и хозяйственных задач. Это позволяет говорить о качественном изменении привычных взаимоотношений власти и общества, о формировании *политически заданного или государственного коллективизма* как обновленной политической традиции.

В своей концепции формирования коллективистского мышления большевики унаследовали универсальные духовные ориентиры, сформированные в обществе задолго до октября 1917 г. При-

не проведения тогда XX съезда партии (январь-февраль 1956 г.), предопределившего обновление общества. А.Аджубей в своих воспоминаниях ссылается на десятилетие – с 1954 по 1964 гг. В свою очередь, Р.Орлова и Л.Копелев используют определение «хрущевское семилетие» – 1957–1964 гг. (См.: Аджубей А. Десять лет // Никита Сергеевич Хрущев: Материалы к биографии / Сост. Ю.В.Аксютин. М., 1989. С. 287; Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве: 1956–1980. М., 1990. С. 48). Наряду с этим и окончание «оттепели» в октябре 1964 г. является достаточно ус-

верженность людей к коллективной деятельности в семейных отношениях, быту порождала целостность этических представлений, взглядов, оценок, чувственно-эмоциональных переживаний различных людей. Это, в свою очередь, способствовало развитию каждого индивида в соответствии с общими задачами⁵³. Большевики умело воспользовались этой доминантой духа нации, сделав ее составляющей коммунистической морали и этики, подчинив ее государственным интересам.

Непримиримый характер большевистской революции и упрощенность политических оценок способствовали формированию у «человека-массы» однотипности общественного поведения, максималистского определения целей и задач, стоящих перед ним.

В работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», написанной уже после октября 1917 г., В.И. Ленин отмечал, что большевики не продержались бы у власти «без полной и беззаветной поддержки ее всей массой рабочего класса», без слияния ее «с самой широкой массой трудящихся»⁵⁴. Приведенные ленинские слова как бы подтверждали партийную идею о так называемой зависимости интересов партии от интересов большинства населения. Между тем, эта зависимость выглядела во многом мнимой (хотя и проявляла себя в периоды внешней агрессии), с учетом всестороннего воздействия партийно-государственной номенклатуры на жизнь общества. Однако на словах политически заданному коллективизму в нашей стране уделялось повышенное внимание - для достижения поставленных целей построения социализма и коммунизма. Примечательно в связи с этим, что партийный аппарат стремился отойти от внешнего выражения своих авторитарных наклонностей, пряча их за обтекаемой формулировкой «мы». «Наши задачи», «наши не-

ловной вехой, разделившей время правления Н.С.Хрущева от последующего периода, когда у руководства страны пребывал Л.И.Брежнев. Вместе с тем можно утверждать, что «разрешительные» возможности для общества продолжались еще несколько лет, вплоть до ввода советских войск в Чехословакию в августе 1968 г. В это же время в стране началось активное преследование инакомыслящих и диссидентов.

⁵³ Меренков А.В. Личность: формирование потребности в нравственном развитии. Красноярск, 1985. С. 106.

⁵⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. Сс. 3, 4.

достатки» — весьма распространенные фразы, встречающиеся в заголовках и содержании многих статей В.И.Ленина, И.В.Сталина, В.М.Молотова и других деятелей партии, а также в передовицах центральной прессы в названные годы. Однако такой прием не менял привычного стиля взаимоотношений личности и государственной власти.

Очевидным является то, что в отсутствии политического плюрализма власть нередко абсолютизирует свои возможности, а ее носители приобретают черты вождизма. Эту особенность подметил еще в 1880-х гг. французский социолог Г.Лебонн (в своей книге «Психология масс и народов»). Аналогичную мысль проводит в наше время С.Московичи, утверждая, что вождь в условиях автократии выступает для масс носителем исключительной идеи, практическое осуществление которой позволяет решить их основные проблемы упрощенным, достаточно быстрым путем⁵⁵. В этом случае все подчинено воле коллективного руководства или вождя, действующего от его имени. Применительно к России революционного и послереволюционного периодов налицо была именно такая зависимость между «верхами» и «низами».

По словам В.И.Ленина, «материальный, производственный источник и фундамент социализма требуют безусловного и строжайшего единства воли, направляющей на совместную работу сотен, тысяч и десятков тысяч людей <...> Но как может быть обеспечено строжайшее единство воли? — Подчинением воли тысяч воле одного»⁵⁶ [подчеркнуто мной. — Д.С.]. Очевидно, что для Ленина именно большевистская партия была организацией («волей одного», с учетом принципа демократического централизма, на котором строилась ее повседневная деятельность), призванной осуществлять это подчинение. Такой подход учитывал прочную внутреннюю потребность «среднего» человека в твердой власти, проникающей во все сферы общественной жизни и берущей на себя ответственность за происходящее. В общественном сознании сама партия выглядела, с одной стороны, как организация, направлявшая

⁵⁵ Подробнее см.: Московичи С. Век толп. М., 1998. С. 23-35.

⁵⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 200.

усилия масс на выполнение директив, а с другой — как коллективный орган, неразрывный с интересами народа. Именно поэтому и «тема партии» всегда выглядела неотъемлемой от темы политической заданного коллективизма, что проявлялось как в публичных выступлениях деятелей государства, так и в материалах советской печати на протяжении всей советской истории.

Утверждение диктатуры пролетариата знаменовало собой логическое развитие основополагающих принципов государственного управления. Под этой диктатурой В.И. Ленин понимал систему социальных отношений, благодаря которой осуществляется «руководство политикой со стороны пролетариата»⁵⁷. Речь, как видим, шла о консолидации и выражении политических интересов целого класса, как главной движущей силы преобразований.

Идея политически заданного или государственного коллективизма соответствовала не только философии и идеологии большевиков, но и их представлениям об организации и ведении хозяйствования нового типа — социалистического.

Сама организация труда в условиях нового общественного строя, основанного на обобществлении собственности, предполагала объединение миллионов людей с целью реализации общезначимых социально-экономических задач. Еще в работе «Государство и революция» (июнь 1917 г.) В.И. Ленин подчеркивал, что в условиях социализма «все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного... «синдиката»⁵⁸. В отсутствии рыночных отношений после провозглашения советской власти важное место отводилось именно массовому труду, позволявшему обеспечить количественные показатели новой экономики. Такой подход с самого начала существования советской власти жестко регламентировал производственные отношения на каждом рабочем месте. Наличие учета и контроля «сверху», осуществляемого на всех этапах служебной лестницы, вело к подчинению личных и групповых интересов выполнению общегосударственных задач.

Степень этой подчиненности, правда, разнилась в первые годы

⁵⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 218.

⁵⁸ Там же. Т. 25. С. 445.

советской власти и в дальнейшем, начиная со второй половины 1920-х гг., когда после завершения новой экономической политики (нэпа) в обществе окончательно утвердился жесткий государственный контроль во всех его проявлениях. Однако в основе коллективистских отношений в обоих случаях проявлялось недостаточное развитие личностного начала (по причине восприятия его как одной из черт буржуазности) и критико-рефлексивного мышления (что стало следствием традиционной ограниченности плюрализма). Сложившаяся массовая психология стала объективной предпосылкой формирования сталинской системы, в условиях которой исторические основы коллективизма воплотились особенно зримо⁵⁹. Это выразилось не только применительно к экономическим, но и национальным, классовым отношениям, к духовной, бытовой культуре и т.д. (Вспомним фразу, известную многим поколениям советских людей: «Прежде думай о Родине, а потом — о себе»).

Однотипная культура с самого начала определяла развитие всех слоев и групп общества. Только в ее рамках отдельно взятый индивид мог проявить себя. Его повседневное поведение должно было вписаться в определенные требования, предъявляемые к коллективу. Известный советский педагог А.С.Макаренко отмечал, что советскому человеку необходим только такой коллектив, который отличается здоровым морально-психологическим климатом. Здесь должны присутствовать «постоянная бодрость, никаких сумрачных лиц, никаких кислых выражений, постоянная готовность к действию, именно мажорное, бодрое настроение». Лишь в общности интересов внутри отдельных коллективов, добавлял он, «возможен переход к широкому политическому воспитанию, когда под коллективом подразумевается целое советское общество»⁶⁰.

Воспитание этих качеств у советских людей традиционно шло посредством собраний. Партийные, профсоюзные, комсомольские, производственные и многие другие собрания с заранее под-

⁵⁹ Подр. см.: Лунев С.И. 70 лет истории и три этапа тоталитаризма в СССР // Тоталитаризм как исторический феномен / Под ред. А.А.Кара-Мурзы. М., 1989. С. 136-144; Козлова Н.Н. От авторитаризма к тоталитаризму: механизмы перехода. Там же. С. 223-228.

⁶⁰ Макаренко А.С. Соч.: В 7-ми тт. М., 1958. Т. 5. Сс. 213, 165.

готовленной повесткой дня были наиболее распространенной формой решения различных вопросов. Несмотря на то, что каждый присутствовавший имел право высказаться в ходе обсуждения, окончательным итогом становилось, как правило, коллективное голосование, что существенно ограничивало любые личные инициативы.

Необходимость формирования «готовности к действию» и «общности интересов» помимо субъективного стремления политической элиты к усилению командно-административного начала диктовалась теми грандиозными задачами по индустриализации экономики и коллективизации сельского хозяйства, которые предстояло воплотить в жизнь народу в годы первых пятилеток⁶¹, а затем в период послевоенного восстановления страны. Общность интересов особенно проявилась в период Великой Отечественной войны, перед лицом внешней угрозы государству.

Советское время было отмечено появлением в общественной жизни различных починов и инициатив, в первую очередь применительно к производственной сфере. Стоит вспомнить героев труда первых пятилеток – А.Стаханова, П.Кривоноса, П.Ангелину, сестер Виноградовых и других. На первый взгляд, правда, может показаться, что такие, как они, демонстрируя повышенные результаты в работе, выпадали из общепринятых канонов общественного бытия и сознания. Однако их индивидуальность была продолжением все того же коллективистского начала, поскольку была определена государственными, исключительно общественными интересами. Само государство, партийная система играли заметную роль в создании таких героев, «распределении» починов по разным отраслям народного хозяйства. Теперь уже общеизвестным стал, например, факт, как готовился трудовой рекорд А.Стаханова, как создавались для него технические условия, организовывались вспомогательные бригады для отгрузки угля.

⁶¹ Только за годы первой пятилетки, начавшейся в 1929 г., планировалось пустить в строй 1200 новых промышленных объектов, в том числе такие гиганты как Днепрогэс, Магнитка, Сталинградский тракторный завод, Уралмаш и др., произвести 450 тысяч новых тракторов, увеличить в несколько раз добычу нефти, производство чугуна и стали. Таких крупномасштабных задач в области экономики не ставила перед собой в то время ни одна страна в мире.

Инициативы стахановцев и их последователей служили формированию общего трудового, патриотического настроя в стране, способствовали развитию соцсоревнования. Характерно и то, что личность, с которой надлежало брать пример, будь то шахтер, машинист, летчик и т.д. во все периоды советской власти выглядела типичной на фоне обыкновенных людей. Этому соответствовал и лозунг, утвердившийся в середине 1930-х гг.: «У нас героем становится любой».

Фактически тем самым в обществе получал развитие определенный тип положительного героя, способного добиваться исключительных результатов в различных проявлениях общественной жизни. Его отличала простота, природная скромность, большая сила воли и духа, способность к самопожертвованию во имя общественных идеалов. Такая личность должна была служить примером для массового подражания. В соответствии с этим тема «простого советского человека», добившегося рекордных трудовых успехов или просто «честно» выполняющего свое дело, получала активное освещение в центральной и местной прессе (благодаря чему герои публикаций сразу же становились хорошо известными всей стране).

«Государственно-коллективистский» характер нашего общества предопределил и еще одну особенность массового сознания и поведения — резкое, временами воинствующее неприятие всего того, что не выглядело привычным, естественным большинству людей. Такая социально выраженная позиция была продолжением общественного максимализма, традиционного для России, который после победы большевиков выразился в неприятии всего того, что выходило за рамки пролетарского мировоззрения. В итоге утверждение норм политически заданного коллективизма происходило в борьбе с индивидуалистическими ориентирами личности. В ходе эволюции социалистического общества эта борьба распространилась не только на сферу труда, но и любые общественные, личные отношения. Тем самым шло формирование целостного коллективистского сознания в рамках провозглашенных идеологических установок⁶².

⁶² См.: Меренков А.В. Указ. соч. С. 80.

Многочисленные политические кампании, ставшие неотъемлемой частью общественной жизни в нашей стране (гонения на представителей духовенства, «формалистов» в искусстве, безродных «космополитов» в 1920–1950-е гг. и т.д.), удачным образом вписались в идею заданного «сверху» коллективистского мировоззрения, неприятие любых проявлений индивидуального сознания. Временами, причем достаточно часто, неприятие со стороны широких масс этих общественных групп и личностей было столь велико, что последние публично зачислялись во «враги народа». Чтобы избежать репрессий в отношении самого себя, членов своей семьи человек был поставлен перед необходимостью: отказаться от своего «я», личных убеждений и принять для себя общепринятый стиль поведения как единственно возможный.

Отмеченная норма взаимодействия личности и общества была особенно характерной в 1920–1950-е гг., когда на традиционное общественное мировоззрение наложили отпечаток партийная идеология, сформированная под руководством ЦК ВКП(б) и лично И.В.Сталина, широко разветвленная система политического и административного давления. После смерти И.В.Сталина, особенно с конца 1950-х гг., наметился отход от привычных взаимоотношений индивида и общества. Это во многом было вызвано расширением кругозора советского человека под влиянием увиденного им в Европе в ходе Великой Отечественной войны и в силу этого ростом общественного самосознания, более активным воздействием на различные стороны окружающей жизни со стороны гуманитарной интеллигенции, деятелей культуры. Кроме того, сама личность получила дополнительные права и гарантии. Например, в декабре 1958 г. были приняты Основы уголовного законодательства СССР, которыми запретили зачислять человека во «враги народа», было признано право на защиту; в сельской местности наконец-то появились паспорта. Вместе с тем, партийно-государственная система осталась неизменной, что проявилось в прежнем уровне идеологического воздействия на общество, классовом подходе при восприятии фактов и явлений действительности и т.д. Вот почему мы вправе говорить лишь о некоторой, с точки зрения ключевых приоритетов формирования массового сознания, модификации взаи-

моотношений личности и коллектива в системе социальной деятельности. Не произошло слома привычной унификации повседневной жизни, сформированной в ходе долгой российской истории⁶³.

Итак, политически заданный коллективизм, как ярко выраженное явление общественной жизни, с первых лет советской власти приобрел комплексные очертания. Он, как и прежде, помогал человеку быть своеобразным «противовесом» государственному механизму, чьи усилия в нашей стране всегда были направлены на принижение отдельно взятой личности. Тем самым проявилась преемственность этой дореволюционной традиции в последующий исторический период. Вместе с тем, становление и развитие коллективизма «сверху» в советских условиях происходило в строгих рамках политической системы, которая была создана большевистской партией для утверждения своего влияния на общество. В результате коллективизм, санкционированный «сверху», стал слепком и отражением коммунистических принципов бытия и сознания.

Третья из отмеченных нами политических традиций дореволюционного времени — *либерально-ориентированная* (или традиция либерализации политики) — после прихода к власти большевиков также продолжила свою эволюцию. На протяжении исследуемого нами периода она проявила себя дважды: во время осуществления в стране новой экономической политики (нэп) в 1920-е гг. и в годы правления Н.С.Хрущева, получившие емкое название «оттепель». Прежде чем останавливаться на политических особенностях каждого из названных этапов отечественной истории, следует отметить, что проявление отмеченной традиции, идущей «сверху», всякий раз обуславливалось неспособностью власти конструктивно решать государственные проблемы привычными авторитарными способами. Как мы отмечали, аналогичная ситуация проявля-

⁶³ Коренные изменения отношений между личностью и коллективом начались только со второй половины 1980-х гг., в условиях разрушения привычных политических и экономических основ в обществе. Однако этот период остается за рамками нашего исследования.

лась и в предшествующие столетия. Осознавая, что дальнейшее применение «кнута» рискует породить еще большую социальную напряженность, вывести ситуацию из-под контроля, власть время от времени начинала проводить более «успокоительную» политику. Расширялись рамки политической и духовной свободы, предоставлялись дополнительные законодательные гарантии и т.д. Через некоторое достаточно непродолжительное время реформы «сверху» тормозились, и потепление внутривластной обстановки сменялось очередным «заморозком». Главная причина этой ситуации, на наш взгляд, заключалась в следующем. Традиционно директивный уровень воздействия власти на общество предопределял перманентную пассивность «низов» в ходе претворения в жизнь очередной политической инициативы, выходящей за пределы привычных ощущений. В силу этого необходимость реформ в условиях нашей страны никогда, ни до революции 1917 г., ни позже, не была выношена обществом, которое в ходе преобразований лишь следовало в фарватере происходящего, а после их прекращения оставалось, по существу, также безмолвным.

Нельзя не признать, что проведение в жизнь либерально-ориентированной традиции в советское время, как и прежде, ознаменовывалось ослаблением воздействия власти на индивида, что позволяло в определенной степени расширить степень его личной свободы в повседневной жизни. Вместе с тем, авторитарная позиция государства по отношению к обществу предопределила ярко выраженное присутствие субъективного фактора в осуществлении реформ. И нэп, и «оттепель» проводились «сверху» по прямым указаниям первых лиц государства (В.И.Ленина и Н.С.Хрущева), что неизбежно влекло за собой субъективное восприятие ситуации в ходе преобразований и разные векторы их осуществления (сосредоточенные то на экономической сфере, то на духовной). Также «сверху» реформаторские начинания прекращали свое существование. Оба периода высветили привычные для России проявления, всякий раз демонстрируемые в ходе либерализации политики. Это непоследовательность действий власти, ограниченный интерес к осуществлению предлагаемой стратегии со стороны широких социальных групп, неорганизованность отечественной интел-

лигенции в отстаивании гражданских прав и свобод. Все это в конечном итоге нивелировало достигнутые поначалу позитивные результаты по духовному раскрепощению общества.

Обращение к конкретному политическому опыту в ходе обоих отмеченных периодов позволяет проиллюстрировать эти выводы. Необходимость проведения нэпа, провозглашенная В.И. Лениным на X съезде РКП(б) в 1921 г., была вызвана, по крайней мере двумя причинами. Во-первых, крахом идеи мировой революции, выдвинутой большевиками еще до прихода к власти. Эта идея сводилась к тому, что экономически более развитые европейские страны и США, в которых, по замыслу большевиков, в обозримом будущем должен был осуществиться переход к социализму, обеспечат движение отсталой России к общественному прогрессу⁶⁴. Между тем, уже к началу 1921 г. стало ясно, что мировой революции не суждено сбыться. Это потребовало от большевиков изменения стратегии действий. Во-вторых, введение нэпа стало следствием тяжелейшей ситуации, в которой оказалась экономика страны в период «военного коммунизма». В отдельных регионах, и в частности в Поволжье, начался голод, за которым последовали массовые недовольства, организованные оппозиционные выступления (например, кронштадтский и антоновский мятежи). Формирование в период нэпа рыночных отношений, либеральных по сравнению с прежним политическим курсом власти, стало, таким образом, вынужденной мерой со стороны большевиков. В данном случае они, по существу, повторили опыт предшествующих российских правителей, спасавших «честь мундира» в периоды внутривластных кризисов.

В новых условиях заметно стабилизировалась финансовая система. Денационализация мелкой и кустарной промышленности заметно активизировала торговлю. Уже в 1923 г. в стране насчитыва-

⁶⁴ На III конгрессе Коминтерна (1921 г.) В.И. Ленин отмечал, что у большевиков не было выбора относительно своих перспектив. «Еще до революции, а также после нее мы думали: или сейчас же, или, по крайней мере, очень быстро наступит революция в остальных странах, капиталистически более развитых, или в противном случае, мы должны погибнуть» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 36).

лось свыше 50 бирж, на которых заключались оптовые сделки⁶⁵. Однако, несмотря на позитивные изменения в экономике страны, нэп с самого начала был политически обречен. В ходе его развития было невозможным совместить сложившиеся условия хозяйствования, когда ведущей силой становились крестьянство и мелкие собственники, с политическими задачами революции, основной опорой которой во всех партийных документах провозглашался пролетариат. Наряду с этим при возросшем за время нэпа уровне экономической свободы роль правящей партии не могла выглядеть столь же главенствующей, как в первые послереволюционные годы. Эти причины предопределили переход государства во второй половине 1920-х гг. на традиционные, авторитарные, методы воздействия на общество.

Власть, по сути, повела себя схожим образом с той линией своего поведения, которое она демонстрировала в дореволюционные периоды политической либерализации. Вначале она предоставила дополнительные возможности (применительно к экономической сфере), а потом постаралась остановить этот процесс, рискующий выйти за пределы дозволенных «сверху» рамок.

Схожая непоследовательность действий власти отмечалась и в период хрущевской «оттепели». «Оттепельный» дух стал постепенно утверждаться в стране после закрытого доклада Н.С.Хрущева на XX съезде партии (1956 г.), в котором впервые прозвучала критика культа личности Сталина. В течение последующих лет по инициативе ЦК КПСС были пересмотрены приговоры в отношении незаконно осужденных в прежние годы ряда партийных и хозяйственных руководителей, военачальников, деятелей науки, культуры и т.д. Из тюрем в эти годы были освобождены десятки тысяч заключенных по политическим статьям. Происходила не просто реабилитация людей, начался постепенный процесс восстановления правовых норм, духовной переориентации общества. Благодаря «разрешительной» политике «сверху» в какой-то мере расширилась информированность людей о прошлом и настоящем. В ходе

⁶⁵ Сироткин В.Г. Вехи отечественной истории: очерки и публицистика. М., 1991. С. 171.

различных обсуждений на официальных мероприятиях, в печати, сфере искусства все чаще стали обсуждаться закрытые прежде темы: стиль руководства на местах, межличностные отношения в трудовых коллективах и многие другие. Начала издаваться запрещенная прежде литература, велись открытые дискуссии, в том числе и в СМИ, о запрещенных прежде генетике, кибернетике и других направлениях науки. «Оттепель», как и нэп, привела к иному, чем прежде, духовному состоянию общества, в котором более активно находили себя инициатива и дискуссионность в различных сферах жизни. Это свидетельствовало о начавшихся качественных изменениях состояния отечественной культуры и политики.

Либерально-ориентированная традиция, получившая импульс в годы правления Н.С.Хрущева, однако, повторила привычный для нашей страны путь своего развития. Боязнь власти выйти за пределы привычных взаимоотношений с обществом, привела к сдерживанию многих политических и экономических начинаний⁶⁶. Сам Н.С.Хрущев, выходец из аппарата политической системы, никогда не ставил цель ее коренного реформирования, он стремился главным образом к «очеловечиванию» партийной системы, без изменения основных принципов государственного управления. Кроме того, по всем принципиальным вопросам Н.С.Хрущев предпочитал высказывать суждения сам, не позволяя обществу вмешиваться в этот процесс. Во всем этом также нельзя не усмотреть привычной аналогии с либерально-реформаторскими начинаниями в прежние исторические периоды. На новом витке отечественной политической истории продолжили свое развитие такие проявления, как авторитаризм власти, волюнтаризм, расширяющийся культ личности первого руководителя страны. Все это предопределило окончание «оттепели» еще до отстранения Н.С.Хрущева от власти (1964 г.).

Как видим, несмотря на существенные политические различия, присущие периодам нэпа и «оттепели», их общая тенденция разви-

⁶⁶ Не были реализованы, например, обсуждавшиеся идеи аттестации руководителей, в том числе и партийных, введение хозрасчета на предприятиях и другие проекты, уже тогда предлагавшиеся к обсуждению в профессиональной среде и центральной печати.

тия выглядит схожей. В эти исторические моменты, возвращаясь к концепции А.В.Оболонского (см. с. 78 данной книги), отечественная действительность показывала примеры того, как присущая политической жизни России тенденция к системоцентризму сочеталась с тенденцией к персоноцентризму. Соединение этих проявлений во время утверждения либерально-ориентированной традиции всякий раз позволяло отойти от сложившихся принципов в оценках политической ситуации.

Вместе с тем, активизация персоноцентризма в обществе вызвала ответную, причем достаточно жесткую реакцию со стороны власти, функции которой в советское время взяла на себя коммунистическая партия. В идейно-политическом и организационном отношениях она продолжала оставаться консервативной структурой, отрицающей любые либеральные проявления как внутри своей организации, так и за ее пределами. Это предопределяло реакцию власти на социальные, духовные перемены в отмеченные периоды. Всякий раз, иницилируя и поддерживая эти изменения в публичных выступлениях, в том числе и на страницах печати, политическая элита в практических действиях стремилась прямыми или косвенными путями сдерживать любую инициативу, выходящую за рамки привычного партийного мировоззрения. Последующие десятилетия эволюции общества (1960—1980-е гг.) во многом подтвердили эту тенденцию.

Мы проанализировали основные политические традиции нашего общества, реализованные в советский период его существования. Все сказанное выше позволяет сделать несколько заключительных выводов:

* Несмотря на различие конкретных методов административного управления, проявивших себя после 1917 г., отчетливо заметна логическая преемственность российских политических традиций. Это дает основу для восприятия общих исторических, культурных и духовных закономерностей в развитии страны;

* Эволюция политических традиций после прихода к власти большевиков была, тем не менее, отмечена целым рядом значимых инновационных проявлений, которые стали следствием утверждения принципиально новых политических отношений, более фор-

мализованного уровня взаимодействия государства и общества;

* Сразу же после провозглашения советской власти становится заметным усиление автократического характера власти, что приводит к упрочению тоталитарности режима как основной политической традиции, распространившей свое влияние на все проявления общественной жизни. Следствием этого становится формирование политически заданного (государственного) коллективизма и дальнейшая эволюция либерально-ориентированной традиции, проявляющей себя в соответствии с интересами власти;

* Каждая из отмеченных политических традиций, таким образом, носит амбивалентный характер, т.е. обладает взаимосвязанными и взаимообусловленными элементами (оттенками), позволяющими воспринимать сами традиции как комплексные явления общественной жизни. Это, в свою очередь, активизировало в различные периоды отечественной истории внедрение одних элементов за счет ограничения или вытеснения других. В советскую эпоху на развитие традиций наложили отпечаток как исторически обусловленные проявления, так и новые, вызванные особенностями политической системы управления, которые в совокупности предопределили сложившиеся отношения между властью и обществом.

Сделанные выводы необходимы для объективной оценки роли журналистики в рамках сложившихся политических отношений. Ее существование и развитие как самостоятельной сферы деятельности, отмечалось в первой главе, мы рассматриваем в тесной взаимосвязи с культурой общества и ее традициями вообще и вследствие этого – с политическими традициями в частности. Принимая во внимание отмеченное обстоятельство, уместно рассмотреть далее, какой отпечаток отмеченные нами политические традиции наложили на содержательное «лицо» партийного издания советской эпохи.

Глава III

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ НА СОДЕРЖАТЕЛЬНУЮ МОДЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ

Выступая в качестве транслятора информации, источника формирования представлений массовой аудитории об окружающем мире, СМИ, как мы говорили, вынуждены учитывать в своем содержании особенности культуры общества, выраженные в первую очередь через его традиции. Без повторения «следов прошлого»¹ в настоящем, как одного из эффективных путей консолидации общества, СМИ вряд ли могут привлечь к себе внимание со стороны массовой аудитории. Политические традиции играют на общем фоне значимую роль: они позволяют представить движение политических процессов, особенности функционирования власти и другие проявления, которые в совокупности оказывают влияние на важнейшие стороны повседневной жизни. Влияние этих традиций на журналистику видится, таким образом, важным для понимания основных закономерностей общественного развития и функционирования самих СМИ.

С учетом активного развития авторитаризма власти и его последующей модификации в тоталитарную традицию, наиболее зримо проявившую себя в советское время, приоритетным является рассмотрение воздействия этой традиции на содержательную модель периодического издания. Следует оговориться, что под моделью мы понимаем совокупность определенных содержательных, композиционных, иллюстрационных, графических и других элементов, определяющих «лицо» отдельно взятого издания или группы изданий. Наличие этих элементов создает обобщающий образ, который воздействует на сознание аудитории и формирует ее представления об окружающем мире. Исследование модели издания позволяет еще раз убедиться в особенностях содержательных при-

¹ См.: Качанов Ю.А. Опыты о поле политики. М., 1994. С. 102.

оритетов журналистики, строящихся в зависимости от взаимоотношений власти и общества.

Власть в лице партийных комитетов различного уровня с самого начала обращала особое внимание на формирование в массовом сознании коммунистического мировоззрения, чему должно было способствовать повсеместное распространение партийной идеологии. Этот процесс осуществлялся посредством крупномасштабного механизма пропаганды, созданного большевиками сразу после победы пролетарской революции. «В такой момент борьбы, — отмечал В.И. Ленин, — мы должны отстаивать революционное строительство, бороться против буржуазии и военным путем и еще более путем идейным, путем воспитания...»². Сама система агитпропа осуществляла свою деятельность с помощью различных форм искусства и культуры — литературы, театра, кино и т.д. Особую роль в этом процессе играла журналистика, стремящаяся создать и укрепить определенные политические ориентиры аудитории, исходя из ее приверженности идеям нового государственного строя.

Первостепенная задача журналистики заключается в том, чтобы дать целостное представление о жизни. Это происходит посредством использования взглядов и мнений различных сторон, участвующих в общественном процессе³. Тем самым происходит всестороннее познание журналистикой окружающего мира и, соответственно, целостное его восприятие. В послереволюционных условиях новая власть сформулировала ключевую задачу прессы, исходя в первую очередь из требования политической целесообразности. Приоритетными виделись отстаивание интересов движущих сил революции, придание самим переменам характера исключительности, дискредитация политических оппонентов. В.И. Ленин писал, что «придется при диктатуре пролетариата перевоспитывать миллионы крестьян и мелких хозяйчиков, сотни тысяч служащих,

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 400-401.

³ Е.П. Прохоров справедливо отмечает, что на существование журналистики влияет совокупность всех «действующих сил» общества, что собственно и позволяет называть журналистику массово-информационной деятельностью (См.: Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики. М., 2000. С. 5).

чиновников, буржуазных интеллигентов, подчинять их всех пролетарскому государству и пролетарскому руководству, побеждать в них буржуазные привычки и традиции...»⁴.

Из этого следовала не только крупномасштабность действий, осуществляемых новой властью в ходе реформирования общественных отношений. Весомой выглядела политическая роль, которая отводилась при осуществлении этих преобразований партийной журналистике. Сразу после революции СМИ стали особым социальным институтом, назначение которого состояло в том, чтобы быть средством политического управления массами, инструментом формирования настроений масс⁵.

В соответствии с этим осуществлялось функционирование СМИ, как проявление своеобразия их исторической эволюции. Функции журналистики, по словам Е.П. Прохорова, характеризуют совокупность ее обязанностей и выполняемых ею задач, способ жизнедеятельности в обществе. При этом «пространство функций» оказывается очень широким, поскольку это связано с разнообразием форм и методов деятельности журналистики в сфере социальных отношений⁶. С этим трудно не согласиться, если рассматривать журналистику, исходя из стоящей перед ней задачи создания объективной картины окружающей жизни. В советских условиях восприятие функций строилось, прежде всего, с учетом существования журналистики как регулятора сложившихся политических отношений, механизма актуализации культуры, соответствующей политическим интересам власти. Отсюда приоритетным выглядело не информирование аудитории, а ее идеологическое воспитание⁷. Для того, чтобы действовать успешно, газета должна бы-

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 102.

⁵ Теплюк В.М. Социальная ответственность журналиста. М., 1984. С. 10.

⁶ Прохоров Е.П. Указ. соч. С. 44-45.

⁷ Такие функции прессы, как информационная, развлекательная и ряд других, указывал, например, А.Л.Петроченко, могут проявить себя в журналистике. Однако они не являются главными направлениями в СМИ, а подчинены трем ведущим ленинским функциям - пропагандистской, агитационной и организационной, составляют их содержание (См.: Петроченко А.Л. Система средств массовой информации и пропаганды. Ташкент, 1988. С. 73).

ла «вписаться» в эту систему воспитания, что позволяло «с наибольшей полнотой осуществлять возложенные на нее обществом специфические функции»⁸.

Специфические функции журналистики, которые всегда ставятся в зависимость от задач и потребностей общества, в советское время, по существу, идентифицировались с функциями, осуществляемыми всей системой пропаганды. К их числу Б.А.Грушин относит организацию общественного поведения, создание определенного эмоционально-психологического тонуса, коммуникативную функцию, выраженную, в частности, в усилении связей между органами управления и аудиторией⁹.

Отмеченные функции, которые в совокупности носили деятельностно-преобразующий характер, не воспринимались в отрыве от идейно-политической основы советского общества. На формирование общественного поведения, психологических установок, коммуникационных связей накладывали отпечаток политические требования дня, развитие общества в строгом идеологическом направлении. Вместе с тем, эти функции журналистики утверждали себя с учетом сложившейся культуры общества, выраженной, в частности, в традиционно авторитарном характере воздействия власти на общество. Именно в условиях неравноправных взаимоотношений этих сторон, традиционных для России, стало возможным отмеченное выше «усиление связей» между административными органами и обществом. На этом основании формировалась еще одна функция СМИ – управленческая, без которой восприятие журналистики как общественной сферы деятельности нельзя считать всесторонним.

Управление воспринимается нами в качестве интегрированного элемента политической системы, влияющего на сознание и поведение общества. Следует отметить его проявления в советском обществе, посредством которых журналистика выглядела как зна-

⁸ Менделев А.Г. Правда – газетной строкой: актуальные вопросы развития ленинских принципов печати. М., 1985. С. 142.

⁹ См.: Массовая информация в советском промышленном городе. М., 1980. С. 85-87.

чимое звено в общей системе пропагандистской работы. Во-первых, СМИ инициировали и активно принимали участие в обсуждении различных государственных проектов и подготовке их к официальному утверждению. Во-вторых, повышенное внимание редакциями уделялось критике в отношении работы самых различных учреждений и отдельных людей. В-третьих, СМИ были призваны осуществлять контроль от имени партийных и государственных инстанций по соблюдению положений и рекомендаций, утвержденных в их же решениях¹⁰.

Соблюдение отмеченных особенностей воздействия на аудиторию гарантировало всеохватное вмешательство журналистики в повседневную жизнь, что определяло специфику ее целостного функционирования. Эффективность управленческой деятельности печати не означала обязательного решения рассматриваемого вопроса или искоренения недостатка. Главенствующим выглядел принцип формирования общественного мнения по отдельным фактам, событиям и проблемам. Тем самым, по словам В.П. Смирнова, пресса создала морально-психологическую атмосферу, соответствующую моральному кодексу строителя коммунизма¹¹.

Стремление СМИ вмешиваться во все сферы жизни и в силу этого проявляющая себя директивность их суждений свидетельствовала об ярко выраженной подчиненности журналистики выполнению этой важнейшей политической задачи. В свою очередь, процесс функционирования журналистики подтверждал активное воздействие на нее тоталитарной традиции. В основе существования СМИ присутствовала идеологически заданная мотивация, подчинявшая себе саму творческую деятельность. В силу этого журналистика познавала и отражала действительность в свете интересов определенного политического субъекта — партии и преобразовывала ее во имя этих интересов¹².

Влияние тоталитарной традиции на журналистику советского

¹⁰ Смирнов В.П. Советская демократия и печать. М., 1978. С. 98.

¹¹ Там же. С. 112.

¹² См.: Фомичева И.Д. Печать, телевидение и радио в жизни советского человека. М., 1978. С. 6.

периода выглядит неполным, если ограничиться лишь перечислением функциональных особенностей присущих СМИ. Функции являются отражением особых принципов журналистики, наложивших существенный отпечаток на ее профессиональную деятельность. Если функции журналистики подтверждают цели существования СМИ, то принципы помогают определению идейно-философского и методологического фундаментов, на которых строится это существование.

Под принципами печати, вслед за А.Г.Менделеевым, мы понимаем методы и организационные особенности журналистской деятельности, устойчивые правила и нормы ее существования и развития. Их сущность определяется политическими интересами исследуемой нами деятельности, исповедуемыми ею практическими целями, особенностями ее взаимодействия с массовой аудиторией¹³. На наш взгляд, представленное понимание принципов журналистики, в совокупности составляющих системное образование, выглядит объективным для любых политических условий. В советский период исследователи теории и истории нашей журналистики уделили достаточное внимание этим принципам¹⁴. На основе изученного материала назовем три ключевых принципа, определявших послереволюционную деятельность СМИ: партийность, классовость, идейность. Можно утверждать, что рассмотрение этих принципов позволяет не только увидеть воздействие тоталитарной традиции на СМИ, но и воспринять сами СМИ в качестве ее репродуктивного элемента.

Суть принципа партийности, ключевого в деятельности журна-

¹³ Менделеев А.Г. Указ. соч. С. 4.

¹⁴ См.: Бережной А.Ф. Ленинские принципы советской печати. Л., 1970; Зубков И. Партийное руководство печатью, телевидением и радиовещанием / Газета — орган партийного комитета / Под ред. А.З.Окорокова. М., 1976. С. 3-24; Евсеев В. Ленинский принцип партийности — научная основа руководства печатью. Там же. С. 25-37; Советская журналистика и коммунистическое воспитание трудящихся / Под ред. Р.П.Овсепяна. М., 1979; Лисин Е.А. Строка зовет в будущее. Роль печати в формировании коммунистического отношения к труду. М., 1983; Средства массовой информации и пропаганды / Под ред. Б.М.Морозова. М., 1984; Менделеев А.Г. Правда — газетной строкой: актуальные вопросы развития ленинских принципов печати. М., 1985; Липовченко Н.Н. Очерк теории журналистики. М., 1985.

листики, заключалась в следовании содержания последней духу и требованиям партийных документов¹⁵. Наличие этого принципа определило организационное начало журналистики советского времени, особенности восприятия ею окружающей жизни. Существующие ориентиры восприятия действительности во многом обусловили и критерии оценки качества выступлений в самих СМИ.

Зависимость журналистики от решений коммунистической партии стала возможной по причине актуализации двух факторов: прямой или административной подчиненности СМИ любого уровня партийным комитетам (что отражалось, в частности, в титуле каждого газетного издания) и комплектования редакционных коллективов творческими сотрудниками, являющимися преимущественно членами партии.

Оба проявления утвердили себя на практике еще до пролетарской революции. Практически с момента организации партии большевики воспринимали свои издания как центры проведения политической работы и поэтому стремились максимально укрепить редакционную дисциплину путем прямого подчинения органов печати Центральному комитету партии.

Еще в 1901 г. В.И. Ленин впервые поставил вопрос о создании общерусской политической газеты с целью ведения с ее помощью партийной пропаганды и агитации¹⁶. Одновременно он рассматривал печатное издание в виде центра политической работы большевистской организации. «Литературное дело, — писал В.И. Ленин, — должно стать частью общепролетарского дела, «колесиком и винтиком» одного единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса»¹⁷. Подчинение СМИ большевистской идеологии и дисциплине и тогда, и много позже воспринималось как подтверждение особой роли партийной журналистики в системе

¹⁵ Определяющим критерием оценки деятельности газеты, отмечалось в одной из работ, является «степень утверждения в журналистском тексте партийных установок» (Менделеев А.Г. Что за газетным словом? Об эффективности печатной пропаганды в обществе зрелого социализма. М., 1979. С. 93.).

¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 9.

¹⁷ Там же. Т. 12. С. 100-101.

общественных отношений. Эта закономерность основывалась на невозможности существования «партии без органа, органа без партии»¹⁸. Еще до победы в революции большевики наладили на территории России сеть своих газетных и журнальных изданий¹⁹. С самого начала они проявили заинтересованный подход и к содержанию своих изданий, которые должны были помочь утверждению в массовом сознании значимых для партии идей. «Мы определенно можем сказать, — утверждал секретарь ЦК РКП(б) А.С.Енукидзе, — что в истории рабочего движения <...> не было партии, которая в таком широком масштабе сумела организовать нелегальную печать, как наша большевистская партия»²⁰.

Если газеты с самого начала стали печатными органами партийных организаций, то к журналистам предъявлялась обязанность не только отстаивать идущие «сверху» идеи, но и самим войти в эти организации. «Позволительно ли социал-демократу участвовать в буржуазных газетах? — ставил вопрос В.И.Ленин в 1906 г. и тут же сам отвечал на него: «Нет»²¹. В этих условиях журналистская деятельность оказывалась всецело подчиненной деятельности партийных комитетов. Словом, задолго до прихода к власти большевики имели отчетливые представления о политической и социальной роли партийного издания в условиях существования однопартийной журналистики.

С принципом партийности, нашедшим активное воплощение в повседневной деятельности СМИ, был увязан и принцип идейности журналистики. «... Вопрос стоит *только так*: буржуазная или социалистическая идеология, — писал В.И.Ленин. — Середины тут нет (ибо никакой «третьей» идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой

¹⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 488.

¹⁹ Помимо центральных большевистских печатных органов (газеты «Вперед», «Пролетарий», «Социал-демократ», «Правда» и др.), выходивших до 1917 г., десятки партийных изданий легально и нелегально печатались на местах.

²⁰ Енукидзе А. Рабочая печать в подполье // Задачи печати: речи и воспоминания Г.Зиновьева, Я.Яковлева, А.Енукидзе и др. М., 1924. С. 54.

²¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 60.

идеологии)»²². Словом, идеология воспринималась нераздельно от классового подхода к анализу фактов и явлений действительности. В основу этого подхода была заложена идея о диктатуре пролетариата, ставшего движущей силой революции. Поэтому и на партийную прессу задолго до революции 1917 г. в качестве приоритетной возлагалась задача освещения жизни рабочего класса. Печать должна была служить «не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность»²³. Одновременно следование принципам идейности и классовости предполагало отпор всякого рода «внепартийным» настроениям и влияниям, подрывающим интересы пролетариата.

Было бы неверно воспринимать представления большевиков о печати лишь с точки зрения выполнения ею чисто политических задач. Еще до прихода к власти партия обращала внимание на тематическую и жанровую специфику публикуемых материалов (на что обращалось внимание в резолюциях съездов и конференций). В них говорилось, в частности, о необходимости введения в содержание изданий критики с мест, сатирических материалов, художественной прозы и поэзии, рисунков и карикатуры. Словом, привлечение широких слоев к чтению партийной газеты должно было осуществляться за счет разнообразия содержания. Это не меняло, однако, основное требование к партийному изданию — быть инструментом политического воздействия на общество, действовать в режиме «прямых указаний». Газета, таким образом, создавалась в качестве идейного и организационного ядра, способного консолидировать массы.

Тщательная проработка идейных и содержательных приоритетов своих СМИ существенно отличала большевистскую стратегию от стратегии других политических партий. Последние менее заинтересованно воспринимали роль прессы в переустройстве общества и во многом именно поэтому в отличие от ленинской партии не

²² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 39-40.

²³ Там же. соч. Т. 12. С. 105.

сформировали разветвленной сети своих изданий. Предложенная стратегия, в свою очередь, позволила В.И.Ленину и его сторонникам задолго до пролетарской революции соединить разрозненные организации в единый политический центр.

Отмеченные принципы большевистской печати предопределили главенство партийной темы на страницах газет и журналов. Еще до революции на страницах большевистских изданий в обязательном порядке появлялись директивные указания ЦК РКП(б), передовые статьи, в которых поднимались вопросы партийной жизни, выступления руководителей центральных и местных партийных комитетов и т.д. Этот подход остался без изменений и после 1917 г., чему способствовали требования ЦК по поводу содержания периодических изданий.

Так, в резолюции «О партийной и советской печати», принятой в марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б) и ставшей первым послереволюционным развернутым документом о СМИ, отмечалось, что «партийные комитеты должны давать редакциям общие политические директивы и указания и следить за выполнением этих директив...». Съезд также обращал внимание на необходимость назначения на должности редакторов партийных и советских газет «наиболее ответственных, наиболее опытных партийных работников», а одной из важнейших задач для партийно-советской печати видел необходимость вскрывать ошибки и недостатки в работе советских и партийных организаций²⁴. В свою очередь, в циркуляре ЦК РКП(б) «О программе местной газеты» от 4 апреля 1921 г. давались уже более развернутые рекомендации по поводу освещения в прессе партийной тематики. Среди вопросов, необходимых к обсуждению в СМИ, значились деятельность местных парторганизаций, освещение и обсуждение программных документов, пропаганда истории партии, идейная борьба с враждебными партиями, имеющими местное влияние и т.д.²⁵ Как видим, ЦК РКП(б) рассматривал журналистику как действенный механизм формирования позитивной роли партии в обществе.

²⁴ КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М., 1987. С. 184.

²⁵ Средства массовой информации и пропаганды. С. 187.

Прямое воздействие на прессу со стороны власти выглядело ощутимым на протяжении всей советской истории. Это подтверждают не только многочисленные документы, связанные с деятельностью СМИ, но и публичные высказывания видных деятелей нашего государства. Сошлемся на некоторые из них, относящиеся к 1920—1930-м гг. — периоду активного формирования тоталитарных основ общества и основных принципов партийного взаимодействия с прессой. Язык высказываний красноречиво иллюстрирует особенности субординации между властными инстанциями и журналистскими, следовавшими за их указаниями.

«Печать <...> должна обратить еще большее внимание на то, чтобы идеи партии и ее политика в целом находили в ней свое правильное отражение, чтобы искажения этой политики встречали должный и решительный отпор» (из доклада секретаря ЦК ВКП(б) В.М.Молотова на совещании работников печати 21 октября 1925 г.)²⁶. «Улучшая качество нашей печати, каждый из нас должен сознавать в то же время, что основным путеводителем и основным руководителем нашей печати является Коммунистическая партия. Чем ближе будет наша печать к партии, <...> тем легче будет избежать ошибок» (из выступления первого секретаря Ленинградского губкома ВКП(б) С.М.Кирова на торжественном заседании в День печати 5 мая 1927 г.)²⁷. «...Задачу печати можно охарактеризовать как задачу борьбы за генеральную линию нашей партии на всех участках хозяйственного и культурного строительства, борьбы со всяческими уклонами от генеральной линии, с извращениями ее» (из речи председателя Госплана СССР В.В.Куйбышева на совещании телеграфных агентств СССР 23 февраля 1931 г.)²⁸.

Во всех приведенных высказываниях нельзя не увидеть стремления партии поставить журналистику под свой контроль. С одной стороны, такой подход строился на привычных, укоренившихся еще до революции формах прямого воздействия власти на общество. С другой стороны, эта традиция, как отмечалось в предшест-

²⁶ Большеви́стская печать: сборник материалов. Ч. II. М., 1945. С. 159.

²⁷ Цит. по: Мельников А.И. С.М.Киров. М., 1973. С. 71.

²⁸ Большеви́стская печать: сборник материалов. С. 233.

ющей главе, заметным образом эволюционизировала и в отношении журналистики дополнилась существенными инновациями. Впервые в своей практике все партийные СМИ стали одновременно государственными, транслируя идеи власти, выступающей в качестве «всеобщего представителя» самых различных общественных интересов.

Директивное воздействие на журналистику в советский период объясняется не только прямым подчинением СМИ партийным комитетам, но и особой организационной структурой журналистики. Системность этого подхода была, в частности, выражена в том, что пресса с самого начала являлась частью сложившейся в обществе идейно-политической иерархии, при которой взгляды и высказывания вышестоящих печатных органов были обязательными для нижестоящих. В данном случае вновь отчетливо проявил себя тоталитарный характер общественных отношений, выраженный в доминировании ценностей и социальных норм, поступавших «сверху», над ценностями и нормами, рождавшимися «снизу». Применительно к журналистике все политические начинания вначале утверждались в центральных СМИ и уже затем получали «прописку» в местных (республиканских, областных, городских, районных), чаще всего посредством тех же постановлений и резолюций партийных комитетов.

Предлагаемые начинания, распространяемые посредством печатного слова (а также радио и в дальнейшем — телевидения), касались всех сторон общественной жизни: внедрения передового политического опыта, борьбы с «пережитками прошлого», искоренения недостатков в экономической деятельности и т.д. В соответствии с этим сотрудники редакций и нештатные корреспонденты не могли позволить себе дискутировать как с партийными комитетами своего и более высокого уровней, так и вышестоящими СМИ, поскольку это воспринималось нарушением партийной дисциплины и должностной субординации. В тех редких случаях, когда такое все же случалось, редакторы подвергались самым серьезным наказаниям²⁹.

²⁹ Показательным в этом смысле выглядит постановление ЦК ВКП(б) «О редакто-

Отмеченная ситуация в полной мере влияла на границы свободы творчества. Сложившиеся политико-экономические условия серьезным образом сковывали возможности журналистики, не позволяя ей по-настоящему объективно и непредвзято взглянуть на различные проявления окружающей жизни. Это не значит, что СМИ советского времени не дали примеры вдумчивого, аналитического подхода к осмыслению фактов окружающей жизни. Можно вспомнить творчество М.Кольцова, Т.Тэсс, А.Аграновского, В.Ткаченко и десятков других газетчиков-публицистов, осмыслявших действительность по-настоящему творчески и нетривиально. Однако, находясь в рамках сложившихся политических отношений, отечественная журналистика в целом твердо отстаивала принципы принятого устройства и управления. Отсюда и ее постоянная забота о распространении партийной политики.

Признавая значимость журналистики советского времени в системе сложившихся политических отношений, нельзя, тем не менее, не ощутить двойственность ее положения. С одной стороны, СМИ всесторонне зависели от правящей власти³⁰, а с другой — занимали исключительное, если не сказать привилегированное, положение в обществе. Будучи рупором правящей партии, генератором ее идей, журналистика функционировала в качестве «контролера» повседневной жизни. Этим объясняется появление многочисленных критических материалов по самым различным вопросам. Наряду с партийными комитетами (а точнее вслед за ними) их пе-

ре газеты «За новый Север» т. Задове» от 25 июля 1939 г. В нем отмечалось, что редактор допустил грубую ошибку, «открыв на страницах областной газеты полемику против [своего] обкома партии». «Противопоставляя газету «За новый Север» обкому, т. Задов нарушил Устав ВКП(б), согласно которому газета руководится и контролируется партийным комитетом» (Цит. по: КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. С. 277).

³⁰ Это подкреплялось и экономическими особенностями существования СМИ. Учитывая, что в советский период они были полностью подконтрольны структуре власти, редакции в отношении своего экономического положения ничем не отличались от других госпредприятий. Прибыльные издания не имели возможность оставлять в своем распоряжении хотя бы часть прибыли. Все творческие работники считались государственными служащими, наделенными специфической обязанностью «воспитания масс».

чатные органы зачастую выглядели высшими судьями при разборе тех или иных ситуаций. Это накладывало отпечаток на тональность выступлений СМИ — подчас бесцеремонно-жесткую в отстаивании своей правоты. Проявлявший себя менторский тон журналистики при восприятии фактов и явлений окружающей жизни подтверждал глубокие корни тоталитарной традиции применительно к названной сфере профессиональной деятельности.

Между тем, ввиду отсутствия у журналистов глубоких представлений по многим вопросам окружающей жизни, содержание критических выступлений, нередко выглядело поверхностным. Это особенно относилось к местным СМИ, испытывающим дефицит хорошо подготовленных журналистских кадров. Несмотря на это, обязательным элементом содержательной политики всех печатных изданий было появление рубрики типа «Газета выступила. Что сделано?», где публиковались ответы руководителей по поводу звучавшей ранее критики. Они в обязательном порядке должны были поступить в течение месяца после опубликованного или озвученного по радио или телевидению критического материала. При этом сами ответы должны были содержать обещания «принять меры», «устранить отмеченные недостатки» с указанием имен ответственных за выполнение. Все это соответствовало требованиям, предъявляемым к журналистике «сверху». Действенность СМИ традиционно выглядела в общественном мнении как одна из сильных сторон их содержательной политики. То, что рядовой читатель газеты или, скажем, телезритель имел возможность узнавать о результатах выступлений журналистов, воспринималось им как необходимое условие укрепления взаимодействия между СМИ и аудиторией. Наряду с этим, обязательность ответов с мест на журналистские выступления, содержащие критику, ставила «виновных» в строгую зависимость от редакционного (читай — партийного) мнения, которое далеко не всегда было продуманным и обоснованным.

Таким образом, существование журналистики было подчинено сложившейся политической системе. В свою очередь, аналогичную зависимость от нее испытывали государственные и общественные организации, все без исключения граждане (за исключением, пожалуй, высших должностных лиц в Политбюро и правительст-

ве). Журналистика, находясь в условиях партийного контроля над своей деятельностью, утверждала в обществе те же «правила игры», по которым действовала сама.

Отмеченная жестко заданная политическая направленность журналистики не исключали партийного требования к СМИ: быть доступными широкой аудитории, духовно близкими ей. Вот почему партия была активно заинтересована в появлении популярных по содержанию изданий, доступных в изложении материала для того, чтобы привлечь к себе широкие социальные слои общества.

Выполнение партийного требования к СМИ – соответствия их содержания запросам многомиллионной аудитории – требовало специфических форм массовой журналистской работы. Эти формы, посредством которых на страницах печати использовались мнения как профессиональных журналистов, так и «людей из народа», были порождены не только спецификой тоталитарного воздействия «сверху», но и политически заданным (или государственным) коллективизмом – второй из отмеченных нами основных политических традиций. В основе этого коллективизма, отмечалось в предыдущей главе, соединились этическая доминанта народа, его морально-нравственное восприятие действительности, с одной стороны, и воздействие на общественное сознание со стороны правящей власти – с другой. Присутствие в отечественной политической практике этой традиции оказало существенное влияние на СМИ, особенности их взаимодействия с обществом.

Формирование журналистики как выразителя массового сознания шло от идейно-политической направленности пролетарской культуры в целом. Разработчики теории пролетарской культуры А.А.Богданов, Ф.И.Шмит, В.И.Фриче и другие полагали, что она не может существовать вне интересов движущих сил революции, определявших развитие политической мысли и духовных ориентиров общества³¹. При таких условиях отдельно взятая личность неизбежно выглядела зависимой от общественных отношений и не

³¹ Богданов А.А. Культурные задачи нашего времени. М., 1911; Фриче В.И. Очерки социальной истории искусства. М., 1923; Шмит Ф.И. Предмет и границы социологического искусствоведения. Л., 1928.

могла активно и самостоятельно воздействовать на повседневную жизнь. Схожая мысль отмечалась И.И.Иоффе, для которого культура выглядела живой интегрированной системой лишь при условии своего взаимодействия с культурно-этической доминантой побеждающих классов³².

Выдвинутая теория пролетарской культуры, утверждавшая преимущество коллективных интересов и ценностей над индивидуальными, стала основой и для существования послереволюционной журналистики, как механизма актуализации самой культуры. Концептуально отмеченный подход проявил себя в появлении своеобразной содержательной «формулы» партийного издания, аккумулировавшей в себе как властное начало, так и единение с мнением «снизу», представлявшем широкие социальные слои: «Газета — это не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор».

Эта фраза, высказанная В.И.Лениным в 1901 г., в преддверии создания большевистской газеты «Искра», во многом определила глобальный путь функционирования партийной журналистики в целом, степень ее проникновения в повседневную жизнь посредством использования коллективного мнения.

Заданное «сверху» коллективистское мировоззрение явилось определяющим для существования СМИ в системе общественных отношений и после прихода большевиков к власти. Этому способствовало активное развитие рабселькоровского движения, стимулировавшего появление еще одного принципа партийной журналистики — народности. Этот принцип в советское время воспринимался неотрывно от ленинской фразы о том, что «живое творчество масс — вот основной фактор новой общественности»³³.

В связи с этим СМИ выглядели выразителями воли общества и стремились заручиться его поддержкой при решении общественно значимых вопросов. Это происходило посредством привлечения на газетные страницы нештатных корреспондентов, представлявших различные социальные группы, с обязательным указанием на

³² Иоффе И.И. Синтетическая история искусств. М.; Л., 1933. С. XVII-XVIII.

³³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 57.

принадлежность авторов к рабкоровскому «цеху». Журналистика, отмечает И.Д. Фомичева, вольно или невольно расширялась в сторону участия всех групп населения в производстве массовой информации³⁴. Однако сам процесс был изначально политизированным, строился на основании заданных алгоритмов. В качестве важных составляющих «хорошего» рабкора были его рабоче-крестьянское происхождение, членство в партии или комсомоле, невысокий уровень образования, скромное поведение в быту и т.д. В соответствии с этим, например, представитель интеллигенции в первые послереволюционные десятилетия в силу своего социального положения не мог претендовать на роль постоянного нештатного корреспондента. О политизации рабселькоровского движения говорит и то, что динамика его развития скрупулезно фиксировалась «сверху», что во многом подтверждает официальную ценность этого феномена в советских политических условиях. Так, после Октября 1917 г. число нештатных корреспондентов газет заметно возрастает. Если судить по статистическим данным, то к 1924 г. их насчитывалось сто тысяч человек, спустя семь лет — уже три миллиона³⁵.

Активизация участия масс в журналистской деятельности после победы пролетарской революции можно объяснить, по меньшей мере, двумя причинами. Во-первых, жестким курсом ЦК партии, направленным на укрепление рабкоровского движения, а во-вторых, формированием низовой многотиражной печати.

Рабкоровское движение воспринималось «сверху» как удобная и достаточно эффективная мобилизационная форма упрочения партийных идей не по указке «сверху», а как бы силами самих масс. Это создавало впечатление о демократичности нового общественно-политического строя, о постоянном интересе и приспособленности органов власти к психологии, нуждам простых людей. «Первое и главнейшее условие для правильной постановки массовой газеты, — отмечалось, например, в уже упомянутом нами выше цирку-

³⁴ Фомичева И.Д. Печать, телевидение и радио в жизни советского человека. М., 1987. С. 60.

³⁵ Средства массовой информации и пропаганды. М., 1984. С. 295.

ляре ЦК РКП(б) губкомам и укомам РКП(б) «О программе местной газеты» 1921 г., — это наличие постоянной, крепкой связи между редакцией и читателями. Внешним образом связь эта должна измеряться десятками и сотнями ежедневных писем в редакцию...». В свою очередь, в резолюции «О печати», принятой на XIII съезде РКП(б) в 1924 г., говорилось о том, что работа партии в области рабкоровского движения должна ориентироваться на дальнейшее массовое вовлечение в нее свежих кадров рабочего класса (в особенности из числа вступивших в партию по ленинскому призыву) и всемерное укрепление и усиление связи рабкоров с массой, как в процессе производства, так и в повседневном быту»³⁶. Необходимость упрочения связей с рабкорами как со стороны редакций, так и местных партийных комитетов подчеркивалась еще в целом ряде постановлений 1920—1930-х гг.³⁷

Во многих редакциях привлечение к сотрудничеству новых рабкоров считалось обязательным партийным поручением для каждого творческого сотрудника. Член ЦК партии редактор «Крестьянской газеты» Я.А.Яковлев в выступлении перед московскими журналистами в 1924 г. так отзывался об этой «почетной обязанности» каждого профессионального журналиста: «...Сейчас рабочего корреспондента нужно рассматривать не только как будущего журналиста, <...> как новую добавочную связь, как новый добавочный механизм, проводящий партийное влияние через рабочий класс на крестьянство»³⁸.

Именно поэтому самому движению давалась «зеленая улица»: уже на раннем этапе существования советской журналистики во всех без исключения редакциях существовало правило — 60 процентов газетной площади отводить под материалы рабселькоров.

³⁶ Цит. по: КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. Сс. 189; 13.

³⁷ В числе наиболее значимых документов следует назвать постановление Оргбюро ЦК РКП(б) «О рабселькоровском движении» (1925 г.), постановления ЦК ВКП(б) «Очередные задачи партии в области рабселькоровского движения» (1926 г.), «О перестройке рабселькоровского движения» (1931 г.).

³⁸ Задачи печати: речи и воспоминания Г.Зиновьева, Я.Яковлева, А.Енукидзе и др. С. 46.

Эта традиция сохранилась и в более поздние годы, вплоть до начала горбачевской перестройки. Существование отмеченной разнарядки нередко вело к заавторству, особенно в местных газетах, испытывавших недостаток квалифицированных штатных авторов, но создавало впечатление об активном вовлечении людей в сферу журналистики.

Для стимулирования активности штатных корреспондентов в каждой редакции помимо отделов, ведающих определенными направлениями политической, экономической и культурной жизни, в обязательном порядке был сформирован и отдел писем (иногда он так и назывался: отдел писем и рабкоровского движения). Советская пресса демонстрировала тем самым, без преувеличения, принципиально новую (ввиду отсутствия ее до этого в мировой журналистской практике) возможность общения с аудиторией. Отделы писем систематизировали редакционную почту, готовили специальные тематические разделы и страницы, целиком составленные из пришедших в газеты информационных заметок, острых сигналов, корреспонденций. На долю соответствующих отделов приходилась и организация совещаний рабкоров, встреч с читателями, которые рассматривались как потенциальные авторы.

Все это подтверждает, что формирование и развитие рабселькоровского движения для самой партии с самого начала явилось стратегическим делом, способным обеспечить массовое доверие к ней со стороны «низов». С участием рабкоров получили развитие различные формы массовой работы, проходящие под эгидой партийных организаций на местах — общественно-производственные смотры, производственные переключки, рейды и многие другие, в которые были вовлечены миллионы людей. В 1960–1980-е гг. в силу возросшего общекультурного уровня населения и самих журналистов редакции общественно-политических изданий стали привлекать к обсуждению различной проблематики представителей технической, творческой интеллигенции, организовывать с ними «круглые столы». Однако суть взаимодействия редакций с штатным активом осталась неизменной: посредством совместных усилий выработать у рабкоров, а через них у рядовых читателей (слушателей, зрителей) идейно-выверенную позицию по политичес-

ким, социально-экономическим вопросам. Эта позиция влияла на формирование в общественном сознании своеобразной внутренней цензуры, ограничивающей свободу высказываний.

Вторым фактором, стимулировавшим роль прессы как коллективного пропагандиста, агитатора и организатора, стало возникновение уникального феномена в общей системе советских СМИ — низовой печати, и в частности фабрично-заводских (многотиражных) газет. Уже в 1920-е гг. на существующих и только возникающих промышленных предприятиях появляются свои издания, являвшиеся «орудием партии в организации производственной и политической жизни предприятия <...> во всей ее многогранности»³⁹. К середине 1930-х гг. «многотиражки» выходили в каждом трудовом коллективе, насчитывающем полторы-две тысячи работающих. Эта тенденция сохранилась и в более поздние годы. Важность многотиражек, как низовой общественной трибуны, была настолько велика, что даже в самые тяжелые периоды советской истории (например, годы Великой Отечественной войны) они выходили с прежней периодичностью на многих промышленных предприятиях.

Заметное место в организации различных форм массовой работы стала занимать и стенная печать, также утверждавшая себя не только на больших предприятиях, новостройках, но и в относительно небольших трудовых, учебных коллективах, даже по месту жительства (газеты домовых комитетов). «Стенная газета в ее взаимоотношениях с печатной газетой играет роль мельчайшей кровеносной системы, вызывающей в жизнь самые отсталые слои трудящихся, еще не завоеванных печатным словом...»⁴⁰, — отмечалось в одном из сборников о печати 1920-х гг. Появлявшаяся, как правило, не реже раза в месяц, стенгазета должна была, подобно прессе в целом, отмечать позитивный опыт, высвечивать недостатки. Практически в каждом номере стенгазеты появлялся материал за подписью секретаря партбюро или его заместителя, в котором об-

³⁹ Из постановления ЦК ВКП(б) «О фабрично-заводской печати» от 19 августа 1932 г. / Цит. по: КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. С. 265.

⁴⁰ Кантор Х.Н. Печать и рабкор // Задачи печати: речи и воспоминания... С. 6.

суждались насущные вопросы дня. Эта корреспонденция потом в несколько измененном виде могла появиться в «большой» газете, редакция которой воспринимала его как рабкоровское выступление.

Фабрично-заводская и стенная печать явились инструментом партийно-пропагандистской работы, важнейшим звеном в выстраивании коллективного мнения по самым различным вопросам дня, проводником единого мышления в нашем обществе. Отдельные изменения в духовной атмосфере страны в 1960-е гг., вызванные проявлением либерально-ориентированной традиции, по существу не изменили общую ситуацию в системе низовой печати.

Традиции тоталитаризма и политически заданного коллективизма, утвердившиеся в политической жизни общества и проявившиеся в журналистике, сформировали особую содержательную модель партийного издания. В ее существовании получили развитие идейно-политическая подчиненность системе власти и стремление заявить о себе в качестве «массовой трибуны». Любое партийное издание было призвано поддерживать линию ЦК партии и привлекать к сотрудничеству нештатных авторов (рабкоров и селькоров).

В центре внимания журналистики находились, прежде всего, вопросы, связанные с жизнью рабочих слоев населения, беднейшего крестьянства — потенциального союзника пролетариата в социалистической революции. В соответствии с этими требованиями формировалось содержание информационных подборок, пропагандистских и аналитических статей и корреспонденций и т.д. Нередким в практике печати было появление целевых полос по актуальным политическим и экономическим вопросам, подборок материалов, посвященных профессиональным праздникам (дням строителя, машиностроителя, металлурга и т.д.); регулярно публиковались письма, отклики на особо значимые для редакции публикации. Все это выглядело важным для воспитания аудитории в духе приверженности сложившимся традициям партийного СМИ.

Вместе с тем, было бы неправильным воспринимать журналистику только транслятором основных политических традиций, играющим вторичную роль в общественных процессах. Будучи самостоятельной сферой деятельности и одновременно механизмом ак-

туализации политической культуры, журналистика стала регулятором общественных отношений, воспринимая традиции в качестве ярко выраженного стимула для развития внутренних законов своего функционирования. На протяжении всего исследуемого периода она не просто дублировала исходящие «сверху» политические положения, но вырабатывала собственные технологии упрочения этих традиций. Нельзя не признать, что они опирались на уже отмеченные нами подчиненность журналистики партийной системе, в рамках которой сформировалась директивность СМИ, целостный механизм политизации общественной жизни, существовавшую идеологию. Наряду с этим отмеченные технологии носили сугубо творческий характер. В их основе лежало формирование журналистикой особых ценностных ориентиров, утверждаемых в индивидуальном и массовом сознании и ставших следствием всеохватного проявления тоталитарной традиции.

Мысль о «коллективном разуме» партии, ее стремлении вникнуть в интересы народа, помочь «простым» людям в решении повседневных вопросов красной нитью проходила через все содержание СМИ советского времени. Эти заключения основывались, прежде всего, на высказываниях самих партийных руководителей, определявших роль партии как исключительную, всеохватную, способную достичь невиданных результатов в организации труда. Ставя вопросы сближения партийных интересов с интересами «человека из народа», журналистика нередко оперировала понятиями «класс», «масса», во главе которых стоит все та же партия. Характерными выглядели в этом отношении газетные передовицы, где практически не давались образы «маленьких людей», задействованных на выполнение очередного задания партии (правда, в брежневский период, ввиду того, что журналистика искала новые, более неформальные формы общения с аудиторией, эта традиция начала модифицироваться). Их целиком заменяли глобальные выводы и рекомендации. Предполагалось, что благодаря этому в сознании аудитории образ партии должен был наполняться особым, торжественным содержанием.

Отмеченный подход в описании действительности во многом способствовал формированию мифа об «исключительности» со-

ветского человека. Журналистика активно отстаивала главное его преимущество — врожденное умение работать в коллективе, где личность получала возможность «всестороннего развития» своих задатков».

Закономерно, что основным героем газетных материалов в советские годы стал «человек из народа»: носитель пролетарской культуры и одновременно участник коллективного труда — рабочий, крестьянин, низовой партийный работник. Представитель интеллигенции, работающий в сфере индивидуального труда, значительно реже привлекал внимание журналистов. За такими людьми с легкой подачи СМИ закрепились определения «гнилой интеллигент», «межклассовая прослойка» и т.д. Правда, в годы хрущевской «оттепели», ставшие периодом активизации либерально-ориентированной традиции, эта тенденция замедляла свое движение. Журналистика, получая «сверху» дополнительную свободу действий, проявляла больший интерес к людям интеллектуального труда — врачу, инженеру, ученому. Однако во все периоды советской истории рабочий человек занимал приоритетное положение в журналистских материалах. Примечательно, что рабкоры становились не только авторами публикаций, но и героями многих газетных зарисовок и очерков.

Типичный герой с самого начала был адаптирован к канонам массового сознания. Его поступки и мотивация выглядели понятными читателям — в большинстве своем выходящим из близких к пролетариату социальных групп. В связи с этим характерной особенностью журналистского героя «нового типа» явилась и определенная упрощенность его мышления и поведения. Герой рассматривался исключительно в сфере коллективного труда, организованного преимущественно на больших предприятиях. Более того, этот индивид чаще всего был представителем ведущих рабочих профессий и значительно реже — ремонтником или, скажем, механиком, обеспечивающим обслуживание основного оборудования. Общим в показе такого человека в СМИ было чаще всего отсутствие каких-либо деталей, иллюстрировавших его личную, семейную жизнь. У «настоящего» советского человека — героя журналистских очерков, корреспонденций и репортажей периода построе-

ния социализма — не чувствовалось сомнений и при осмыслении любой конфликтной ситуации. Объединяющим началом в образе героев явилась их исключительная внутренняя политизация, выраженная в приверженности идеям пролетарской революции, делу строительства новой жизни. Наряду с этим, журналистский герой был бдителен к идейным врагам нашей страны, был «готов строить социализм в обстановке ожесточенной классовой борьбы»⁴¹.

Эти черты явились ярко выраженными в облике «положительной» личности на протяжении всей советской эпохи и во многом определили ее приспособленность к коллективным потребностям общества. Практически любого индивида, не вписывающегося в представленную систему идейно-политических координат, журналистика воспринимала с резко критических позиций. Этим было вызвано и появление коллективных писем в печати как якобы выражение единого консолидированного мнения общества. Они были как положительного содержания (скажем, в защиту партийных инициатив в области внутренней и внешней политики), так и критического, осуждающие недостатки нашей жизни. Появление писем должно было подтвердить традиционное существование печати как коллективного пропагандиста, агитатора и организатора. К числу отмеченных недостатков в 1930—1950-е гг., если судить по содержанию СМИ, относились, например, формалистические «трюкачества» в искусстве, проявления «безродного» космополитизма. В дальнейшем, в 1960—1980-е гг., их сменили оппозиционные или диссидентские настроения, присущие отдельным представителям интеллигенции. Целые газетные полосы посвящались коллективной критике со стороны творческих союзов, а еще чаще «широких читательских слоев» деятелей культуры, не вписывающихся по своим взглядам в общепринятую мировоззренческую систему. При этом скрупулезный разбор их творчества не был обязательным и более того — игнорировался. От авторов коллективных писем требовалось, главным образом, «вписаться» в определенную шкалу идейных координат. Во многом именно поэтому подписантами становились не только представители одного творческого цеха, но и

⁴¹ Молодая гвардия. 1930. № 5. С. 110.

представители самых различных профессий, договоренность с которыми осуществляли подчас сами редакции. При этом преобладающими во все времена были письма за подписями рабочих — исходя из традиционной политической роли журналистики.

Словом, сама журналистика не была пассивным созерцателем инициатив «сверху», она активно, в творческой форме, развивала их, учитывая при этом массовую психологию. На основе заданных политических приоритетов, проводя унификацию сознания, отечественная журналистика советского времени сумела создать свой особый идеологизированный мир и в его рамках — своего героя, исповедующего определенные морально-нравственные приоритеты. Это позволило ей в конечном итоге развить собственные закономерности восприятия окружающего мира. Важно отметить, что эти закономерности утверждались не только на основе партийных директив, но и обратной связи, которую журналистика устанавливала путем востребования на добровольной основе мнений различных социальных групп (в виде авторских материалов, писем и т.д.). Совокупность обоих проявлений позволяет говорить о том, что СМИ советского времени сумели продемонстрировать профессиональные навыки установления отношений с широкой общественной средой (их в какой-то мере можно сопоставить с существованием сегодня такой сферы деятельности как «паблик рилейшнз» или «связи с общественностью»⁴²).

Основные выводы главы можно сформулировать следующим образом:

* Коммунистическая идеология, утверждаемая в обществе с 1917 г., подчинила себе существование СМИ. Главной особенностью партийной журналистики стало ее пребывание в рамках единого пропагандистского механизма;

* Отмеченные в ходе нашего исследования политические традиции наложили отпечаток не только на особенности развития со-

⁴² В данном случае мы исходим исключительно из определения термина «паблик рилейшнз», понимая под ним хорошо спланированные усилия, направленные на сохранение доброжелательности и взаимного доверия между организацией и ее общественностью (См.: Стровский Д.Л. Реклама и паблик рилейшнз: словарь английских терминов. Екатеринбург, 1999. С. 167).

ветского общества, но и всецело отразились на модели партийного издания, отличавшейся специфическим содержанием;

* Журналистика советского времени стала действенным средством отстаивания интересов власти и отражением тоталитарной традиции. Это выразилось в идейно-организационной зависимости СМИ от партийных комитетов различного уровня. Подчиненность журналистики партийной системе предопределила ее идейно-политические ориентиры, невысокую в целом степень ее критичности по отношению к окружающей жизни;

* Вместе с тем, в содержательной модели печати проявила себя традиция политически заданного коллективизма. Это выразилось в привлечении к сотрудничеству в СМИ не только профессионально подготовленных авторов, но и нештатных корреспондентов — рабселькоров. Участие рабселькоров в журналистской работе определялось требованиями партии, что подтверждает закономерности существования отечественной журналистики в системе существующего политического пространства;

* Отечественные СМИ советского времени не просто аккумулировали названные политические традиции, но и явились продуцентами своих информационно-аналитических технологий. На их основании редакционные коллективы утверждали на практике собственные закономерности восприятия и отражения окружающей жизни (которые подробнее будут рассмотрены в V главе).

Оценив влияние политических традиций на содержание журналистики, перейдем к исследованию того, какое воздействие они оказали на организационную структуру СМИ, ставшую уникальным феноменом политической жизни советского общества.

Глава IV

УНИФИКАЦИЯ ЖУРНАЛИСТСКОГО ПРОЦЕССА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ТОТАЛИТАРНОЙ ТРАДИЦИИ

§ 1. Большевицкая политика в отношении оппозиционных СМИ в системе существования идеологического механизма

Как отмечалось в главе I, СМИ ни в одном обществе не могут быть отстраненными от исторически сложившейся системы политических отношений. Рассматривая универсальные особенности существования журналистики, авторы классического труда «Четыре теории прессы» Ф.Сиберт, У.Шрамм и Т.Питерсон указывали на то, что оно зависит от духовной культуры, сложившейся в обществе, и политики, проводимой в отношении СМИ. «... Пресса всегда принимает форму и окраску тех социальных и политических структур, в рамках которых она функционирует. В частности, пресса отражает систему социального контроля, посредством которой регулируются отношения между отдельными людьми и общественными установлениями. <...> Понимание этих аспектов общества является основой для любого системного понимания проблемы прессы.»¹

Тоталитарная традиция, утвердившаяся в советский период, не только сформировала уникальную содержательную модель периодического издания (что было проанализировано в главе III), но и существенным образом повлияла на положение журналистики, уровень ее организации, особенности структурирования в рамках сложившейся системы партийно-государственной власти. Вместе с тем, эти проявления нельзя воспринимать в отрыве от существования целостного идеологического механизма, существенно повлиявшего на особенности функционирования СМИ.

Размышляя над универсальной природой этого механизма,

¹ Сиберт Ф., Шрамм У., Питерсон Т. Четыре теории прессы. М., 1998. С. 16.

Ю.А.Шерковин отмечал, что коммуникативное взаимодействие посредством журналистики невозможно представить вне конкретной идеологической и политической обстановки². Ему вторит британский социолог Д.Маквейл, считающий, что деятельность СМИ практически во всех случаях оказывается подчиненной сформированным в обществе идейно-политическим отношениям³. Это не значит, что журналистика не вправе критиковать органы власти, другие политические институты, существующие в том или ином обществе. Вместе с тем, даже самое демократическое государство не может оставаться беспристрастным к попыткам редакционных коллективов дискредитировать его духовные и политические ценности и ограничивает проникновение «вредной» информации в сознание граждан. Это тем более характерно для таких стран, как Россия, где воздействие государства на протяжении долгого времени распространялось на все проявления общественной жизни.

Ограничительные действия власти в отношении журналистики осуществляются посредством активизации уже упомянутого нами идеологического механизма. Он включает в себя совокупность способов воздействия на общественное сознание и общественное поведение с целью утверждения определенных политических ценностей, способствующих эффективному функционированию самой власти. По причине отсутствия в России политического плюрализма это воздействие практически всегда осуществлялось в директивной форме и нередко носило безальтернативный, а то и попросту запретительный характер. В советское время, в условиях оформления тоталитарной политической традиции, эта закономерность проявила себя более отчетливо. В деятельности идеологического механизма сразу после победы в революции большевиков наблюдалось ярко выраженное стремление партийно-государственной власти кардинальным образом изменить психологию общества. Это достигалось, прежде всего, путем борьбы с антибольшевистскими

² Шерковин Ю.А. Психологические проблемы массовых информационных процессов. М., 1973. С. 11-12.

³ McQuail D. Mass Media in the Public Interest: Towards a Framework of Norms for Media Performance (in) J.Curran and M.Gurevitch (eds.) *Mass Media and Society*. L.-N.Y., 1994. Pp. 69, 70.

взглядами, которые априори признавались ограниченными, ложными и т.д. Вследствие этого происходило активное насаждение максималистской идеологии, суть которой, по существу, сформулировалась следующим образом: «Все члены общества должны были придерживаться <...> великой цели, единого пути, что и является настоящей правдой, а все остальное – ложь. Если человек не придерживается этих очевидных правил, то он должен признать свое заблуждение. Если он не признает своих ошибок, он классово-чуждая личность, враг. Если враг не сдается, его надо уничтожить»⁴.

В силу этого сама идеология во многом основывалась на стандартах, в совокупности создававших в сознании индивида ощущение того, что сильная власть способна одним махом решить накопившиеся в обществе проблемы. Отметим важнейшие проявления этой идеологии, утвердившиеся в советском обществе с самого начала. Мы акцентируем на них внимание, поскольку, с одной стороны, эти проявления были направлены на формирование определенного массового сознания, а с другой - наложили зримый отпечаток на существование и развитие журналистского процесса.

1. *Монополизация общественного мнения под эгидой существующей власти и, как следствие, сведение на нет любой критики* в ее адрес. Этому способствовало принятие на X съезде РКП(б) резолюции «Об единстве партии». Согласно же новому партийному Уставу (1924 г.), одна из функций Центральной контрольной комиссии (ЦКК) и соответствующих комиссий на местах заключалась в последовательной борьбе против всех группировок и фракционных движений внутри партии. Правда, до середины 1920-х гг., если судить по содержанию центральной печати, в партийной среде еще допускались дискуссии по отдельным вопросам⁵. Однако они были оконча-

⁴ Бакунин А.В. История советского тоталитаризма. Кн. 1. Екатеринбург, 1996. С. 117.

⁵ К числу этих вопросов следует отнести такие, как уровень демократии в партии, роль профсоюзов в коммунистическом обществе, стратегия экономического развития страны и советская внешняя политика, в частности, по отношению к Китаю. В качестве конкретного примера, связанного с обсуждением вопроса о развитии в стране демократии, сошлемся на полемическую статью наркома внешней торговли Л.Б.Красина «Контроль или производство». Появившаяся в «Правде» в 1923 г. публикация вызвала широкое обсуждение в партийных кругах, поскольку

тельно завершены в 1927 г. после идейного разгрома Л.Д.Троцкого и так называемой объединенной оппозиции⁶.

Необходимость партийного контроля в отношении различных проявлений общественной жизни постоянно подчеркивалась в партийных документах. Так, на IX съезде РКП(б), проходившем в марте-апреле 1920 г., в резолюции «По организационному вопросу» особое внимание обращалось «на дальнейшее развитие партийных школ (высшего, низшего и инструкторского типа) для подготовки в области хозяйственно-административной»⁷. Не менее жесткая рекомендация содержалась в письме ЦК РКП(б) от 22 апреля 1921 г. «О распространении агитационной литературы», в котором значилась необходимость привлечения к этому делу партийных организаций⁸. Сошлемся также на Пленум ЦК РКП(б) от 9 августа 1921 г., сосредоточивший внимание, в частности, на задачах антирелигиозной пропаганды. В данном постановлении говорится, что смысл этой работы состоит в том, «чтобы на место религиозного миропонимания поставить строгую коммунистическую научную систему». Для этого Агитотделу ЦК и Главполитпросвету предлагалось разработать научно-популярную литературу антирелигиозного характера⁹. Отмеченные документы иллюстрируют особую зна-

ставила под сомнение идею В.И.Ленина о введении рабоче-крестьянской инспекции (рабкрина). Красин воспринимал ее в качестве очередной бюрократической надстройки.

⁶ Примечательно, что к этому времени окончательно сходит на нет и обсуждение вопроса об особенностях подбора и содержания информации, публикуемой в прессе. По этому поводу в первой половине 1920-х гг. звучали различные мнения, что было связано с развитием дискуссионности в период нэпа (о чем пойдет речь в VI главе). Так, первый редактор «Известий» Ю.М.Стеклов отмечал в одной из своих теоретических работ по вопросам журналистики, что задача прессы – максимально заботиться о разнообразии своего содержания (См.: Стеклов Ю.М. Редактор и его роль в газете. М., 1924. С. 6). Высказанная идея раздвигала рамки партийного подхода к отбору информации. Поэтому впоследствии она была крайне настороженно воспринята официальной идеологией, а автору приклеили ярлык «буржуазного апологета» (См.: Лившиц И. Апологеты буржуазной печати // За марксистско-ленинское учение о печати. М., 1932. С. 91-101).

⁷ Цит. по: КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М., 1987. С. 185.

⁸ Там же. С. 190.

⁹ Там же. С. 192.

чимость партийного влияния на общественное сознание.

2. *Упрощение на практике ленинской теории о диктатуре пролетариата.* В соответствии с этой теорией именно рабочий класс является основной движущей силой революции, «господствующим классом», который «ломает все старые препоны, рвет обветшавшие пути, выводит трудящихся на дорогу самостоятельного творчества новой жизни»¹⁰. Партия требовала активнее выдвигать на первый план средствами культуры образ рабочего человека – вершителя революции. В.Ф.Плетнев, председатель ЦК Пролеткульта – массовой литературно-художественной и просветительской организации, появившейся в России еще до революции, – утверждал в газете «Правда» по этому поводу: «...Проведение четкой демаркационной линии между пролетариатом и другими классами особенно важно в такой некультурной, полубезграмотной стране, как Россия. Сколько бы ни было у нас пришельцев из буржуазного лагеря, классовое сознание пролетариата останется чуждым крестьянству, буржуа, интеллигенту»¹¹.

Приведенное суждение, хотя и частное, подтверждает классовый принцип, который активно формировался в стране в первые послереволюционные годы.

3. *Полный контроль над печатной продукцией, выходившей в стране.*

Этот контроль был возложен на Госиздат, появившийся в 1919 г. «в целях создания в РСФСР единого государственного аппарата печатного слова». Отмеченный контроль осуществлялся, прежде всего, экономическим путем: Госиздат как монополист распоряжался всеми запасами бумаги и выпускал до двух третей (по тиражу) всей книжной продукции в стране. Вместе с тем, это ведомство выполняло и политические функции, что наглядно проявилось в период нэпа. Имея обширные полномочия, Госиздат мог закрыть (и закрывал) уже действующие издательства, просматривал и утверждал программы издательской деятельности, редакционно-издательские планы и т.д.¹². В последующие годы в соответствии с декретом

¹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 199.

¹¹ Цит. по: Воскресенский Л. 1921 год: урок правды // Страницы истории: дайджест прессы. 1988. Июль-декабрь. Л., 1989. С. 28.

¹² Блюм А.В. За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры: 1917–1929. СПб., 1994. С. 49–50.

Совета народных комиссаров от 12 декабря 1921 г. ни одно частное издательство не могло возникнуть без разрешения Государственного издательства. Наряду с этим каждая рукопись до сдачи ее в набор должна была получить разрешение либо Госиздата (его местного отделения), либо одного из губернских просветительских комитетов, созданных к этому времени при Наркомпросе. За нарушение этих положений виновные издатели могли быть привлечены к судебной ответственности¹³.

4. Существование политической цензуры, обеспечившей распространение выдвинутой идеологии.

Цензура, как форма идеологического контроля, активно проявила себя в России еще до пролетарской революции. Более того, по причине заметного ограничения в стране гражданских прав позиция императорской власти в отношении цензуры трактовалась следующим образом: запрещено было все, что выступает против религии, сложившейся нравственности и власти. Подвергалась проверке иностранная литература, доставленная в страну, контролировались театральные постановки, выпуск периодических изданий. Правда, на фоне ряда других европейских стран того времени (например, Австрии, Германии) эту ситуацию нельзя было назвать уникальной. Проблема для российского общества, однако, с самого начала заключалась в том, что такое понятие как «государственный интерес» интерпретировалось лишь с позиций авторитарной власти, и нередко превалировало над законом. В данном случае цензура имела ярко выраженный ограничительный или запретительный характер¹⁴.

Преемственность традиций, унаследованных большевиками от прежней власти, проявилась в укреплении цензурного механизма, действующего теперь уже с учетом классового принципа. Отмечен-

¹³ Из декрета СНК «О частных издательствах» // История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997. С. 34-35.

¹⁴ Правда, царская цензура в отдельные периоды была достаточно либеральной. Так было, например, в 1860–1870-е гг., что можно объяснить обозначившейся тенденцией к общей либерализации общественной жизни в России. Несколько лет после первой русской революции 1905–1907 гг. прошли под знаком отсутствия превентивной цензуры по отношению к печатной продукции в целом. На это, бес-

ный принцип сформировал и «расширительные» цели и задачи самой цензуры по сравнению с дореволюционным периодом.

Так, в декабре 1918 г. Реввоенсовет республики утвердил Положение о военной цензуре, где отмечалось, что без соответствующего грифа не могло появиться в свет ни одно печатное произведение. В июне 1922 г., в соответствии с правительственным декретом, все цензурная работа перешла в ведение нового ведомства — Главлита — Главного Управления по делам литературы и издательств во главе с П.И.Лебедевым-Полянским, созданного при Народном комиссариате просвещения. Главлит имел в своем подчинении цензурные органы на местах — при губернских отделах народного образования. В круг их обязанностей входил предварительный просмотр всех предназначенных к опубликованию или распространению рукописных и печатных произведений, периодических и непериодических изданий, снимков, рисунков, карт и т.п. Кроме того, Главлит составлял списки произведений, запрещенных к продаже и распространению. От цензуры освобождались только печатная продукция Коминтерна, ЦК РКП(б), Государственного издательства и Главного политико-просветительного комитета и научные труды Академии наук¹⁵.

Таким образом, сразу же после прихода большевиков к власти цензура оказалась взятой под их строгий контроль, что повлекло за собой существенное ограничение плюрализма и демократии, сказалось на особенностях формирования государственной политики в отношении журналистики.

спорно, повлияло активное формирование в эти годы парламентской системы демократии, партийно-политического плюрализма. Период с февраля по октябрь 1917 г. также можно назвать одним из самых благоприятных для истории российской журналистики. Достаточно сказать, что в апреле этого года Временное правительство приняло новый закон о печати, в котором отмечалось, что «печать и торговля произведениями печати свободны», и «применение к ним административных взысканий не допускается» (Цит. по: Блюм А.В. Указ. соч. С. 30). Однако отмеченные «потепления» определялись в большинстве своем не объективными обстоятельствами, а волей стоявших у власти людей. На наш взгляд, именно по этой причине они не пустили глубоких корней в общественном сознании.

¹⁵ Из положения о Главном управлении по делам литературы и издательства (Главлит) // История советской политической цензуры. С. 35-36.

Эта политика с самого начала осуществлялась против сложившейся системы дореволюционной печати. В результате был прекращен выпуск частной, независимой от государства прессы, изданий различных политических партий, лишились работы многие редакторы и журналисты, работавшие в дореволюционной печати. Стил и методы ликвидации оппозиционной прессы в первые советские годы зримо подтвердили упрочение тоталитарного воздействия власти в сфере журналистики.

Партийную позицию по поводу меньшевистских СМИ В.И. Ленин сформулировал еще до пролетарской революции. Свобода печати буржуазного общества состояла, по его мнению, «в свободе богатых систематически, неуклонно, ежедневно в миллионах экземпляров обманывать, развращать, одурачивать эксплуатируемые и угнетенные массы народа, бедноту»¹⁶. Поэтому революционному пролетариату не остается ничего другого, как закрыть газеты буржуазии, «прямо заявляя в законе, в распоряжении от имени правительства, что врагами народа являются капиталисты и их защитники»¹⁷.

При этом В.И. Ленин отрицал, что эта мера влечет за собой ограничение свободы печати. «Капиталисты (а за ними, по неразумению или косности, многие эсеры и меньшевики), — писал он в сентябре 1917 г., — называют «свободой печати» такое положение дела, когда цензура отменена, и все партии свободно издают любые газеты. На самом деле это не свобода печати, а свобода обмана угнетенных и эксплуатируемых масс народа богатыми, буржуазией»¹⁸.

Нельзя не признать, что большевистская стратегия ликвидации оппозиционной журналистики унаследовала в своем содержании общую деструктивность сложившейся политической ситуации. По этому сценарию разворачивались события в России на протяжении нескольких предреволюционных лет, когда власть проявила свою неспособность справиться со многими внешними и внутрен-

¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 210.

¹⁷ Там же. Т. 34. С. 20

¹⁸ Там же. Т. 34. С. 209.

ними проблемами. Результатом этого стало формирование, а потом и активное претворение в жизнь разрушительных идей, в том числе и по отношению к СМИ.

Ликвидация оппозиционной журналистики не стала уникальным явлением в процессе утверждения новой власти. Применительно к европейской истории эта ситуация возникала неоднократно. Она проявила себя, например, в ходе Великой Французской революции 1789 г., чьи лидеры Дантон и Робеспьер были активными сторонниками уничтожения враждебной им журналистики. Такое развитие событий определяется, как правило, не только глубиной противоречий, сформированных в том или ином обществе на конкретно исторический момент времени, но и уровнем развития политического плюрализма как отражения политической культуры. При отсутствии традиции плюрализма и одновременно при наличии ярко выраженной конфликтности в России на протяжении ее многовековой эволюции открытая и непримиримая конфликтность, в том числе в сфере журналистики, выглядела неизбежной. Это отражалось на поведении субъектов политического процесса (как отдельных личностей, так и больших социальных групп), формировало их обостренность ситуативного восприятия, ярко выраженную непримиримость к поведению и действиям оппонентов.

Сам процесс ликвидации оппозиционных СМИ воспринимался большевиками как необходимое условие утверждения своей власти в российском обществе. В сложившихся условиях достижение этого результата было непростой задачей. В 1913 г. в стране насчитывалось 575 различных издательств, выходили 1351 журнал и 916 газет, подавляющее большинство которых (свыше 700) – на русском языке. Эта пресса отражала не только различные политические, но и культурные, социальные интересы населения. К моменту большевистской революции 1917 г. практически все партии издавали и распространяли свои издания, политически и экономически независимые от правительства.

Развитие ситуации после октябрьских событий 1917 г. в области журналистики позволяет говорить о стремлении большевиков следовать единым идеологическим установкам, отмеченным нами в начале параграфа. Это подтверждалось формированием правовой

базы в области печати, которая строилась, исходя в первую очередь из принципа «революционной целесообразности». Данный принцип основывался на прямом подчинении свободы печати требованиям проводимой идеологии. Вся законодательная система, распространяемая на сферу журналистского творчества, уточняет М.А.Федотов, защищала интересы партийных и государственных организаций, а общественное право на информацию ограничивала неконкретными «интересами общества и граждан». Юридический статус журналиста, с учетом его обязанностей, предоставляемых свобод и т.д., вообще отсутствовал¹⁹. Документы и распоряжения, принятые новой властью сразу после победы в революции иллюстрируют ее всеохватное воздействие на общественную жизнь, стремление подчинить своим задачам массовое сознание.

Уже через два дня после победы пролетарской революции В.И.Ленин, будучи Председателем Совета народных комиссаров, подписал Декрет о печати. Этот документ стал первым законодательным актом нового правительства (такие документы, как Декрет о мире и Декрет о земле, были приняты раньше, на II Всероссийском съезде Советов), что подтверждает огромную значимость вопроса о печати для новой власти. Закрытию, указывалось в Декрете о печати, «подлежали органы прессы: 1) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению рабочему и крестьянскому правительству; 2) сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов; 3) призывающие к деяниям явно преступного, т.е. уголовно-наказуемого характера»²⁰.

В Декрете о печати указывался временный его характер, возможность отмены положений «при наступлении нормальных условий общественной жизни». По существу о том же самом говорил на встрече с делегацией профсоюза печатников председатель ВЦИК Я.М.Свердлов: «Когда период восстания окончится, революционный строй укрепитя, вопрос будет стоять в другой плоскости»²¹. Однако на практике все выглядело по-другому. «Восстановление

¹⁹ Федотов М.А. СМИ в отсутствии Ариадны // Законодательство РФ о средствах массовой информации. М., 1996. С. 190.

²⁰ Цит. по: В.И.Ленин о печати. М., 1974. С. 461-462.

²¹ Цит. по: Греч Н. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 91.

так называемой «свободы печати», — заявил на заседании ВЦИК 4 ноября 1917 г. (по старому стилю) его секретарь В.А.Аванесов, — т.е. простое возвращение типографий и бумаги капиталистам <...> явилось бы недопустимой манипуляцией перед волей капитала, сдачей одной из важнейших позиций рабочей и крестьянской революции...»²². В своем выступлении В.И.Ленин полностью поддержал В.А.Аванесова, выразив свое отношение к буржуазной прессе: «Какая свобода нужна этим газетам? Не свобода ли покупать массу бумаги и нанимать массу писак? Мы должны уйти от этой свободы печати, зависящей от капитала...»²³.

Большинство членов ВЦИК, избранных Вторым съездом Советов сразу же после победы Октябрьской революции, составили большевики, остальные партии — левые эсеры, меньшевики, анархисты — в совокупности были представлены лишь сорока процентами мандатов. В итоге большинство участников заседания одобрило большевистскую резолюцию. Эсеры тут же выразили нежелание сотрудничать с большевиками. О несогласии с итогами голосования открыто заявила и группа наркомов — В.П.Ногин, В.П.Милютин, И.А.Теодорович, требования которых сводились к созданию коалиционного «социалистического правительства всех партий» и большей лояльности к прессе различных политических организаций. Схожую позицию в разовой газете Союза русских писателей заняли и видные литераторы Д.Мережковский, З.Гиппиус, Н.Гумилев, В.Короленко. Несмотря на их публичные протесты, большевики не изменили свою позицию по отношению к СМИ. С одной стороны, деятельность партии в области печати подтвердила их общую непримиримость к инакомыслию, а с другой — продемонстрировала многовековую традицию, свойственную власти в российском государстве — нести полную ответственность за содержание культуры и духовной жизни, неотъемлемой частью которых во все времена была в России журналистика.

Через считанные дни после упомянутого выше заседания ВЦИК

²² Протоколы заседаний ВЦИК Советов Р., С., Кр. и Каз. депутатов II созыва. М., 1918. С. 23.

²³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 54-55.

появился подготовленный наркомом просвещения А.В.Луначарским и подписанный председателем Совнаркома В.И.Лениным второй документ, касающийся печати — Декрет о введении государственной монополии на объявления. Рекламная деятельность прессы, как и предсказывал до революции Ленин, уже с ноября 1917 г. стала монополией государства. Отныне объявления могли публиковаться только в изданиях Временного рабочего и крестьянского правительства и местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Лицам, нарушившим это требование, грозили различные сроки наказания — вплоть до конфискации всего имущества и трех лет лишения свободы. Аналогичное наказание вменялось редакциям в случае появления на страницах изданий объявлений в виде отчетов, рекламных статей и в других замаскированных формах²⁴. Между тем, многие СМИ, особенно столичные, получали от рекламы значительную прибыль. Например, годовой доход от объявлений московской газеты «Русское слово» приближался к двум миллионам рублей²⁵. Лишив частную журналистику традиционной для нее возможности получения прибыли, большевистская власть за короткий срок прекратила существование десятков газет по всей стране.

В феврале 1918 г. вышел третий по счету Декрет, касающийся прессы — «О революционном трибунале печати».

Сам ревтрибунал появился в декабре 1917 г. по решению наркомата юстиции. Он был учрежден практически одновременно с Комиссариатом по делам печати. Предполагалось, что обе организации будут действовать рука об руку: комиссариат — рассматривать возможность существования того или иного издания, а трибунал — применять к виновным меры ответственности. Единства действий, однако, не получилось. Что касается Комиссариата, то он выступал за жесткие меры: преимущественно за полное закрытие изданий. По этому поводу руководитель этого ведомства Н.Н.Кузьмин высказывался так: «Полное отметание и закрытие всех соглашательских газет, как наиболее ядовитых и вредных в открытый период

²⁴ В.И.Ленин о печати. С. 464-465.

²⁵ Срединский С. Газетно-издательское дело. М., 1924. С. 40.

гражданской войны... Беспощадное и последовательное давление на враждебную Советской власти печать путем штрафов, закрытий, арестов...»²⁶. На этом фоне революционный трибунал выглядел менее суровой инстанцией. Вынесенные наказания он нередко заменял на более мягкими — выговоры и порицания. Кроме того, было очевидно, что ревтрибунал не успевал даже формально рассматривать все «дела» по печати, число которых в условиях сложившейся ситуации постоянно росло.

В Декрете «О революционном трибунале печати» ставилась задача кардинального улучшения его работы в соответствии с общеполитическими задачами, выдвинутыми властью. От трибунала требовалось более активное вынесение вердиктов относительно «преступлений и проступков против народа, совершаемых путем использования печати». К этим преступлениям относились «всякие сообщения ложных и извращенных требований о явлениях общественной жизни, поскольку они являются посягательством на права и интересы трудового народа». Для ведения предварительного расследования и подготовки показательных судов при ревтрибунале учреждалась Следственная комиссия, которой предписывалось рассматривать персональные дела, организовывать показательные суды и т.д. Трибунал получил право применять различные меры наказания, вплоть до лишения виновных всех политических прав²⁷.

Документ не давал ответов на многие вопросы. Например, какие деяния печати следует называть «преступлениями» и «проступками», что следует понимать под «ложными требованиями о явлениях жизни», кто конкретно посягает на права трудового народа и т.д. Эта, на наш взгляд, сознательная недоговоренность, оправданная для большевиков «революционным моментом», привела к тому, что трибунал в подавляющем большинстве случаев выносил карающие постановления, предписывающие закрытие изданий, типографий и увольнение редакторов, журналистов и печатников.

²⁶ Цит. по: Сергеев А.И. Роль партийно-советской печати в идейно-политической борьбе с мелкобуржуазными партиями (ноябрь 1917—1920 гг.). Л., 1983. С. 14.

²⁷ В.И. Ленин о печати. С. 462-464.

Многочисленные обвинения пестрели фразами о «враждебности», «контрреволюционности» тех или иных изданий по отношению к Советской власти. Нередко суровые решения принимались под предлогом того, что небольшевистские СМИ представляли собой политические центры, вокруг которых группировались контрреволюционные силы. Вместе с тем, по причине все той же «политической целесообразности» тщательных расследований каждой конкретной ситуации попросту не велось.

В реализации законодательных мер в области печати нельзя не заметить высокую степень подчиненности государству всех субъектов социально-политических отношений. Как отмечает Ю.А.Ермаков, существенным отличием тоталитарной системы является установка на слитность, всеохватывающее огосударствление и однородность всех без исключения сфер общественной жизни. Нивелируется основа самостоятельности полноправного и ответственного в экономических и политических отношениях индивида, а сам он становится лишь элементом функционирования режима²⁸. Аналогичная ситуация проявила себя в России сразу после 1917 г. Последовательное уничтожение небольшевистской журналистики неукоснительно вело к тому, что отдельно взятая личность оказывалась не в состоянии объективно разобраться в проводимой политике. Это вело к снижению в массовом сознании критического восприятия окружающей жизни, к неукоснительному принятию утверждаемых властью «правил игры». Таким образом, сама власть применительно к своим действиям в сфере журналистики проявила себя как весомая политическая сила, целиком подчинившая себе деятельность рядовых субъектов путем регуляции их воли, сознания и поведения в интересах поставленной цели.

Ликвидируя оппозиционную прессу различных политических взглядов, большевики активно стремились обосновать важность этих решений и через свои партийные издания. Разоблачению «враждебности» других партий и лозунга «свободы печати» были посвящены, например, статьи Е.Ярославского «Непорванные це-

²⁸ Ермаков Ю.А. Манипуляция личностью: смысл, приемы, последствия. Екатеринбург, 1995. С. 104.

пи» («Деревенская правда», 14 ноября 1917 г.), «О свободе печати» («Красная газета», 3 февраля 1918 г.), В.Быстриянского «Революция и печать» («Правда», 2 февраля 1918 г.). Желая усилить степень неприятия оппозиционной прессы, многие центральные партийные газеты вводили на своих страницах специальные рубрики типа «Опровержение лжи буржуазной печати», «Океан лжи» и другие. Эти пропагандистские усилия помогали обеспечению жестких административных мер, направленных на осуществление политики в отношении небольшевистских СМИ.

Такого рода «ответы» мы вправе идентифицировать как «наклеивание ярлыков» — универсальный стилистический прием, получающий распространение в любом тоталитарном обществе, где восприятие действительности строится путем дискредитации идеи, личности, предмета и т.д. посредством эпитетов и метафор, заменяющих собой доказательства²⁹.

Перенос более внимательное рассмотрение приемов унификации общественного мнения посредством журналистики в главу V, следует заметить, что именно «наклеивание ярлыков» формирует в сознании большинства людей устойчивые стереотипы, которые могут быть определены как стандартизированные, упрощенные представления, заложенные в сознании индивида и востребованные в той или иной конкретной ситуации³⁰. Стереотипы возникают по причине многообразия и сложности окружающей жизни. Ее целостное восприятие оказывается неподвластным уровню повседневного мышления большинства людей, которые становятся перед необходимостью унификации своего мировосприятия, придания ему единых «точек отсчета» для выстраивания целостной картины действительности. Журналистика в этом процессе играет исключительную роль ввиду особых возможностей охвата аудитории. В свою очередь, аудитория интуитивно ждет от СМИ не столько объективного показа происходящего, сколько соответствия этого

²⁹ Ермаков Ю.А. Указ. соч. С. 160.

³⁰ Гузев О.Ю., Иванчук Н.В. Роль наклеивания ярлыков как средства политического манипулирования // Власть в социалистическом обществе: теория, история и перспективы. М., 1989. С. 260.

показа тому уровню восприятия мира, который сложился в ее сознании.

Этот универсальный принцип в полной мере реализовался в процессе дискредитации оппозиционной журналистики силами партийных СМИ. Стереотипы, активно внедряемые в содержание большевистской журналистики, оказывали заметное воздействие на общественное сознание и поведение. Более того, пресса не просто структурировала реальность в соответствии с ожиданиями массовой аудитории, она активно манипулировала мыслями и чувствами людей, подогревая их в угоду создавшегося политического момента. Ее действия оказались эффективными по причине низкого культурного уровня большей части российского населения, жесточайшей цензуре, осуществлявшей замалчивание «политически нецелесообразной» информации. Предваряя тему политического манипулирования посредством журналистики, также вынесенную в содержание последующей главы, можно утверждать, что «наклеивание ярлыков» оппозиционной прессе, во-первых, способствовало ее скорейшей ликвидации, а во-вторых, сыграло значительную роль в утверждении классового сознания.

За полтора года после прихода большевиков к власти ленинская стратегия уничтожения оппозиционной прессы была в основном выполнена³¹. Поначалу, правда, эсеровские, анархические и даже меньшевистские издания не подвергались массовому ostracismu, поскольку в первое советское правительство входили представители целого ряда политических партий. Однако уже к концу 1918 г. печать оппозиционных социалистических партий, не говоря уже обо всех остальных, практически прекратила свое существование. Если в начале года в стране выходило 154 издания меньшевиков, эсеров (левых, правых), анархистов и других партий, то к сентябрю их осталось 50, а в 1919 г. всего три³².

³¹ Тогда же произошла и полная экспроприация типографий и полиграфических предприятий из рук частного капитала. Если к концу 1917 г., по неполным данным, более 30 частных типографий было экспроприровано в пользу советской власти, то через год этот показатель увеличился втрое (См.: Окорков А.З. Октябрь и крах русской буржуазной прессы. М., 1970. С. 325).

³² Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики. М., 1996. С. 25.

В число запрещенных изданий попали и многие внепартийные, либеральные издания. Среди них оказались, например, газета «Новая жизнь», редактируемая А.М.Горьким, и известный в России художественно-публицистический журнал «Русское богатство» (долго время возглавляемый писателем В.Г.Короленко), который не отвергал революцию, но последовательно выступал против прикрития насилия термином «принудительные меры». Отсутствие диалога с этими и подобными им по духу СМИ можно объяснить стремлением большевиков во что бы то ни стало удержать власть путем введения в повседневную практику тезиса о диктатуре партии. «Да, диктатура одной партии, — подчеркивал В.И.Ленин. — Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не сможем»³³. Вследствие этого закономерным развитием ситуации было нагнетание обстановки нетерпимости, формирование насилия (как инструмента подавления любого инакомыслия) к любому проявлению несогласия по отношению к новой власти.

Два послереволюционных года были чрезвычайно значимыми для последующей эволюции отечественной журналистики. Действия большевиков в отношении оппозиционной печати строились в русле активно формирующегося идеологического механизма. Предложенный подход, направленный на упрочение партийной пропаганды, с самого начала привел к отторжению тех СМИ, которые пытались высказать иные, чем у большевиков, взгляды по поводу происходящего в стране. Он же предопределил отсутствие какой-либо оппозиционности в отечественной журналистике на протяжении дальнейшего периода развития советской власти. И.В.Кузнецов справедливо отмечает, что в это время продолжался непрерывный процесс развития однопартийной журналистики, превратившейся в единый пропагандистский комплекс КПСС. «Средства массовой информации оказались внедренными в административно-командную структуру общества»³⁴. Все это отчетливо подтверждает: действия новой власти носили ярко выраженный ограничительный характер, что свидетельствовало об упрочении

³³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 134.

³⁴ Кузнецов И.В. От декрета до первого закона о печати // Вестник Московского ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2001. № 3. С. 64.

тоталитарной традиции в системе взаимодействия власти и журналистики.

Вследствие актуализации этой традиции есть основания говорить об особом функционировании партийной журналистики, которая стала утверждаться в ходе ликвидации оппозиционных изданий. Закрытие оппозиционных изданий сочеталось с активным утверждением большевиками системы своей печати. Формирование этой системы стало логическим подтверждением развития сложившегося характера политической власти, ее всестороннего воздействия на общественное мнение.

§ 2. Становление системы партийной печати в рамках существования тоталитарной традиции

Под системой печати, по определению М.М.Ковалевой, понимается «совокупность изданий того или иного периода, выступающая как средство духовно-идеологического обеспечения жизни общества. Она определяется общественными потребностями и политикой государства по отношению к журналистике»³⁵. Функционирование отмеченной системы логическим образом продолжило развитие дореволюционной российской журналистики, впитав в себя проявления автократического характера власти. В отличие от стран Западной Европы, где появление изданий было связано с утверждением частных коммерческих интересов, отечественные СМИ с самого начала возникали по указу «сверху» и являлись средствами проведения в жизнь интересов государства. Кроме того, русская журналистика поначалу испытывала монополию правительства на печатное слово, а затем, с середины XVIII в. и вплоть до февральской революции 1917 г., пребывала в условиях существования политической цензуры, осуществляемой также высшей властью. Это сказалось на особенностях содержания журналистики, методах воздействия на читателя³⁶.

³⁵ Ковалева М.М. Лекции по истории отечественной журналистики. Ч. 1. XVIII в. — 40-е гг. XIX в. Екатеринбург, 1996. С. 112.

³⁶ Подробнее см.: Ковалева М.М. Журналистика в России: «четвертая власть» или учебник жизни / Отечественная журналистика: вопросы теории и истории. Екатеринбург, 2000. С. 6-11.

Формирование партийной иерархии, пронизывающей все «этажи» государственного администрирования, также предопределило потребность власти в налаживании системы организации самой журналистики. Ее функционирование основывалось на традиционной для России идее восприятия СМИ в качестве «государственного» института. В связи с этим справедливо суждение Б.И.Есина о системе печати как историческом понятии³⁷: в советский период она утверждалась на практике в соответствии с долгой общественной традицией подчинения журналистики верховной власти. Это выразилось, в частности, в существовании СМИ как государственных (национализированных) предприятий, в политическом и экономическом отношениях зависимых от государства.

Прежде, чем характеризовать сложившуюся систему, необходимо определить ее структуру, представляющую собой внутреннюю форму системы или способ взаимосвязи образующих ее элементов. Речь идет о поиске универсальной характеристики для унификации большого числа СМИ. Посредством этой характеристики между средствами информации образуются отношения детерминации и совместимости. В научно-исследовательской литературе можно встретить немало попыток выявления ключевых признаков структуризации системы СМИ³⁸. В советский период эта структуризация основывалась на принципе партийности, который (как уже отмечалось в III главе) стал главенствующим для любого периодического издания.

В свою очередь, система партийной печати формировалась в трехуровневом пространстве:

- 1) на вертикальном уровне, исходя из подчиненности СМИ партийным комитетам (начиная от ЦК и заканчивая парткомами, созданными на предприятиях);
- 2) на горизонтальном уровне, с учетом созданной общественно-

³⁷ Есин Б.И. Русская газета и газетное дело в России, М., 1981. С. 7.

³⁸ См., в частности: Варецкий Б.И. Система средств массовой информации и пропаганды // Теория и практика партийной и советской печати. М., 1976. С. 28-53; Петрученко А.Л. Система средств массовой информации и пропаганды. Ташкент, 1988. С. 55-69; Прохоров Е.П. Введение в журналистику. М., 2000. С. 208-215.

политической системы (включающей в себя партийные комитеты, Советы депутатов, комсомол и профсоюзы);

3) на социокультурном уровне, принимая во внимание наличие различных сегментов аудитории, разделенных преимущественно по профессиональной направленности.

Формирование трехуровневого пространства в рамках существования журналистики позволило власти охватить посредством печатного слова всю читательскую аудиторию страны. Уже в 1918 г. в стране выходили 884 газеты и 753 журнала, которые возникли взамен дореволюционной прессы. Год спустя общее число новых газет достигло почти тысячи наименований³⁹. Это дало возможность гарантировать проникновение партийной пропаганды в сознание каждой личности, независимо от степени ее образованности.

Обратимся к специфике каждого уровня журналистики.

Структурирование печати на *вертикальном уровне* обеспечивалось несколькими группами периодических изданий, созданных в соответствии со сформированной в стране партийной иерархией. Главенствующее место на общем фоне занимали центральные издания – органы ЦК партии, выходившие в столице и распространявшиеся по всей стране. Еще до прихода к власти у большевиков был опыт по созданию такой печати: можно вспомнить «Правду», появившуюся в 1912 г. Как орган ЦК РКП(б), эта газета продолжила выходить и после победы большевистской революции. В 1918 г. к ней добавились «Беднота» (ежедневная крестьянская газета), «Коммунар» (ежедневная рабочая газета)⁴⁰, в 1924 г. появилась «Рабочая газета». Тогда же в Москве начал выходить теоретический журнал ЦК РКП(б) «Коммунистическая революция», спустя четыре года – журнал «Большевик» (позднее, уже в 1952 г., переименованный в «Коммунист»).

Кроме того, в первые годы советской власти активно утверждали себя губернские и уездные партийные издания. Всего же в 34 губерниях в октябре 1918 г. их насчитывалось свыше шестидесяти⁴¹.

³⁹ Печать СССР за 40 лет: 1917–1957. Статистические материалы. М., 1957. С. 107, 123.

⁴⁰ «Коммунар» выходил лишь по 1 июля 1919 г.

⁴¹ Ключник Л.И., Николаева В.П. Некоторые статистические сведения о состоя-

Тематическое своеобразие этой печати подробно исследовано в ряде монографий⁴², и поэтому в ходе данной работы мы не будем подробно останавливаться на этом.

По мере изменения территориального деления, с середины 1920-х гг., газеты губернских и уездных комитетов партии начали заменяться краевыми, областными изданиями, а к концу 1920-х гг. периодика пополнилась городскими и районными газетами — органами соответствующих комитетов партии. Завершали вертикальную цепочку многотиражные газеты — уникальное явление в мировой практике СМИ.

«Многотиражки» в массовом числе начали возникать уже в первой половине 1920-х гг. Они появлялись не только на существующих предприятиях, но и практически на каждом крупном строительном объекте. Повышенное внимание ЦК РКП(б) к этим газетам, которые «вовлекают в общественную жизнь и в интересы производства наиболее отсталые слои пролетариата»⁴³, подтверждается многими партийными решениями и резолюциями, принятыми в это время. Фабрично-заводская печать служила организационным ядром для формирования инициативы «снизу» — посредством рабоче-крестьянского движения, которое зарождалось в виде литературных коллегий, создаваемых при местных райкомах партии и состоявших из представителей предприятий — рабочих, мастеров и т.д.

Структурирование печати на *горизонтальном уровне*, применительно к сформированной общественно-политической системе, определялось наличием СМИ, выходящих под эгидой не только партийных комитетов, но и Советов, профсоюзных организаций и

нии партийных организаций в 1918 году // Вопросы истории КПСС. 1961. №1. С. 126-128.

⁴² Белков А.К. Партийная и советская печать в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. М., 1960; Ученова В.В. Партийно-советская печать восстановительного периода. М., 1964; Юрко А.И. Становление партийно-советской прессы (октябрь 1917—1918 гг.). Саратов, 1965; Мишуриис А.Л. Печать, рожденная Октябрем. М., 1968; Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики. М., 1996.

⁴³ Из резолюции «По вопросам пропаганды, печати и агитации» XII съезда РКП(б) / КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. С. 202.

комсомола. У большевиков к пролетарской революции 1917 г. уже был опыт в развитии этой прессы. Ее формирование в послереволюционные годы подтвердило следование уже накопленным традициям. С учетом того, что о прессе партийных комитетов уже шла речь выше, обобщим ситуацию с остальными группами периодических изданий.

Динамичное развитие получила печать Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Уже в конце 1917 г. начал выходить «Голос трудового крестьянства» — ежедневный орган крестьянского отдела ВЦИК Советов (позже еженедельник). С 1918 г. к нему добавилась «Московская правда» (первое название: «Вечерние известия Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов»). Примером местной периодики такого типа могут служить, например, «Известия Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов». Поначалу газеты Советов существовали отдельно от газет партийных комитетов, с 1919 г. началось слияние двух типов изданий. Одним из многочисленных примеров этого может служить иваново-вознесенская газета «Красная звезда», преобразованная в дальнейшем в губернскую партийную газету «Рабочий край».

К категории советских изданий можно причислить и «Газету Временного Рабочего и крестьянского правительства» — орган Совета народных комиссаров, выходившую в 1917–1918 гг. Это издание относится также к правительственной печати (практически в единственном числе): в официальном разделе «Действия правительства» часто публиковались декреты, распоряжения и приказы Совнаркома и местных органов власти. Учитывая, однако, что преемником упомянутой газеты в качестве официального печатного органа стали «Известия», мы включаем ее в группу СМИ Советов.

Профсоюзная печать. Уже в первые годы Советской власти появились центральные специализированные газеты, такие, как «Рабочий-химик» (Союза рабочих химической промышленности), «Строитель» (Союза архитектурно-строительных рабочих), «Горняк» (ЦК всероссийского союза горнорабочих), «Текстильщик, к станку» (ЦК Всероссийского профсоюза текстильщиков). На Урале этот тип прессы также был достаточно распространен. В Екате-

ринбурге в 1919 г. вышел первый номер еженедельного бюллетеня губпросвета «Профсоюзное движение», через год к нему прибавилось издание областной уральской комиссии субботников при Советударме «Уральский субботник».

На общем фоне самым содержательным был «Гудок» — печатный орган профсоюза железнодорожных мастеровых и рабочих Петроградского и Московского узла (1917 г.). Газета отличалась разнообразным содержанием: здесь публиковались сатирические материалы молодых в ту пору фельетонистов И.Ильфа и Е.Петрова, очерки и корреспонденции Ю.Олеши, М.Шагинян, С.Смирнова, В.Катаева и других публицистов и литераторов. С 1921 г. началась биография «Труда» — центральной газеты профсоюзов.

Молодежная пресса. После установления советской власти эта печать получила дальнейшее развитие. Уже в ноябре 1917 г. в Москве начал распространяться журнал «Интернационал молодежи», ставший по существу центральным печатным органом и предопределивший появление подобных по тематике изданий в провинции. После образования РКСМ в октябре 1918 г. его центральным органом стал журнал «Юный коммунист» (выходивший с декабря того же года). Редакции журналов при формировании их содержания учитывали возраст читательской аудитории: наряду с пропагандистскими статьями здесь появлялись детские рассказы, полезные советы и т.д.

Появилась и газетная периодика для молодежи. В 1919 г. вышли первые номера таких известных газет, как «Смена» (Петроград) и «Московский комсомолец». Надо признать, что эти инициативы в какой-то степени предопределили развитие местной молодежной печати и в других регионах страны. Например, в 1920 г. вышел первый номер комсомольско-молодежной газеты «На смену!».

Новая журналистика не обошла вниманием и совсем юных читателей. В 1924 г. в Москве стал выходить детский журнал «Мурзилка», а год спустя читатели получили первые номера «Пионерской правды».

Как видим, в рамках отмеченной группы изданий, рассчитанной на молодежную аудиторию, с самого начала отмечалось деление — с учетом различных запросов и интересов читателей.

Отмеченные выше группы изданий не исчерпывали всего многообразия СМИ, появившихся в первые годы Советской власти. В резолюции «По вопросам пропаганды, печати и агитации», принятой на XII съезде РКП(б) в 1923 г. отмечалась необходимость создания особого типа газеты для каждого основного слоя читателей, «чтобы каждая газета ориентировалась по преимуществу на определенный слой массы читателей»⁴⁴. Между тем, можно с очевидностью утверждать, что в своей основе эта задача была выполнена значительно раньше. *Уже к концу 1918 г. не осталось практически ни одной категории читателей, с учетом их профессиональных интересов, не имевшей своей периодики.* В этом заключалась уникальная особенность пропагандистской работы большевиков в сфере журналистики. Посредством всеохватной системы информационного воздействия и контроля, созданной в первые советские годы, они сумели максимально упрочить свое влияние в обществе, сформировать единые идейно-политические приоритеты применительно к различным социальным слоям населения.

К новым группам изданий, появившимся в первые советские годы, следует отнести крестьянскую, военную, экономическую печать, прессу на национальных языках, женскую периодику. Нельзя не упомянуть журнальную периодику, рассчитанную на различные читательские аудитории. Как тип издания, возникла вечерняя газета.

Рассмотрим содержательное своеобразие печатных изданий, относящихся к каждой из профессионально сориентированных групп.

Крестьянская печать играла важнейшую роль в первые годы Советской власти. Это определялось демографическим составом тогдашнего населения России, 70 процентов которого жило в деревнях. Создавая крестьянскую прессу, большевики стремились воспитать у крестьян классовое сознание, рассматривая беднейшие слои этой части населения в качестве союзника пролетариата. Формируя сознание населения на основе принципов партийности и классовости, эта печать учитывала как специфические особенности хо-

⁴⁴ Цит. по: КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. С. 201.

зяйствования, так и житейские интересы селян. Уже в годы гражданской войны в нашей стране издавалось 27 газет и 10 журналов для сельского населения⁴⁵. В дальнейшем их число возросло.

Первое место по тиражу и влиянию на читателей с самого начала заняла газета «Беднота» — орган ЦК РКП(б), первый номер которой появился 31 марта 1918 г. на базе выходивших тогда газет «Деревенская беднота», «Деревенская правда» и «Солдатская правда». С самого начала перед «Беднотой» стояла задача стать по-настоящему массовым изданием. Как отмечал редактор газеты В.Карпинский, ее содержание исходило из идеи «сплочения бедняцко-середняцких масс вокруг Советской власти <...>, борьбы против кулачества»⁴⁶. С первых дней редакция ориентировалась на неимущие слои деревни. Одновременно с этим она постаралась наладить прочную связь с читателями, организуя дискуссии на страницах своей газеты: о политике партии в деревне, о важности крестьянской инициативы и т.д. Материалы на эти и другие темы, написанные простым, доступным языком, соответствовали культурному уровню аудитории и поэтому вызывали ответную реакцию: в каждом номере газеты публиковались десятки читательских писем. В этом была одна из причин, почему последовательно рос интерес широкой аудитории к этому изданию: за первые полгода его тираж составил 150 тыс. экз., в ноябре 1918 г. — 350 тыс., а в 1919 г. соответствовал уже 500 тыс. экз. в день⁴⁷ (что определяло «Бедноту» как массовую газету).

Журналистские материалы были дифференцированы и адресовались различным слоям крестьянского населения. Об этом свидетельствуют рубрики газеты («Борьба за хлеб», «Рабочая жизнь», «Город — деревне», «Ремонт инвентаря» и др.), тематика отдельных регулярных полос — «Страничка красноармейца», «Женская страничка». Это также стимулировало общий интерес к газете.

⁴⁵ История партийной и советской печати: Выпуск I (1917–1945 гг.). М., 1975. С. 24–25.

⁴⁶ Цит. по: Жирков Г.В. Советская крестьянская печать — один из типов социалистической прессы. Л., 1984. С. 84.

⁴⁷ Срединский С. Газетно-издательское дело: основные вопросы газетного хозяйства. М., 1924. С. 10.

С 1923 г. главным изданием, направленным на просвещение деревни, стала «Крестьянская газета». В отличие от «Бедноты», сориентированной на сельские низы, содержание этого издания в основном адресовалось деревенскому активу. Вместе с тем, выступая на совещании редакторов СМИ в декабре 1923 г., Я.А.Яковлев, редактор «Крестьянской газеты», ставил вопрос об укреплении связей этих изданий с широкими читательскими массами. В циркуляре ЦК РКП(б), направленном местным партиячкам (1924 г.), значилась задача: добиться распространения, как минимум, одной газеты на десять деревенских дворов⁴⁸.

С целью расширения читательской аудитории редакция «Крестьянской газеты» каждый день публиковала «Письма из деревни», выпускала тематические полосы по различной проблематике, издавала еще более специализированные издания, например, еженедельную газету «Батрак», ставшую органом центрального комитета Союза работников земли и леса. Стремление «Бедноты» и «Крестьянской газеты» к разнообразию форм обсуждения вопросов дает ответ на вопрос, каким образом им удавалось собрать вокруг себя массовую аудиторию.

Как и другие типы прессы, крестьянская печать получила развитие и на местах – в губернских и уездных центрах. Выходили центральные и периферийные крестьянские журналы специализированного содержания. К числу первых можно отнести, например, «Бюллетень Сельскосоюза» – издание Всероссийского союза сельскохозяйственных обществ (с 1921 г.), еженедельник Наркомата земледелия РСФСР «Сельскохозяйственная жизнь» (с 1922 г.). Местная периодика отмеченного содержания была представлена такими журналами, как, например, «Земля» (орган Московского областного комиссариата земледелия), «Землепользование» (Новгородская губерния), «Земледельческая коммуна» (Кострома) и многими другими⁴⁹. И хотя эти издания в большинстве своем не продержались долгое время, они сыграли свою роль в консолидации читательских интересов.

⁴⁸ О распространении крестьянских газет: Циркуляр ЦК РКП(б) от 28 марта 1924 г. / КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. С. 214.

⁴⁹ Подробнее об этой и другой специализированной периодике см.: Акопов А.И. Российские специальные журналы 1917-1932 гг.: Формирование типологической системы. Ростов н/Д., 1994.

Военная печать также становится в эти годы заметным явлением в системе партийной журналистики. Рост числа этих газет и журналов можно объяснить необходимостью усиления не только профессиональной подготовки личного состава Красной Армии, но и политической. В 1918—1919 гг. выходило уже около ста массовых армейских газет⁵⁰.

Одним из первых изданий послеоктябрьского периода стала газета «Армия и флот рабочей и крестьянской России», появившаяся в декабре 1917 г. как орган Комиссариата по военным и морским делам (с января по март 1918 г. газета выходила под названием «Рабочая и крестьянская Красная Армия и флот»). Публикуемые здесь статьи партийных работников П.Е.Дыбенко, Н.И.Подвойского, В.А.Антонова-Овсенко обращали внимание на вопросы укрепления идейно-воспитательной работы в армии.

Основное число военных газет в годы гражданской войны выходило на фронтах.

Типичной на общем фоне выглядела газета «Красный набат», издаваемая штабом 3-й армии Восточного фронта. В газете появлялись зарисовки о красноармейцах, стихи, даже сатирические материалы, высмеивающие белогвардейцев (что было не совсем типично для журналистики первых послереволюционных лет), и т.д. Однако наиболее заметными выглядели статьи и выступления В.И.Ленина, Л.Д.Троцкого, А.М.Горького, где отмечалась необходимость сплочения армейских рядов под началом партии. Таким образом, несмотря на специфику издания, эта тема оставалась в нем главной.

В рамках военной периодики сложилось разнообразие и журнальных изданий. Наиболее заметными для читателей того времени стали журналы «Вооруженный народ» и «Красноармеец».

Еженедельник массового типа «Вооруженный народ» начал выходить в декабре 1918 г. и издавался военной секцией Петроградского Совета. Его основными темами стали политическое воспитание в армии, развенчивание идей контрреволюции и т.д. Это со-

⁵⁰ История партийной и советской печати. С.49

держание отражалось в коротких пропагандистских статьях и заметках, письмах самих красноармейцев, стихах, основная тематика которых сводилась к эмоционально окрашенной дилемме: «свобода или смерть». В свою очередь, в «Красноармейце», выходявшем с апреля 1919 г., появлялось больше статей деятелей партии и государства — В.И.Ленина, В.А.Антонова-Овсеенко, А.В.Луначарского и других. Тем не менее, это журнальное издание мы также вправе считать массовым еженедельником, в первую очередь благодаря поэзии В.И.Лебедева-Кумача, Демьяна Бедного, других пролетарских авторов, обширному иллюстративному материалу.

Военная пресса, подобно крестьянской печати, была рассчитана на различные слои читателей: партийный актив армии, командный и рядовой состав и т.д. Это определило к ней интерес со стороны широкой аудитории.

Несмотря на то, что многие создаваемые газеты и журналы поднимали хозяйственные вопросы, более предметно эта тема получила раскрытие в периодике на экономическую тему. Первой начала выходить ежедневная газета «Экономическая жизнь» (1918 г.), ставшая печатным органом Высшего Совета Народного хозяйства (ВСНХ) и хозяйственных наркоматов — финансов, продовольствия, торговли и промышленности. О специфике этого издания свидетельствовали рубрики: «Продовольствие», «Топливо», «Транспорт» и т.д. Официальная информация шла в разделе «В Президиуме ВСНХ». С проблемно-постановочными материалами по этим и другим темам выступали работники наркоматов, экономисты.

Вопросам управления экономикой уделяли внимание появившиеся под эгидой ВСНХ в 1922 г. «Торговая газета», «Торгово-промышленная газета», а также журналы «Техника», «Народное хозяйство» (1918 г.). Насыщенной по содержанию выглядела «Смычка» (1923 г.) — ежедневная газета Главного выставочного комитета Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (с тиражом 80 тысяч экз.).

Создавая печать на национальных языках, большевики стремились максимально упрочить свое влияние среди нерусского населения российских окраин. Центральной газетой стал еженедельник «Жизнь национальностей» (1918—1922 гг.), издаваемый Наркома-

том по делам национальностей. Наркомат санкционировал в общей сложности появление изданий более чем на двадцати языках. Главными темами в них были партийная жизнь в «глубинке», преодоление экономических трудностей, воспитание «нового человека». Учитывая, что во многих отдаленных местах до революции совсем не издавались газеты, их появление заметно помогало партии упрочить там свое идейное влияние.

Отдельную группу составила женская пресса. Еще весной 1917 г. вышел первый номер ежемесячного журнала «Работница». После пролетарской революции он стал связующим центром с местными женскими организациями, помогая наладить, кроме того, выпуск тематических полос в центральной прессе («Правде», «Бедноте» и т.д.). В ряде городов также появились схожие издания: так, в Туле вышло несколько номеров журнала «Доля работницы». С 1920 г. начался выпуск журнала «Крестьянка».

Характеризуя систему прессы, получившую развитие в первые годы советской власти, нельзя не отметить существование вечерней газеты как типа массового издания. В 1920-е гг. появилась «Вечерняя Москва», начали выходить аналогичные издания в Саратове и Воронеже. Однако первой проторила путь к читателю в январе 1918 г. петроградская «Красная газета». «Нашими сотрудниками, — отмечалось в одном из номеров от имени редакции, — должны стать сами массы. Рабочий, солдат, крестьянин, служащий, прачка, извозчик — всякий, кто хочет помочь общему делу освобождения трудящихся, может и должен стать сотрудником своей боевой «Красной газеты»».

Тираж «Красной газеты» рос стремительно и через несколько месяцев после выхода первого номера достиг 250 тысяч экземпляров. Как и в случае с «Беднотой», это объясняется регулярным опубликованием на страницах «Красной газеты» писем, адресованных к различным слоям населения. Тем самым редакция издания стремилась сделать его массовым и читабельным.

Новая власть стремилась к завоеванию доверия и со стороны творческой интеллигенции. Почти сразу же после октября 1917 г. возникли новые литературные журналы, которые ставили цель

объединить вокруг себя писателей, поэтов, критиков, готовых творить во имя революции.

Одними из первых таких изданий стали «Пламя» и «Творчество» — прообразы будущих «толстых» литературных журналов, появившиеся позже, в период проведения нэпа.

Первый номер «Пламени» — «еженедельного, общедоступного научно-литературного и художественно-иллюстративного журнала» — появился в Петрограде в мае 1918 г. За два года его существования вышло 20 номеров. Редактор «Пламени» нарком просвещения А.В.Луначарский стремился сделать еженедельник содержательным, рассчитанным на разнообразные читательские вкусы. Здесь печатались произведения писателей В.Шिशкова, А.Чапыгина, А.Грина, пришедших в литературу еще до пролетарской революции, молодых поэтов В.Кириллова и В.Александрова, стихи которых были наполнены пафосом революционной борьбы. «Лицо» журнала составляли философские и аналитические статьи по вопросам культуры и творчества. Последовательным выглядело и осмысление революционных традиций прежнего времени. Журнал из номера в номер публиковал статьи и очерки о героях Парижской коммуны 1871 г., видя свою миссию том, чтобы воспитывать героические чувства у своих читателей.

Московский журнал «Творчество» (1918 г.), который редактировали А.Серафимович, Н.Мещеряков и В.Фриче, был нацелен на то, чтобы «уловлять всякий росток творчества, но творчества, которое делает жизнь красивее, справедливее, внутренне богаче»⁵¹. Поэтому главный герой «Творчества» — человек, активно-преобразующий привычную действительность, отвергающий индивидуализм, наполненный чувством «прекрасного завтра». Таков он в прозе А.Серафимовича, А.Новикова-Прибоя, В.Шिशкова, в поэзии В.Казина, А.Гастева и других. Во всем этом нельзя не уловить идеализма, лакировки в показе окружающей действительности. Вместе с тем, журнал достаточно чутко уловил настроения той части интеллигенции, молодежи, которая под воздействием социальных перемен с надеждой смотрела в будущее.

⁵¹ Творчество. 1918. № 1. С. 1.

Другую группу изданий составили журналы Пролеткульта - литературно-художественной и просветительской организации, отрицавшей культурное наследие прошлого и выступавшей за создание «новой», пролетарской, литературы. «Поэзия и проза, — писал, например, московский журнал «Пролетарская культура» (1918—1921 гг.), руководимый пролетарскими критиками П.Лебедевым-Полянским и П.Керженцевым, — принадлежат писателям-рабочим, которые все смелее и талантливее выступают на литературном поприще»⁵². Вместе с тем, объединение литераторов исключительно из «низов» в конечном итоге показало ограниченную философию Пролеткульта, воспринимавшего литературу исключительно с классовых позиций.

На позициях Пролеткульта стояли столичные журналы «Грядущее» (1918—1921 гг.) и «Горн» (1918—1920 гг.).

Этот настрой отчетливо подтверждался заголовками стихотворений в журнале «Грядущее»: «Воля коллектива», «Машинный рай», «Шуми вагранка, дуй сильнее» и т.д. О содержательности издания говорит обращение «От редакции», где есть такие слова: «Великий Художник - Пролетариат творит новую культуру. <...> Мы теснее и крепче сплотим свои ряды, мы восторженно взлелеем и соберем все цветы пролетарского творчества»⁵³. Публицистика этого журнала, составлявшая значительную часть объема каждого номера, была тесно связана с обсуждением вопросов развития пролетарского искусства. Со статьями на эту тему выступали теоретики Пролеткульта Ф.Калинин, П.Бессалько и другие.

Журнал «Горн» также публиковал материалы о деятельности Пролеткульта. Идеиная направленность издания (статьи Ф.Калинина и В.Полянского), бесспорно, оказала воздействие на содержание прозы и поэзии, проникнутое пафосом пролетарского труда. Правда, издание не всегда следовало заявленной линии: здесь, в частности, была представлена поэзия футуристов, символистов. Однако это не меняло общей содержательной направленности «Горна».

⁵² Пролетарская культура. 1918. № 4. С. 37.

⁵³ Грядущее. 1918. № 1. С. 3.

Третью группу литературных изданий в первые годы советской власти составили журналы пролетарской сатиры: «Соловей», «Красный дьявол», «Гильотина» и многие другие. Их характер проявлялся в публикуемых сатирических рассказах, баснях, эпиграммах, коротких стихотворениях «на злобу дня», едких обличениях «сытого буржуа». Шутливыми выглядели авторские подписи под многими материалами — «Балагур», «Беспартийный», «Красный поэт» и т.д. Все это создавало особое «лицо» изданий. Просуществовав недолго, эта периодика заложила основы появления сатирических журналов, возникших в середине 1920-х гг., — «Бузотер», «Смехач», «Бегемот», «Крокодил» и т.д.

Развитие новой журнальной периодики уже на начальном этапе существования советского строя привело к формированию двух типов изданий, продолживших эволюцию в последующие годы.

К первому типу следует отнести толстый партийный литературно-художественный журнал, начало которому было положено появлением «Красной нови» (1921 г.), а затем продолжено такими изданиями, как «Молодая гвардия», «Звезда», «Октябрь», «Новый мир» и т.д. В этот же период формировалась и провинциальная периодика соответствующего типа (первым аналогичным изданием стал журнал «Сибирские огни», созданный в 1922 г.). Литературная периодика внесла ощутимую лепту в формирование духовной культуры читателей (преимущественно из числа интеллигенции)⁵⁴.

Продолжая тему журнальной периодики, нельзя не отметить появление массового журнала (более тонкого по объему), содержание которого было рассчитано на более широкую аудиторию по сравнению с литературно-художественным изданием. Здесь публиковались пропагандистские, художественно-публицистические, очерковые, сатирические материалы, стихи, басни и эпиграммы и т.д. Ярким примером такой периодики стал «Огонек» (1923 г.). В числе других аналогичных по типу изданий упомянем такие, как «Красная нива», «Экран», «Делегатка» (орган отдела работниц МК ВКП(б)), «РОСТ» (журнал Российской ассоциации пролетарских писателей). Как видим, типичный массовый журнал был адресован

⁵⁴ Подробнее на этом вопросе мы остановимся в VI главе.

всем читателям и наряду с этим стремился охватить тот или иной специализированный слой читателей.

Таким образом, уже за несколько лет пребывания большевиков у власти в стране сформировалась разветвленная сеть периодических изданий, охватившая все слои населения. Активное влияние партийной прессы на общество стало возможным за счет ее повышенного внимания к социально значимым вопросам дня, к читательским письмам, обратной связи между редакциями и аудиторией. Уже на первом этапе своего существования советские газеты и журналы достигли в совокупности миллионных тиражей. Данная ситуация во многом стала возможной благодаря обязательной подписке на многие партийные издания, которые осуществлялись парткоммами на местах. Этот метод воздействия сыграл свою решающую роль для обеспечения гарантий функционирования созданной системы СМИ.

Вместе с тем, существование самой системы выглядело противоречивым явлением. С одной стороны, впечатляет общее количество и разнообразие СМИ, казалось бы, создававшее для читателей возможность выбора. С другой стороны, сам выбор был достаточно скудным, если принимать во внимание наличие по существу однотипной информации.

Журналистика оказалась слепком идейно-политических требований к СМИ, разработанных В.И. Лениным и закрепленных в первых документах по печати советского периода. Это выражалось в обязательном присутствии в этих СМИ (обычно на второй странице) рубрики «Партийная жизнь», где публиковались выступления секретарей и работников партийных комитетов различного уровня, отчеты с партийных собраний. В подавляющем большинстве изданий регулярно появлялись редакционные комментарии на политические темы (с обсуждением принятых на партийных съездах и пленумах документов), основной задачей которых было воспитание идейно-политической зрелости у различных слоев населения. Активное присутствие идеологии в различных по тематике СМИ объяснялось тем, что они, по сути, продолжали оставаться партийными печатными органами, а работники редакций в подавляющем большинстве были членами партии. Отсюда и их следование реко-

мендациям «сверху» по части содержания журналистских выступлений. Более того, нередко наиболее значимые политические сообщения и фотоиллюстрации в буквальном смысле дублировались на страницах десятков газет.

Система всеобъемлющего политического контроля в отношении СМИ со стороны партийных комитетов хотя и меняла свои очертания в разные периоды советской истории, но в целом оставалась неизменной. Под прикрытием информирования, отмечает Ю.А.Ермаков, читателя можно было заставить думать, чувствовать и действовать так, как того требовали органы власти. Такой подход на практике приобретал серьезные социальные последствия. «Лишенная в тоталитарном обществе независимости пресса вынуждена была давать только «нужную», «официальную», «удобную» информацию, заниматься фальсификацией реальных процессов и умалчивать о том, что противоречило линии властей, их идеологическим установкам»⁵⁵.

Системный подход, сформированный в ходе организации партийной журналистики сразу после пролетарской революции, нашел свое продолжение в последующие годы, исходя из особенностей политической обстановки в стране. В зависимости от наиболее насущных требований дня на первый план выходила та или иная группа изданий, что подтверждало стремление власти активизировать свои усилия применительно к определенной читательской аудитории, не дать ей выйти из-под тотального партийного контроля.

Так, в годы проведения новой экономической политики (нэп), допустив формирование в стране частного капитала, большевики осознавали необходимость активного утверждения пролетарской идеологии. Вследствие этого первая половина 1920-х гг. характеризовалась заметным ростом числа СМИ антирелигиозного содержания. Только в Москве выходило около десятка специализированных изданий такого типа. Среди них назовем массовую иллюстрированную газету «Безбожник», иллюстрированный литературно-художественный журнал «Безбожник», научно-методический еже-

⁵⁵ Ермаков Ю.А. Указ. соч. С. 150-151.

месячный журнал «Антирелигиозник», массовый крестьянский журнал «Деревенский безбожник» и т.д. Практически каждое издание выпускало еще и свои приложения, книги по вопросам борьбы с религией. Создание разветвленной сети антирелигиозной прессы в начале 1920-х гг. подтверждает, что в нужный момент большевики умели определить для себя наиболее важное звено в системе идейно-политической работы и подчинить ему остальные задачи. В этом проявлялось целенаправленное и всестороннее воздействие партийной пропаганды посредством СМИ.

Эта тенденция продолжилась и в дальнейшие десятилетия. В период индустриализации и коллективизации сельского хозяйства (1920—1930-е гг.), партия уделяла повышенное внимание выпуску периодических изданий по пропаганде экономических достижений, направленных на развитие технического творчества и инициативы масс. Среди вновь появившихся изданий отметим центральные ежедневные газеты «За индустриализацию», «За пищевую промышленность», рабочий журнал «Даешь пятилетку в массы», крестьянский журнал «Лицом к деревне», деревенский литературный журнал «На досуге», журнал для молодежи «Знание — сила» и многие другие. Аналогичная направленность журналистики, стимулирующая развитие трудовой инициативы масс, проявилась на низовом уровне печати. Например, в Свердловской области в 1930-х гг. появились газеты с характерными для того времени названиями: «Голос стахановца» (г. Полевской), «Голос ударника» (г. Первоуральск), «Даешь золото» (г. Невьянск) и другие. Эти названия, многие из которых напоминали призывы, соответствовали не только историческим требованиям времени, но и чувствам «простых» людей, чьи усилия на тот момент времени были направлены на подъем промышленности страны. Таким образом, тоталитарный характер самой политической системы совпал с настроением общества в целом, что усиливало воздействие СМИ на массовое сознание.

Аналогичная ситуация была отмечена и в годы Великой Отечественной войны, для которых было характерно мощное развитие военной печати — центральной, фронтовой, дивизионной и т.д. В

каждом роде войск выходило свое издание: «Артиллерийский журнал», «Военно-инженерный журнал», «Связь Красной Армии» и другие.

В свою очередь, в хрущевский период, знаменовавший собой определенное «потепление» общественно-политической жизни, стали активно появляться новые литературные издания. Назовем некоторые из них: «Дон» (1956 г.), «Москва» (1957 г.), «Подъем» (1957 г.), «Урал» (1958 г.), «Наш современник» (1964 г.). Рассчитанные преимущественно на интеллигенцию, они продолжили уже сложившиеся к этому времени традиции журнальной периодики. На наш взгляд, причина создания толстых журналов кроется в вынужденном стремлении власти учитывать изменившиеся после войны политические условия, которым были присущи рост самосознания народа, повышение уровня его культуры. Вместе с тем, сама власть не могла выпустить из-под своего контроля процессы идеологизации и общественного воспитания: такие темы, как партийная жизнь, идеологическая борьба, экономическое соревнование с капитализмом и другие, заданные «сверху», неизменно присутствовали на страницах журналов в прозе, поэтических строках, путевых и портретных очерках и т.д.

Итак, несмотря на то, что многие профессионально сориентированные издания с самого начала освещали самые различные темы, весьма далекие от «чистой» политики, в их содержании нельзя не усмотреть строгую политическую направленность, определяемую с самого начала целенаправленным воздействием со стороны правящей власти. В этом проявилась системность существования журналистского процесса, направленная на утверждение посредством печатного слова определенной идеологии в сознании массовой аудитории.

Подводя итоги сказанному в главе, следует подчеркнуть следующее:

- * Целенаправленное воздействие советской власти на СМИ, как проявление тоталитарной традиции, с самого начала дало себя знать не только применительно к содержанию партийных изданий, но и в рамках журналистской деятельности;

- * Усилия власти, с одной стороны, были направлены на скорей-

шую ликвидацию оппозиционной журналистики (что явилось следствием формирования и утверждения на практике определенного идеологического механизма), а с другой — на создание уникальной и законченной по своим очертаниям системы централизованной партийной печати;

* Особенностью этой системы стало создание большого числа групп партийных изданий, с определенным политическим, социальным и профессиональным составом читательской аудитории, что, в свою очередь, создавало отечественной журналистике особые возможности для манипулятивного воздействия на общество;

* Несмотря на различие в содержании, присущее различным группам периодических изданий, их отличали общие признаки, важнейшими из которых были: организационная и идейно-политическая подчиненность партийным комитетам, присутствие политически заданных редакционных комментариев, наличие авторских материалов и писем на политически злободневные темы и т.д.

Все отмеченное выше подтверждает высокую степень структурной организации СМИ советского времени, специфичность политических задач, предъявляемых к журналистике со стороны власти. Нельзя не отметить особый уровень ее творческого самоконтроля, осуществляемого в рамках профессиональной деятельности. На основе сказанного появляется возможность рассмотреть собственно журналистские технологии в отражении окружающей действительности, нашедшие место на страницах периодических изданий в исследуемый период.

ОТРАЖЕНИЕ ЖУРНАЛИСТИКОЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ: ПРИОРИТЕТЫ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

§ 1. Идейная стереотипизация в содержании журналистики советской эпохи

Журналистика советского периода не только унаследовала политические традиции, получившие развитие в нашем обществе. Она по-своему интерпретировала их, что стало возможным за счет реализации собственных творческих подходов, ставших основой для выстраивания самими СМИ особых закономерностей постижения окружающего мира.

Воссоздание конкретных ситуаций в журналистике всегда происходит, исходя из воздействия на нее тех или иных социально-политических интересов. Именно активизация этих интересов предопределяет наличие определенных *стереотипов*, играющих весьма заметную роль в содержании СМИ. Под стереотипами мы понимаем унифицированные доминанты, способствующие единообразному постижению окружающих реалий в различных сферах жизни. Журналистика неизбежно прибегает к созданию и воспроизводству стереотипов ввиду необходимости обеспечить к себе интерес со стороны широкой аудитории. Они упрощают восприятие окружающей действительности, делают ее более понятной и доступной для повседневного восприятия, что позволяет читателю лучше понять и оценить текстовой материал и, соответственно, повысить к нему свой интерес.

Стереотипы способствуют и созданию эмоциональной комфортности у читателя, поскольку они, скорее всего, будут соответствовать его психологии (иначе читатель отложит газету или журнал). Это не значит, что действительность после этого предстает только в положительном или негативном свете, однако при наличии стереотипов она унифицируется, приобретает ярко выражен-

ные типологические черты, способствующие акклиматизации индивидов в общественной среде. Именно стереотипы создают основу для *манипулятивного воздействия* со стороны журналистики: они, так или иначе, видоизменяют, если не искажают, реальность, способствуя спрямлению многообразных общественных связей, и тем самым оказывают деструктивное влияние на сознание людей.

Под манипуляцией как социально-политическим феноменом, по мнению Ю.А.Ермакова, понимается духовное господство над личностью, которое она не ощущает или воспринимает как проявление собственной воли, интересов, желаний. Манипуляция проявляется и как насилие над этой личностью, ее принуждение к чему-то, выраженное ненасильственным образом, как акт ее мнимой самостоятельности и свободы¹.

К журналистике, независимо от того, в каком обществе она существует, все это имеет самое прямое отношение. Никто не может принудить человека читать то или иное СМИ. Однако при постоянном обращении к одной и той же газете у него невольно будет возникать стереотип восприятия окружающей жизни. Основоположник теории стереотипизации американский социолог У.Липпманн говорил даже о конструировании посредством СМИ особого эмоционально насыщенного мира (во многом виртуального), развивающегося параллельно с тем, что существует в реальной действительности².

Разумеется, не следует сводить деятельность СМИ исключительно к манипулированию. Журналистика также способствует, например, расширению общей информированности личности, формированию ее духовно-нравственных приоритетов. Однако в условиях развития в обществе автократических отношений, в рамках которых взаимодействие власти и общества существует на неравноправной основе, манипулятивность журналистики становится ощутимее. В этих условиях, как уже отмечалось в диссертации, отсутствует уважительное отношение к различным по своей идейной

¹ Ермаков Ю.А. Манипуляция над личностью: смысл, приемы, последствия. Екатеринбург, 1995. С. 18.

² Lippmann W. Public Opinion. L., 1965. P. 214-225.

направленности суждениям, что ограничивает политический плюрализм. В итоге СМИ становятся выразителями только мнения власти, как это было в нашей стране на протяжении советской эпохи. Между тем, в нашей гуманитарной науке долгое время бытовало суждение, что манипулятивные проявления характерны лишь для буржуазных СМИ, а советская журналистика способствовала главным образом формированию культуры масс. Нельзя не признать, что в подобных утверждениях журналистская деятельность воспринималась слишком упрощенно, без учета ее многофункциональности, вне реальных политических и социальных интересов, господствующих в том или ином обществе. Ввиду политической заданности информации, присутствующей в нашем обществе в советское время, слабой осведомленности людей о действительном положении дел в различных сферах жизни, созданный посредством журналистики виртуальный мир проявлял себя весьма отчетливо. Это неизбежно приводило к лакировке и иррациональному восприятию окружающей реальности и в конечном итоге — к изменению самосознания наших людей в полном соответствии с приоритетами существования тоталитарной традиции.

Применительно к СМИ советского времени мы вправе говорить о наличии не просто отдельных, не связанных друг с другом стереотипов, а целостной по своему содержанию системы идеологической стереотипизации, призванной утвердить в обществе единомыслие, с присущими ей особыми приемами воздействия на массовую аудиторию. Существование этой системы было обусловлено не только особенностями политической ситуации, взаимодействия власти и общества, сложившимися в советское время, но и спецификой духовной культуры, традиционно присущей российскому обществу. Благодаря стереотипизации критическое мышление индивидов неизбежно становилось более упрощенным по отношению к окружающей действительности. Этому способствовали низкий культурный уровень большей части российского населения, его традиционный сервилизм по отношению к власти. Вместе с тем, потребность партийно-государственного механизма в осуществлении идеологической стереотипизации во многом стала неизбежной предпосылкой эффективного воздействия власти на обще-

ство, условием успешного преодоления социально-политических противоречий, давших о себе знать в ходе его исторической эволюции.

Предваряя исследование ключевых проявлений стереотипизации, проведенное нами на базе обширного эмпирического материала, в рамках журналистского творчества советского времени, необходимо отметить, что она происходила путем возвеличивания, искажения, замалчивания различных сторон окружающей действительности. Это в совокупности приводило к явному или имплицитному искажению жизненных реалий, к созданию в массовом сознании иллюзорного восприятия жизни - в угоду интересам власти, определившей идеологически заданную проекцию общественного развития.

«Успешное манипулирование должно осуществляться через посредство иллюзии, — писал еще в середине 1960-х гг. американский исследователь журналистики М.Чукас. — Чтобы создать подобную иллюзию, изобретаются новые методы и новые приемы, и в результате рождается новый тип побуждающего воздействия — пропаганда»³.

Пропаганда представляет собой механизм формирования и контроля над политическими, духовными и иными взглядами людей в соответствии с интересами правящей власти, с целью психологического воздействия на индивидуальное или массовое сознание для изменения его социальной ориентации. Применительно к информационной деятельности пропаганда квалифицируется нами как *совокупность стереотипных проявлений*, спроецированных на достижение определенного политического интереса. Вместе с тем, она может осуществляться не только директивным образом, но и посредством более мягких форм — просвещения, внушения, использования не рациональных, а чувственных ощущений, путем социализации личности, т.е. приобщения человека к проявлениям духовной культуры и т.д. Однако во всех случаях, независимо от способа пропагандистского воздействия, происходит продвижение

³ Цит. по: Мельник Г.С. Mass Media: психологические процессы и эффекты. СПб., 1996. С. 16.

определенных идей и ценностей, которые в совокупности идеологизируют массовое сознание, придают ему однотипность восприятия жизни. Правда, в советское время утверждалось, что наша пропаганда способствовала формированию целостного мировосприятия, глубокому познанию различных общественных явлений. Между тем, пропаганда всегда убеждает в пользу одного мнения, одной идеи и в силу этого осуществляет их навязывание (неважно: скрытое или открытое) личности или обществу в целом⁴.

Журналистика чаще всего оказывается активно востребованной в ходе ведения пропаганды и формирования идейной стереотипизации ввиду значимого влияния, которое она традиционно оказывает на массовое сознание. Это было отчетливо заметно, в частности, на примере прессы советского периода, которая по причине своей прямой зависимости от власти сознательно пренебрегла требованием объективного информирования, пропагандируя идейные ценности, сформированные в рамках существующих политических традиций. В нашу задачу входит рассмотрение творческих особенностей и закономерностей, которые развивала журналистика в процессе следования этим традициям. Более подробно мы проанализируем содержание публикаций 1920–1930-х гг., когда закладывались основы пропагандистской деятельности, чтобы на этом фоне очертить дальнейшее развитие манипулятивного процесса, осуществляемого посредством СМИ.

Тоталитарный характер отношений в советском обществе, отмеченный нами в качестве основополагающей политической традиции, был обусловлен неустанным контролем партийной власти над всеми проявлениями жизни. Для нивелирования этого контроля партия стремилась представить себя коллективным органом, прислушивающимся к людям, их советам и рекомендациям относительно решения повседневных вопросов. Тем самым утверждалась манипулятивность партийного воздействия. Применительно к содержанию журналистики она последовательно проявляла себя в целом ряде идейно выраженных стереотипов.

⁴ Мельник Г.С. Указ. соч. С. 21

К первому из них следует отнести активно присутствовавший в прессе стереотип *патерналистского государства*, способного обеспечить благополучие общества. Образ такого государства был традиционно близок менталитету широких слоев российского населения, он закономерным образом утвердился и в советское время. Формируя его, журналистика учитывала психологию «среднего» читателя и одновременно утверждала духовные ценности, близкие интересам власти.

Поскольку по существу все функции государственного управления брала на себя коммунистическая партия, именно она представляла в СМИ в качестве единственной силы, ответственной за все происходящее. Партия и ее аппарат воспринимались печатью в качестве коллективных органов, действующих в интересах широкого большинства, лишенных волюнтаристских или автократических начал. Таким образом, патернализм воспринимался в массовом сознании не в виде лишь вышестоящей власти, сверху вниз взирающей на общество, а как глубокое духовное начало, пронизывающее все его социальные срезы.

Мысль об «отеческой» заботе партии о людях активно звучала и в материалах профессиональных журналистов, и в письмах нештатных авторов. В качестве типичного примера сошлемся на статью публициста «Известий» А. Майрановского «Важнейшая задача». Анализируя обстановку в стране после ноябрьского, 1928 г., пленума ЦК ВКП(б), поставившего задачу увеличить число членов партии за счет рабочих с производства, автор сетует на то, что эта идея не везде воплотилась в жизнь. Вместе с тем, в материале не следуются конкретные факты, их заменяют «масштабные» суждения, как, например, такие: «Рост парторганизаций за счет лучших элементов рабочего класса обеспечен там, где парторганизации правильно руководят этой работой, и там, где они сумели найти путь чуткого подхода к запросам и нуждам масс»⁵ [подчеркнуто мной. - Д.С.].

Тем самым в сознании читателя образ партии, взявшей на себя «громадную ответственность перед всем будущим не только нашей

⁵ Майрановский А. Важнейшая задача / Известия. 1929. 4 апр. С. 4.

страны, но и всемирно пролетарского движения»⁶, наполнялся особым, торжественным содержанием. Партия выглядела монолитной по своему духу, она способствовала улучшению жизни не отдельных людей, а исключительно больших социальных групп.

Таким образом, автократизм политической власти заменялся в сознании читателей идеей *коллективного решения вопросов*, что стало еще одним ярко выраженным стереотипом, утверждаемым в журналистике. Благодаря использованию в печати таких словесных оборотов как «мы», «советская власть» и т.д. сама партия как бы уходила в тень, переноса меру ответственности за все происходящее на некий обобществленный разум, с весьма расплывчатой мерой ответственности, но готовый постоянно решать все новые задачи. В этом, как нельзя лучше, проявилось умение власти оказывать политическое воздействие на общество, что в конечном итоге позволило ей утвердить себя в массовом сознании как «институт демократии», «общественная трибуна» и т.д. Волонтаристские проявления власти тем самым отходили на второй план, на первый выходило ее стремление говорить «от имени большинства». «Мир будет заключен с Польшей и другими окраинными правительствами, — отмечается в передовой статье «Правды», — хотя ли этого последние или нет, потому что мы этого хотим, потому что мы непобедимы на мирном фронте, как на боевом, потому что мы добьемся независимости нации на обоих фронтах»⁷ [подчеркнуто мной. - Д.С.].

С одной стороны, такого рода высказывания призваны были продемонстрировать сплоченность органов власти; их уверенность в том, что отмеченные проблемы будут решены в срок. С другой же стороны, их содержание, направленное на обеспечение консолидации масс, невольно приводило к «растворению» отдельно взятой личности в интересах государства. В результате такого агитационно-пропагандистского настроя, инициированного СМИ, стирались индивидуальные черты человека. Личность превращалась вначале в «революционный элемент», а потом в «трудовой эле-

⁶ Правда. 1921. 28 мая. С. 1.

⁷ Правда. 1920. 4 февр. С. 1.

мент», чьи усилия должны были направляться на реализацию глобальных проектов, интересов всей страны. Под влиянием пропагандистского механизма и системы полного обобществления результатов труда человек часто оказывался не способным провести четкую грань между своими личными интересами и интересами, которые были навязаны ему «сверху». Система всестороннего политического воздействия, осуществляемая через СМИ и отвергающая любое проявление инакомыслия, приучала его к тому, чтобы не высываться, не привлекать к себе повышенного внимания со стороны органов власти и рядовых граждан. Это всецело соответствовало партийной идеологии. «Мы хотим, — писал, в частности, А.В.Луначарский, — воспитать человека, который был бы коллективистом нашего времени, который жил бы общественной жизнью гораздо больше, чем личными интересами»⁸. Соответственно и свои взгляды по общественно значимым вопросам индивид предпочитал выражать не в одиночку, а соизмеряя их с мнениями окружающих.

Тем самым журналистика утверждала в массовом сознании еще один стереотип — *приоритет коллективного мнения над индивидуальным*. В советское время он приобрел поистине гипертрофированные масштабы, проявляя себя в ходе воссоздания журналистикой производственных, бытовых и иных ситуаций.

Отмеченный стереотип находил место в практике советской печати, уже начиная с 1920-х гг. Обобществленное мнение выразилось в форме появления на страницах газет и журналов коллективных писем. Как правило, в центр обсуждения в этих случаях ставился не случайный, а общественно значимый вопрос, представлявший важность в ходе проведения партийной и государственной политики. Он мог касаться как международных интересов страны, так и более локальной ситуации, скажем, экономической, хозяйственной и т.д. В соответствии с политической оценкой содержание коллективных писем носило либо позитивный, либо критический характер (причем практически всегда звучащие интонации были

⁸ Цит. по: Лизанчук В.В. Грани коллективизма: воздействие печати, телевидения, радио на формирование социально активной личности. Львов, 1989. С. 5.

однозначными и не имели оценочных полутонов), но обязательно предполагало конкретный вывод, однозначный по сути. Следует отметить, что такие материалы появлялись в советской прессе в двух формах. В 1920—1930-е гг. они носили, как правило, безымянный характер и сопровождались чаще всего только указанием на конкретное предприятие, строительный трест и т.д., где предположительно работали авторы того или иного письма. С послевоенных лет под коллективными письмами стали появляться подписи конкретных людей. Однако главная задача таких писем — подвергнуть рассмотрению то или иное явление, исходя из исторически утвердившегося для России тезиса «коллектив всегда прав», — осталась практически без изменений.

Вот характерный пример коллективного письма на международную тему, вызванного появлением небезызвестной «ноты Керзона»* в 1923 г. (авторский стиль сохранен): «Мы, рабочие 2-ой фабрики «Гоззнака», собравшись в количестве 1200 чел., протестуем против попытки английского капитализма, направленного к удушению власти рабочих, а посему заявляем Правительству Рабочих Советов: 1) Ни одной уступки хищникам капитала, 2) Тесней ряды для отпора натиска империализма, 3) Пропагандист, будь на страже. Англия опять хочет твоей крови. Да здравствует Власть рабочих Советов во всем мире!»⁹.

Сегодня трудно с уверенностью сказать, сколько публикуемых писем было инспирировано «сверху», написано по инициативе партийных комитетов. Можно предположить, что отдельные обращения в газету готовились также по инициативе самих читателей. Однако важно подчеркнуть, что они являлись откликами на уже поставленные в печати темы и проблемы. В этом, с одной стороны, проявила себя организаторская работа партии и журналистики по формированию единого общественного мнения, а с другой, ощуща-

* Дж. Керзон, будучи министром иностранных дел Великобритании, в мае 1923 г. выдвинул ультиматум (получивший в обиходе название «Нота Керзона»), направленный против расширения внешнеполитического влияния СССР. Ультиматум был отвергнут нашим правительством, а по поводу этого в советской прессе началась мощная пропагандистская кампания против «английского империализма».

⁹ Известия. 1923. 12 мая. С. 1.

лась готовность советских людей высказать именно то, что диктовалось идейно-политическими задачами дня.

В качестве соответствующего примера сошлемся на «Письмо товарищу Сталину», написанное в 1934 г. колхозниками Каменно-Бродской МТС, Чапаевского района, что на Средней Волге. Этому обращению предшествовал ряд выступлений И.В.Сталина на Пленумах ЦК партии и в центральной печати, где проводилась мысль о необходимости расширения посевных площадей и увеличения сбора зерна. В ответ на это колхозники отмечают: «... Мы заверяем тебя, тов. Сталин, и в твоём лице партию и советское правительство в том, что гениальную твою мысль об орошении Заволжья и получении с 4-5 миллионов гектаров засушливых полей высокого урожая целиком поддерживаем и вместе с десятком миллионов колхозников Заволжья с честью выполним твое указание»¹⁰.

Коллективные письма, несмотря на политически заданный характер, иллюстрировали по-своему творческий подход СМИ в проведении идеи консолидации между партией и народом. Это выражалось и в том, что авторами писем становились представители различных национальностей, классов, общественных групп, и в том, что отмеченные материалы в содержательном отношении выглядели весьма разнообразными. Тем самым редакции стремились привлечь интерес рядового читателя к печатному слову, вызвать в его душе схожий отклик.

Активность СМИ в утверждении коллективистских настроений в обществе проявила себя не только в письмах, но и во всем многообразии газетных и журнальных материалов. Ведущей темой печати на протяжении всего периода советской власти в полном соответствии с укоренившейся политической традицией была тема политически заданного коллективизма: на производстве, в трудовых коллективах. Обобщая содержание многочисленных публикаций, отметим еще один стереотип, утвердившийся в содержании прессы советского времени: *неизмеримо возросшая эффективность коллективного труда и быта на фоне индивидуального.*

Этот стереотип находил место в материалах, рассказывающих о

¹⁰ Правда. 1934. 5 июля. С. 1.

внедрении соцсоревнования, различных починов, развитии системы наставничества и т.д. Не меньшее внимание пресса уделяла освещению коллективистских отношений в быту, формированию межличностных отношений в общежитиях, роли местных партийных, профсоюзных и комсомольских организаций. Совокупность множества самых различных по проблематике и жанровому своеобразию материалов невольно подводила читателей к осознанию того, что выполнение общественных задач является основным приоритетом для каждого индивида, что личная жизнь человека вторична на фоне жизни и интересов государства в целом.

Пресса старательно отыскивала в городе и на селе примеры коллективного труда, благодаря которому достигаются хорошие производственные результаты. Для нее само понятие «коллективный труд» стало синонимом передового, коммунистического. После посещения одного из первых таких хозяйств – Васильевского совхоза – известный журналист Лев Сосновский писал, что оно «как гигант, выситя над уровнем крестьянского собственнического хозяйства, превосходит его и вопиет каждым своим уголком о преимуществах хозяйства коммунистического над единоличным»¹¹.

Отмеченные особенности проявили себя в журналистике еще больше, начиная со второй половины 1920-х гг., после того, как в стране был провозглашен курс на индустриализацию промышленности и коллективизацию сельского хозяйства. Этими решениями, принятыми на XIV и XV съездах партии, была окончательно прервана новая экономическая политика (нэп), провозглашенная в 1921 г. и создавшая предпосылки для стабильного развития страны¹². Начала осуществляться теория «неэквивалентного обмена» профессора Е.А.Преображенского, предполагавшая перекачку средств из сельского хозяйства в индустриальную экономику с це-

¹¹ Правда. 1921. 9 июля. С. 1.

¹² То, что нэп дал позитивные результаты, подтверждается в партийных документах. Так, на XIII съезде РКП(б), состоявшемся в мае 1924 г., отмечалось, что «явно наметился общий хозяйственный подъем: несомненно, поднимается сельское хозяйство; растет государственная промышленность и увеличивается ее концентрация; постепенно поднимается заработная плата и достигаются известные успехи в поднятии производительности труда». / КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 206.

лью «первоначального социалистического накопления». На селе шло создание коллективных хозяйств и артелей. Все это достаточно быстро привело к изменению в стране приоритетов экономического развития. Последующие годы сопровождались активным созданием крупномасштабной промышленной базы.

Успешному осуществлению на практике планов по индустриализации и коллективизации мешало серьезное техническое отставание нашей страны. Поэтому пропагандистские усилия партии с самого начала были направлены на то, чтобы привлечь к делу реорганизации экономики массовые людские ресурсы, которые могли бы восполнить нехватку техники. Идея политически заданного коллективизма, таким образом, получила новое развитие. Этим можно объяснить появление в прессе множества материалов, которые ратовали за новые, массовые, формы организации и рационализации труда, с воодушевлением описывали усилия сельскохозяйственных и промышленных бригад, цехов, целых предприятий по преодолению трудностей в ходе выполнения и перевыполнения производственных заданий.

Коллективизация сельского хозяйства имела для партии приоритетное значение. ЦК ВКП(б) выдвинул стратегическую задачу повсеместного колхозного строительства. Журналистика сразу же включилась в процесс ее реализации. Особую роль при этом играли передовые статьи, в которых вопросы коллективной работы занимали важное место и формулировались в острой категоричной форме, требовавшей однозначного ответа.

«Где причина [хлебных] затруднений? — задавалась вопросом одна из передовиц «Известий», продолжая разговор о преобразовании деревни. — Она коренится прежде всего в раздробленности крестьянского хозяйства, в его отсталой технике и организации. <...> Выступать против коллективизации, это значит смыкаться с капиталистической стихией деревни, это значит выполнять кулацкий социальный заказ»¹³. При этом пресса отмечала, что коллективные формы организации труда на селе лишь тогда принесут пользу, если к этим преобразованиям будут подключены все без исключения слои крестьянского населения.

¹³ Известия. 1929. 23 апр. С. 1.

Советская печать с воодушевлением описывала первые ростки коллективного труда в деревне, когда люди перестают быть единоличниками, начинают претворять в жизнь социалистические планы. Это не просто «люди сильной воли»¹⁴, а работники, объединенные политической идеей — сделать свой труд коллективным, а значит, эффективным и производительным. Только тогда, неоднократно указывала пресса, возможно подлинное движение к социализму.

После опубликования в «Правде» 2 марта 1930 г. сталинской статьи «Головокружение от успехов», критиковавшей «авантюристические попытки» ускорить коллективизацию на селе, поголовное вовлечение крестьян в колхозы несколько замедлилось. Центральные и местные газеты и журналы, как один, отмечали важность искоренения «перегибов» в массовом обобществлении труда в деревне, необходимость более внимательного подхода к делу колхозного строительства. Однако тема исключительной важности коллективных отношений при выполнении государственных заданий не отошла на второй план.

Формирование коллективизма на селе стало главенствующей темой для многих известных журналистов 1930-х гг. Хотя каждый из них брал для осмысления свой «кусочек жизни», тем не менее, в представленных очерках и статьях чувствуется единый политический и мировоззренческий настрой. Обобщая творческое наследие «правдивых» Ивана Рябова, Абрама Аграновского, Алексея Колосова, внесших заметный вклад в раскрытие аграрной темы, можно утверждать, что их усилия были направлены на утверждение в общественном сознании идеи победы над социальной разобщенностью, веками господствовавшей в деревне.

Этому посвящены, например, очерки А.Аграновского «Диалектика штурма» и «Главное», рассказывающие о преобразовании жизни в районах Средней Азии¹⁵. Для А.Аграновского победа новых отношений в кишлаках возможна только при условии активных со-

¹⁴ «Люди сильной воли»: очерк, опубликованный на страницах ташкентского еженедельника «Семь дней» 7 ноября 1928 г.

¹⁵ Аграновский А.Д. Люди побед: очерки. М., 1932.

вместных действий со стороны масс. В его материалах вновь почти нет конкретных людей, но зримо ощущается коллективная воля, направленная на решение важной задачи — преодоления экономической отсталости одного из районов Таджикистана.

В свою очередь, для И.Рябова, как и для А.Аграновского, утверждение коллективистских отношений возможно только при условии преодоления крестьянством пережитков прошлого, противопоставления сплоченности масс индивидуалистской кулацкой психологии, еще бытующей в деревне, использования техники, которую поставляет колхозы советская индустрия. В очерке «Стальная конница» (1931 г.) И.Рябов высказывает уверенность, что победа этих отношений — лишь вопрос времени, и она обязательно наступит. «...Кулак выдвигает новые силы. Он говорит, что трактор несет в деревню безработицу, вытесняет, убивает человека... «Лебединая песня» кулачества исполнена звериной ненависти к трактору. Пускай!»¹⁶

Приверженность колхозной идее демонстрирует и «правдист» Алексей Колосов, который также видит преимущество коллективной жизни, пристально исследуя быт людей. Показателен в этом отношении его очерк «На свадьбе» (1938 г.). Собравшиеся на торжестве люди неспешно ведут разговор о колхозных делах. «...Поговорили про снег, про измалковское взгорье <...>, про Анфису Ложкину («Родила тройню»; по старому — плакать бы, а теперь такая ей уважительность, что лежи и ни о чем не беспокойся. Березовых дров два воза привезли. Корова-то стельная, так с фермы сливки посылают, масло, петухов — кормись, мать, усиленно. А как же! Не в чужих людях родила, а в колхозе.)»¹⁷

Отдавая должное И.Рябову и А.Колосову за их профессиональное умение обострить актуальность темы, привлечь к ней общественное внимание, нельзя не отметить, что мысли и эмоции их героев выглядят весьма упрощенными, построенными по одномерному принципу: колхозная жизнь — хорошо, единоличная — плохо. В этом усматривается отчетливо выраженная политическая направ-

¹⁶ Цит. по: Рябов И.А. Голоса жизни. М.: Правда, 1960. С. 26.

¹⁷ Колосов А. На свадьбе // Правда. 1938. 9 февр. С. 4.

ленность прессы в целом, манипулятивность ее воздействия.

Власть воспринимала коллективизацию в деревне не только как принцип общественной жизни, но и как эффективный способ идеологического воздействия. Во многом этот принцип был реализован через печать. Выступая в качестве жизнедеятельной среды человека, коллектив воспринимался журналистикой своего рода узлом общественных воздействий на индивида в процессе формирования политически значимой морали¹⁸. Поддерживая коллективные формы хозяйствования, СМИ невольно нивелировали людей, стремились придать им однотипные черты.

Основные тенденции в освещении коллективистских отношений в деревне находили свое развитие и применительно к жизни промышленных предприятий. Значимое место в прессе получила идея социалистического соревнования, которая начала утверждаться повсеместно после опубликования в «Правде» от 30 января 1929 г. ленинской работы «Как организовать соревнование?». К середине апреля того же года о своем участии во всесоюзном соцсоревновании объявили уже 26 металло- и 7 кожевенных заводов, 21 текстильная фабрика и ряд других предприятий страны. Коллективные формы организации труда посредством печати стали восприниматься как важнейшее условие сплочения людей.

Рассказывая о героях первых пятилеток, журналистика отмечала, что их успехи стали возможными, прежде всего, по причине общего трудового подъема на том или ином предприятии. Этому посвящались и многочисленные очерки Михаила Кольцова, Мариэтты Шагинян, Бориса Горбатова, уже отмеченного нами Абрама Аграновского, появлявшиеся на страницах центральной печати. На общем фоне социалистических преобразований индивидуальные качества и интересы героев этих материалов отходили на второй план, а сами герои выступали лишь в качестве «единиц» производственного процесса. В соответствии с этим интерес авторов сосредотачивался не на внутреннем мире описываемых людей, а на «объективных» условиях получения высоких результатов труда. Этими условиями становились сплоченность партийной организации,

¹⁸ См.: Лизанчук В.В. Указ. соч. С. 44.

коллективная приверженность людей выполняемому делу, что невольно вело к механистическому восприятию действительности.

Закономерным развитием массового порыва стало установление трудовых рекордов. Журналистика воспринимала их, как подтверждение общественного одобрения проводимого экономического курса. Инициативы стахановцев, зародившиеся в 1930-е гг., оценивались прессой как яркие проявления всеобщего трудового энтузиазма¹⁹, а сами передовики — как наследники боевых традиций их отцов, вершители победы нового над старым и буржуазным. Тем самым идея политически заданного коллективизма охватывала не только производственные отношения, но и идейно-политические, поднимая их на особую общественно значимую высоту.

При этом СМИ использовали в своем содержании еще один стереотип, который в ряде работ, исследующих особенности манипулятивного воздействия, получил название «*Общая платформа*» (или «*Фургон с оркестром*»). Особенностью этого стереотипа, по утверждению Ю.А.Ермакова, является навязывание общей эмоциональной доминанты, унификация психологических состояний и культивирование единодушия аудитории²⁰. Конкретный факт приобретает с помощью ассоциативных сравнений социальную обобщенность и конструирует сознание больших социальных групп. Этот стереотип проявил себя в журналистике уже после того, как утвердились идейно-политические и экономические основы социализма. Пресса тем самым как бы подчеркивала «победную поступь» людей, их уверенность в завтрашнем дне, что невольно стимулировало ее желание говорить «от имени всех».

«Нам ли, штурмующим небо, — отмечалось в «Известиях» в «Открытом письме рабочих, работниц, специалистов и служащих Дне-

¹⁹ Подтверждением этого является, в частности, содержание письма, адресованного Сталину делегатами первого Вседонецкого слета стахановцев-мастеров угля и опубликованного в «Правде». Среди задач текущего года, отмечается в письме, необходимость обучить техникуму 37 тысяч шахтеров, работающих на механизмах, охватить техобучением 65 тысяч рабочих, организовать курсы мастеров социалистического труда для трех тысяч лучших стахановцев // Правда. 1936. 12 янв. С. 1.

²⁰ Ермаков Ю.А. Указ. соч. С. 161-162.

простроя» по случаю ввода этого объекта в строй, — нам ли, ударной бригаде мирового пролетариата, поддаваться трудностям? Нам ли, которые брали Перекоп, прогнали Юденича из предместий Ленинграда, международные империалистические армии из пределов страны, которые создали новую ленинградскую промышленность, которая вооружает Днепрострой, Магнитогорск, Кузнецк, которые переделывают лицо страны, — нам ли опускать руки перед трудностями? Нет, тысячу раз нет!»²¹.

Пафос прессы становился еще более очевидным, когда она сообщала о событиях всесоюзного масштаба. Тридцатые годы были отмечены проведением I съезда Союза писателей СССР, многочисленными перелетами наших летчиков через Северный полюс, полярными экспедициями под руководством О.Шмидта и И.Папанина, другими достижениями в области культуры, науки, производства. Для прессы такие события становились поводом подчеркнуть, что они стали возможными благодаря совместной работе и коллективной сплоченности всего советского народа.

Идейная стереотипизация многих значимых фактов и явлений, нашедшая себя в журналистике в первые десятилетия советской власти, позволила унифицировать в сознании широкой аудитории различные проявления окружающей жизни. Подобно тому, как сама жизнь под воздействием жестко очерченных политических ориентиров приняла строго регламентированный характер, так и стереотипы превратили журналистику советского времени в ярко выраженную ценностно-ориентирующую деятельность. Надо признать, что на содержание СМИ в любом обществе влияют исторически сформированные в нем определенные ценностные установки. Однако в политических условиях нашего общества, в рамках которых утверждалась однотипность восприятия действительности, журналистика осуществляла скрытое программирование массового сознания. Пресса представляла интерпретатором больших и малых событий, фиксируя в своем содержании мотивации больших социальных групп, определенные политическими традициями общества.

²¹ Известия. 1932. 8 окт. С. 1.

Активизация отмеченных нами выше журналистских стереотипов проявляла себя в последующие десятилетия в зависимости от сложившихся ситуаций. Например, идея государственного патернализма получила заметное развитие в годы Великой Отечественной войны, когда пресса поднимала темы массового героизма советских людей, патриотизма, чувства долга на фронте и в тылу, а также в период послевоенного восстановления народного хозяйства. СМИ акцентировали внимание на «исключительной», «великой» роли коммунистической партии, организующей народ на «исторические свершения»²². Во многом по причине прочного воздействия отмеченного стереотипа на массовое сознание призывы, провозглашаемые партией и тогда, и позже через СМИ, не воспринимались как волюнтаристские, навязанные «сверху». Более того, они встречали массовую поддержку в обществе. И хотя в озвученных в печати высказываниях людей, приуроченных к очередному трудовому начинанию, не всегда содержались слова благодарности в адрес «родного государства», практически каждый автор проявлял уверенность в том, что очередной почин направлен на «укрепление страны», обеспечение ее безопасности и т.д.

Пресса, таким образом, проводила мысль о готовности общества помочь государству и партии в осуществлении ее планов. В большинстве случаев такого рода высказывания были прямой формой заавторства, поскольку мнения со стороны готовились, как правило, «срочно в номер», и иногда откликнувшийся узнавал о своем одобрении того или иного события уже из газеты. Однако, как это не покажется странным сегодня, ни одного опровержения по этому поводу не было. Приверженность общества государственному патернализму, создаваемая при участии журналистики, заставляла людей воспринимать свои, в общем-то, казенные высказывания как политически значимые.

В свою очередь, освещая ход освоения целины в 1950-х гг., строительство новых сибирских городов и возведение Байкало-Амур-

²² Используемые в данном случае кавычки не есть проявление двойного смысла, они лишь иллюстрируют часто встречающиеся высказывания из прессы того времени.

ской магистрали соответственно в 1960-х и 1970-х гг., СМИ постоянно прибегали к использованию такого стереотипа, как значимость коллективного труда. Эмоциональный настрой материалов, публикуемых в центральной печати, по существу, немногим отличался от публикаций более ранних десятилетий. Сменились конкретные ситуации, герои, а вот подчеркнутый пафос очерков и репортажей, не скрывавших своего восторга перед «всемирными свершениями», остался во многом прежним. В эти годы на страницах газет в большом количестве продолжали появляться и коллективные письма, свидетельствующие о стремлении прессы продолжать обсуждение социально значимых тем, как говорится, «всем миром». Это подтверждало существование в ее содержании привычного стереотипа «коллективного решения вопросов» как проявления долгой политической традиции.

Наличие идеологически окрашенных стереотипов сформировало особое содержание СМИ, сделав его эмоционально близким массовой аудитории. Однако восприятие «лица» прессы советского периода будет выглядеть неполным без исследования особенностей ее показа отдельной личности. Нам предстоит ответить на вопрос, в какой мере в раскрытии данной темы журналистика унаследовала политические традиции общества.

§ 2. Личность на страницах прессы как проявление ее мифологизации

Рассматривая образ героя, созданного журналистикой советского времени, нельзя не заметить его «встроенности» в общую систему манипулятивного воздействия со стороны СМИ.

Традиционное, утвердившееся историческим путем, стремление нашего человека опереться на мнение других людей в решении социально значимых проблем в советское время привело, как уже отмечалось, к формированию политически заданного коллективизма. Он обусловил появление индивида, наделенного определенным набором личностных качеств, который нашел отражение в журналистике. Этот индивид практически никогда не выглядел исключительным по своей натуре, образу мышления по сравнению

со своими современниками. Даже личности, продемонстрировавшие свою исключительность («пламенные революционеры», ученые, писатели, передовики труда и т.д.), которые становились героями развернутых портретных очерков, должны были своим поведением демонстрировать близость к народу, желание жить его интересами и заботами. Это тем более относилось к «простым» героям журналистских материалов, которые воспринимались неотрывно от коллективного труда. На первый план в данном случае выходил обычный человек, не очень творческий, но наделенный трудолюбием, чьи образ мышления и поступки были понятны окружающим — «один из многих».

Вместе с тем, представленную в журналистике личность отличало не только стремление к коллективному труду, к достижению высоких общественных результатов. Важно отметить, что она была всецело подчинена выполнению политических задач, поставленных партийно-государственной властью. Индивид был всецело готов к самопожертвованию ради очередной, но «великой» идеи, во имя окончательной победы коммунизма. Именно поэтому так называемым «положительным героем» в журналистике становился не только тот, кто готов был трудиться не переставая, а тот, кто в этих условиях брал на себя политическую ответственность за происходящее (коммунист, руководитель комсомольской организации). Эта ответственность выражалась в том, что герой репортажа или очерка стремился вести пропагандистскую работу среди своих товарищей по труду, по месту жительства, убеждая их в важности политических и экономических преобразований в стране.

Характер и образ жизни «среднестатистической» личности, представленной в партийной прессе, носят достаточно обобщенный характер. Нельзя не признать, что с эволюцией советского общества они, так или иначе, претерпевали изменения. Скажем, в последние десятилетия советского строя, при возросшем уровне информированности и культуры людей, большей, чем ранее, нормализации общественной жизни, журналистика не столь активно требовала «жертвенного» героя. На страницы прессы пришли другие личности — более думающие, образованные, представляющие различные социальные слои (достаточно вспомнить очерки и ре-

портажи Т.Тэсс, А.Аграновского, В.Пескова, И.Руденко и многих других журналистов). Однако некоторая модификация образов, получившая развитие в СМИ в 1960—1980-е гг., не была предопределена изменениями политической структуры общества, его идеологии. Поэтому основополагающие принципы осмысления этих образов во многом остались неизменными. Предваряя особенности их раскрытия в материалах прессы, мы можем утверждать, что за исследуемый нами период журналистика сформировала тип личности, наделенный определенным набором качеств, способствующих его типизации.

Как и в предыдущем параграфе, мы сосредоточиваем преимущественное внимание на содержании журналистики периода строительства социализма, когда сформировались основные стереотипы восприятия личности.

Вместе с тем, при восприятии журналистикой характера и поведения героев следует, на наш взгляд, говорить не только о приемах и методах стереотипизации, но о культивировании ею *мифологизации* (или социального мифотворчества) как еще одного проявления манипулятивного воздействия посредством журналистики. Мифотворчество связано с окружающей действительностью, однако формируется на основе интерпретации поведения людей в конкретной исторической обстановке. «Миф замыкается на личность, он сцепляет воедино личность и историю своей чудесной — чудопривносящей — связью, наделяя эту связь словесно-символическим опосредованием»²³. Словом, при внесении дополнительной эмоциональности в эту структуру происходит «обогащение» описания новыми проявлениями, коренным образом меняющими, а чаще всего искажающими его суть. В результате посредством использования мифотворчества герои получают ложные характеристики, улучшающие или, наоборот, ухудшающие их целостное восприятие. Внедряясь в общественное сознание, мифы действуют деструктивно, поскольку не только не способствуют выработке у людей диалектического мышления, но, наоборот, формируют одномерность при восприятии любых идейно-политических установок. Правда, миф

²³ Гайда А.В., Китаев В.В. Власть и человек. Свердловск, 1991. С. 13.

можно воспринимать и как «спасительный якорь» для психологии индивида, ввиду того, что он успокаивает его сознание и способен вызвать позитивные эмоции. Однако в любом случае мифологизация, искажая реальность, не способствует росту самосознания субъектов деятельности.

Журналистика исследуемого периода мифологизировала своего героя с помощью использования эмоционально окрашенной лексики, которая дезавуировала реальные образы, делала их ирреальными, лишенными правдивого смысла.

Это хорошо заметно на многочисленных примерах описаний «простых» людей — строителей социализма. Надо сказать, что зарисовка, как жанр, утвердилась в прессе задолго до советского времени. В этом проявилось традиционное для отечественных СМИ стремление осмыслить природу личности, что, в свою очередь, было тесно связано с духовным стремлением общества понять природу человека и посредством этого прийти до «истинной правды», способной разрешить социальные проблемы. В силу этого материалы, рисующие портрет современника и непременно дополненные авторской моралью, стали «визитной карточкой» отечественной печати. В советский период их основной задачей стало «поднятие на щит» человека труда, обеспечившего победу социалистической революции, связанного кровными узами с ее главной движущей силой — пролетариатом.

Мифологизация образа «простого» человека, представленная в журналистике, проявилась в унификации черт его характера, общности сознания и поведения, подчас доводящих сам образ до абсурда ввиду его гипертрофированной идеализации. «Типичный» герой думает исключительно об общественном благе, пренебрегает обсуждением и решением собственных проблем, которые для него вообще не существуют. Он не видит ценности и в семейных отношениях. Более того, эти отношения для него нередко становятся обузой, мешающей формированию собственного пролетарского мировоззрения. Все это свидетельствует о жесткой идеологической доминанте, подчиняющей себе обыденные, житейские ощущения героев, об активном манипулятивном воздействии журналистики на читателей.

Например, рабочий Т.Кожин, будучи одновременно председателем завкома одной из московских фабрик, постоянно печется о людях. Это главная черта его характера. «Он и теперь, — пишет «Правда», — все время хлопочет по улучшению жизни рабочих». Из зарисовки, между тем, выясняется, что в семье у Кожина шесть человек, сам седьмой, «живут в долгах, со дня на день перебиваются». Но глава семьи «дня свободного не имеет, чтобы в семье побывать»²⁴. Под стать Кожину герой другой зарисовки — неумный Алексей Матвеевич Калинин с кабельного завода. Его выбрали в завком, но он решает опять уйти к своему станку, потому как «непривычное для него это дело», да и о наставничестве постоянно думает²⁵.

При прочтении аналогичных материалов обращает на себя внимание заметный упрощенный подход к человеку, его характеру, внутреннему миру, мыслям и чувствам. Интересы того или иного героя, как правило, строго функциональны и не распространяются за пределы предприятий, где он работает, в очерках и зарисовках практически не встретишь прямой речи человека, что позволило бы лучше представить его мироощущение, состояние души. Авторы материалов не индивидуализируют характеры, в результате чего герои выглядят похожими друг на друга. Все это диктовалось необходимостью прессы «встроить» тот или иной образ в содержательные рамки, определенные идейно-политическими приоритетами своего времени, требованием «уравнивания» героев журналистских материалов с обычными людьми той эпохи. Такое изображение героев делало их понятными и близкими большинству читателей. Эта узнаваемость, возможность для читателей сопоставлять данные прессой образы со своей жизнью, жизнью окружающих людей повышали массовый интерес к прессе. В данном случае манипуляция личностью, предлагаемая журналистикой, сливалась в сознании этой личности с силой собственных влечений и диктовала ей определенные формы мышления и деятельности²⁶. Этот подход воспринимался властью как весьма эффективный способ управле-

²⁴ Правда. 1922. 5 апр. С. 3.

²⁵ Правда. 1922. 9 апр. С. 3.

²⁶ Ермаков Ю.А. Указ. соч. С. 24.

ния, способный снять остроту социальной конфликтности. Закономерно поэтому, что мифологический подход к показу личности героя нашел свое продолжение и в последующие годы.

Глобальной задачей СМИ, поставленной властью, являлось раскрытие характера человека с учетом существующих идеологических установок. Ее реализация временами оказывалась настолько активной, что описываемые ситуации выглядели, мягко говоря, не очень естественно, формируя уже привычную мифологичность. Одним из наиболее выразительных примеров в этом отношении можно назвать газетную корреспонденцию профессора Московской консерватории Г.Г.Нейгауза «Трое даровитых». Раскрывая причину рано проявившихся способностей у молодых пианистов того времени Зака, Гилельса и Гроссмана, автор указывал на их принадлежность комсомолу, воспитывающему характер молодых людей, и советскому народу в целом: «Несмотря на индивидуальное своеобразие каждого из них, они, как истинные дети нашей родины, имеют общие черты: это преданность своему делу, любовь к труду, деловая скромность, сочетающаяся с сознанием своего достоинства, и чувство спаянности со всем огромным коллективом трудящихся нашей родины»²⁷. В этом утверждении активно проявилось уже знакомое нам стремление журналистики советского времени — придать описываемой личности черты характера и поведения, объединяющие ее с обычными людьми. Между тем, в приведенном высказывании ощущается излишне спрямленное восприятие повседневной действительности, что вновь позволяет говорить о нарушении объективности информации в угоду ее политической целесообразности.

За годы советской власти журналистика создала множество образов самых различных людей. Однако главным критерием отбора материала всегда была все та же тесная причастность личности к окружающим миром, ее зависимость от выдвинутых «сверху» требований. Правда, в послевоенные годы, и особенно в период хрущевской «оттепели» (см. VI главу) СМИ начали все больше обращаться к духовному миру индивида, нравственным проблемам его

²⁷ Нейгауз Г. Трое даровитых // Правда. 1937. 1 мая. С. 3.

жизни, жизни его семьи. Вместе с тем, оценка человека по-прежнему строилась, исходя в первую очередь из результатов труда, которые он показывал на своем рабочем месте, при выполнении общественных поручений, таких, например, как членство в парткоме, профкоме, комитете комсомола и т.д. Эти характеристики чаще всего влияли на позитивное или негативное восприятие журналистикой своих героев. Верх в восприятии, как и прежде, брало следование этих людей коллективным интересам, нежели их индивидуальность и самобытность. Аналогичный подход особенно давал о себе знать в местной прессе, публиковавшей зарисовки, которые нередко были построены по одному и тому же сценарию и ставили целью «приподнять» передовика производства, цехового пропагандиста и т.д.

Таким образом, сам герой портретных материалов на протяжении длительного исторического периода выглядел в СМИ как индивид, целиком «вписанный» в сформированную систему политических координат. Его отличали приверженность общему делу строительства социализма и коммунизма, предпочтительное отношение к общественному на фоне личного, умение работать в коллективе. Несмотря на меняющиеся в ходе развития общества, по мере его эволюции, социально-политические приоритеты и цели, названные требования к содержанию личности оставались практически неизменными, по причине неизменности идейных постулатов, утверждаемых в обществе. В этом проявила себя одна из ключевых особенностей развития журналистики советского времени, предложившей собственные закономерности раскрытия «положительного образа», унаследовавшего в своем «лице» основные политические традиции общества.

Возвращаясь к уже высказанному нами в ходе этой главы тезису о том, что манипулирование способствует преднамеренному возвышению одних проявлений социального поведения и нивелированию других, нельзя не обратить внимание на принципиально иные по оценкам образы, созданные партийной журналистикой. Наряду с так называемыми «положительными героями» она на протяжении всего советского периода показывала других людей — тех, которые по своему мышлению и поведению не вписывались в куль-

тивируемую в обществе шкалу идейно-политических ценностей. Наше внимание к этому проявлению ее журналистского творчества дает возможность глубже представить специфику мифологизации, как одного из проявлений манипулирования.

Духовные корни неприятия прессой советской эпохи инакомыслия следует искать в уже отмеченных нами в главе I особенностях характера нации, которой на протяжении всей исторической эволюции было присуще отсутствие толерантности. Нетерпимость, как проявление общей культуры нации, органично кристаллизовалась в большевизме с его ярко выраженным нигилизмом, пренебрежению к интересам отдельного человека. Задолго до 1917 г. большевики продемонстрировали резко негативное отношение ко всему тому, что выходило за рамки «революционной целесообразности» как единственного, по их мнению, способа движения к общественному прогрессу. После прихода к власти они сразу же постарались ограничить влияние политической и духовной оппозиции с применением насильственных мер ее уничтожения. К числу оппозиционеров, однако, попали не только представители различных политических партий, но и целые «идеологически неблагонадежные» группы населения (например, священники), представители интеллигенции. Провинившихся упрекали в пренебрежении нормами партийной демократии и коллективизма, игнорировании требований со стороны широких народных масс.

Особую роль в развязывании массового неприятия к этим социальным группам сыграла пресса. Путем организации на своих страницах агитационно-пропагандистских кампаний против «инакомыслящих» она способствовала формированию негативного отношения к ним в массовой пролетарской и крестьянской среде. Эти кампании, вместе с тем, отличались не просто обличением тех или иных «противников» советской власти, но созданием особого по своей эмоциональной окраске языка образов. В данном случае проявляла себя принципиально иная по своей оценочной лексике мифологизация (по сравнению с той, что использовалась в создании образа «положительного героя»), имевшая, однако, схожее концептуальное начало. В его основе также был выход за пределы существующей реальности путем обязательного приклеивания «нега-

тивным героям» нелицеприятных, дискредитирующих их ярлыков. Этот прием сохранил свое существование на протяжении всего советского времени – в борьбе против «формалистов в искусстве» (1930–1940-е гг.), «безродных космополитов» (1940–1950-е гг.), диссидентов (1960–1980-е гг.) и т.д.

Использование в прессе дискредитирующих ярлыков стало следствием воздействия всего пропагандистского механизма на общественное сознание. В результате этого воздействия массовая аудитория оказалась подверженной манипулятивной идее, возносящей на щит все пролетарское (идеологию, сознание, образ мыслей и поведения и т.д.) и низвергающей любые отступления от него. Фактически тем самым обозначилось разделение мира (в философском смысле слова) на два лагеря – «мы» и «они». В понятие «мы» вписывался так называемый «положительный герой», о котором речь шла выше, в понятие «они» – социальные группы и отдельные люди, по своему происхождению, воспитанию, поведению выходящие за пределы пролетарского мировосприятия. Журналистика всецело оказалась вовлеченной в этот процесс, дав многочисленные примеры разделения общества на «два мира, два образа жизни». Утверждение в СМИ этого ярлыка ввиду его категоричности делало невозможной какую-либо полемику по существу самого вопроса.

Вот как шла дискредитация представителей духовенства в центральной прессе в начале 1920-х гг.: «Мы и они! Дело ясно. Здесь два лагеря: лагерь народа, лагерь революции, и лагерь врагов народа, лагерь контрреволюции, в котором рясофорные и митроносные агитаторы играют первую скрипку. <...> Пора взяться за режиссеров и за главных вдохновителей контрреволюционного похода. Они теперь ясны. И рука революционного закона не должна дрогнуть, нанося последний удар – в интересах спасения миллионов голодающих, в интересах спасения завоеваний революции, т.е. в интересах миллионов рабочих и крестьян!»²⁸.

Приведенное высказывание содержит характерный прием, присущий нашей прессе в советские годы. Давая крайне негатив-

²⁸ Известия. 1922. 5 мая. С. 1.

ную характеристику отрицательным героям, авторы не заботились о том, чтобы предоставить действующим в публикациях лицам возможность высказаться в ответ, каким-то образом защититься. Тем самым с очевидностью нарушалось одно из важнейших требований к журналистике — следовать принципу объективности. Мощный, ничем не ограниченный поток критики сам по себе выглядел манипулятивным, поскольку пресса в этом случае создавала не что иное, как мифологические образы, наделенные исключительно отрицательными качествами — «страшилками». Так, в годы уже отмеченной нами борьбы с религией в печати постоянно давались уничижительные зарисовки о представителях церкви — «отсталой публике», «мракобесах», «обманщиках» и т.д., чтобы на их основе сделать однозначные выводы о пагубности религии. К примеру, накануне празднования рождества журнал «Безбожник у станка» недвусмысленно замечал, что «все социальное содержание этого «праздника» преследует одну цель: убить классовое самосознание трудящихся <...>, вызвать неверие в дело социалистического строительства, вызвать сомнения и колебания, вызвать вражду к советской власти и тем самым нанести ей удар»²⁹.

Отмеченная позиция СМИ свидетельствует, что они воспринимали окружающую действительность преимущественно в черно-белых тонах, непримиримо относясь к тому, что выходило за рамки утверждаемого «сверху» идеологического и культурно-эстетического пространства.

Это в полной мере относилось к сферам литературы и искусства, которые также должны были отражать массовое сознание общества, выводя на первый план человека из народа, социально и духовно близкого пролетариату. Во второй половине 1920-х гг. критике подверглись многие литераторы, художники, деятели театрального искусства, «оторвавшиеся» от народа, пренебрегающие его культурными запросами.

Любой деятель искусства оценивался, исходя, прежде всего, из политических задач дня. Судя по содержанию печати того време-

²⁹ Стуков И. Антирождественская кампания — мощный удар по классовому врагу // Безбожник у станка. 1932. № 24. С. 2.

ни, надежды партии оправдывали далеко не все. Во многих газетных и журнальных изданиях прошел целый ряд публикаций, оценивавших поэзию В.Брюсова, С.Есенина, С.Клычкова, драматургию А.Афиногенова и Вс.Вишневского, режиссуру В.Мейерхольда и т.д. как мелканскую, мелкобуржуазную, непонятную вышедшим из «низов» читателям и зрителям. Однако и здесь критического разбора художественных достоинств и недостатков критикуемых произведений практически никогда не было, что свидетельствовало о привычном наклеивании ярлыков. При этом пресса пестрела заголовками типа «Прекратить безответственные выступления», «В чад опиума», «Бьем нэпмановскую музыку» и т.д. Так, по поводу пьесы Вс.Вишневского «Последний решительный» журнал «Рост» — орган Всероссийской и московской ассоциаций пролетарских писателей — отмечал, что в ней «взята неверная политическая линия» в показе героев. Вишневскому «нужно знать, что пьеса должна давать зарядку пролетарскому зрителю <...> на базе правдивого классово-выдержанного показа нашего социалистического роста, противоречий в империалистическом лагере»³⁰.

Недостаточно «выдержанные» в идейном смысле драматические и музыкальные произведения, по утверждению многих СМИ того времени, представляли угрозу пролетарскому мировоззрению, сводя на нет завоевания революции. Правда, журналистика не объясняла, в чем именно состоит эта «угроза». Происходило активное формирование у читательской аудитории ассоциативного восприятия — путем навязывания идеологических и эмоциональных мыслительных связей³¹. Как и в случае целенаправленного создания «положительного образа», это навязывание обладало деструктивным эффектом, разрушающим способность критического восприятия читателями происходящего. Посредством использования мифологизированной деструкции в сотнях самых различных по содержанию изданий, ее степень неизмеримо возрастала, что влекло за собой заметную модификацию массового сознания. Представляется, что именно по этой причине уже через несколько

³⁰ Рост. 1931. № 7. С. 15-16.

³¹ См.: Мельник Г.С. Указ. соч. С. 105.

лет после установления советской власти в прессе можно было встретить заголовки статей типа «Сумбур вместо музыки», «Балетная фальшь» и т.д.

Приведенные нами названия статей, опубликованных в «Правде» в январе и феврале 1936 г., содержали критику в адрес Д.Шостаковича. В обоих случаях газета упрекала композитора в «буржуазном лженоваторстве», «формалистическом трюкачестве», делая выводы о том, что его музыкальные произведения (опера «Леди Макбет Мценского уезда» и балет «Светлый ручей») далеки от представлений народа о «подлинном» искусстве, что он недооценивает важности социалистического реализма как важнейшего принципа развития пролетарской культуры. «Опасность такого направления в советской музыке ясна, — указывала «Правда». — Левацкое уродство в опере растет из того же источника, что и советское уродство в живописи, в поэзии, в педагогике, науке. Мелкобуржуазное новаторство ведет к отрыву от подлинного искусства, от подлинной литературы»³².

«Правда» не только негативно оценивала личность самого композитора, она придавала ей мифологизированный характер, используя для этого уже социально выраженную обобщенность. Такое «наклеивание ярлыков» вело к еще большей деструктуризации массового мышления, упрочению ложных представлений об окружающем мире. По сути, применительно к этому явлению мы можем говорить о формировании прессой такого манипулятивного проявления как имидж-технологии. В отличие от мифа, который дополняет ложными признаками и характеристиками отдельный образ или событие, *имидж-технология* существует, прежде всего, для проекции этого образа на социально значимое явление, придания этому образу обобщающего характера. С одной стороны, описываемый образ связывается в тексте с деятельностью некой общности людей, а с другой — вызывает «непримиримость» к себе со стороны «всего советского народа». Эта весьма сложная система лингвистических связей приводит к тому, что имидж-технология, как проявление манипулятивного воздействия, формирует ассоциации, на-

³² Цит. по: Баранов В.И. Горький без грима: тайна смерти. М., 1996. С. 310.

ходящиеся уже «за пределами той качественной определенности, которая раскрывается в процессе непосредственного взаимодействия человека с [тем или иным] явлением»³³.

Иными словами, речь идет о формировании на основе мифа, по существу, абстрактных для повседневного восприятия аналогий, что еще больше дезавуирует реальное поведение личности. На наш взгляд, данный способ воздействия на общественное сознание подтвердил, как далеко может зайти манипулирование в сфере информационной деятельности.

Имидж-технология в СМИ исследуемого периода проявила себя прежде всего в двух направлениях — применительно к сфере культуры и искусства, а также в ходе освещения политических процессов 1930—1940-х гг.

Активизация имидж-технологии, направленной на дискредитацию в журналистике отдельных представителей отечественной культуры, определялась идейно-политическими задачами, поставленными партией перед этой сферой. «Нам необходимо знать все, — прозвучало на I съезде Союза писателей СССР, — что было в прошлом, но не так, как об этом уже рассказано, а так, как это освещается учением Маркса-Ленина-Сталина и как это реализуется трудом на фабриках и на полях...»³⁴.

Это высказывание обозначило тот принцип, по которому оценивалось творчество деятелей культуры советской эпохи. В соответствии с этим, те из них, чье творчество выходило за обозначенные идеологические рамки, оказывались критикуемыми не только за конкретные произведения. Им приписывались более серьезные обвинения, вплоть до их зачисления в несуществующие в действительности «оппозиционные группы». Именно под этим углом зрения пресса вела борьбу с «формалистами» в искусстве и «безродными космополитами» (1930—1940-е гг.), которых она упрекала в безыдейности, пошлости, аполитичности, в сползании на позиции так называемого «чистого искусства». В соответствии с уже существующей традицией читатель обязан был верить этим суждениям на

³³ Мельник Г.С. Указ. соч. С. 105.

³⁴ Цит. по: Правда. 1934. 18 авг. С. 4.

слово, поскольку детального анализа созданного самими «формалистами» на страницах прессы не велось, им самим также было отказано в праве на собственную защиту. Имидж-технологии, внедряемые журналистикой, оказывались по-настоящему действенными: после появления критических публикаций многие деятели культуры изгонялись из творческих союзов, им запрещалось печататься, участвовать в выставках и т.д.

Стиль такого рода «обобщающих» публикаций хорошо ощущался при чтении материалов «Правды». «Просочился чуждый и враждебный советскому народу, советской идеологии дух буржуазного национализма», — отмечалось, например, в газетной передовице, посвященной киноискусству³⁵.

Такого рода высказывания были характерны в сталинские годы для всей центральной печати. Используемая в данном случае аргументация не ставила перед собой цель внести ясность в обозначенные понятия: что следует понимать под «буржуазным национализмом», каковы особенности «буржуазного упаднического искусства» и т.д. В этом как раз и проявилась специфика применения имидж-технологии в журналистике, в данном случае при обсуждении вопросов искусства: утверждая в сознании аудитории мощный пропагандистский ярлык, довести его до степени максимальной абстракции. Читая прессу, практически невозможно было разграничить, где заканчивается «формализм в искусстве» и начинается «безродный космополитизм», выраженный в «низкопоклонстве» интеллигенции перед Западом. Очевидно, что привлечение на страницы газет различных мнений, коллективных откликов, осуждающих поведение конкретных деятелей культуры за «непатриотичное» поведение (в случае их позитивных оценок зарубежного искусства) было ни чем иным, как имитацией плюрализма, подтверждением эволюции используемой в СМИ имидж-технологии.

Имидж-технология утверждалась в прессе и во время освещения в ней общественно-политических процессов, организуемых в период сталинского правления. Подсудимыми становились партийные и государственные работники разного уровня, руководите-

³⁵ Правда. 1946. 11 сент. С. 1.

ли предприятий, деятели науки, которым инкриминировались организация антисоветской деятельности, подготовка террористических актов, приспешничество перед иностранными разведками. В этих случаях, как известно, допускались грубые нарушения процессуальных и других юридических норм.

Журналистика, между тем, проявляла заметную активность в придании остракизму этих людей. При знакомстве с конкретными публикациями, относящимися к тому или иному «делу», обращает на себя внимание идейная непримиримость прессы, ее стремление к созданию мифологических образов путем уже знакомого нам «наклеивания ярлыков». Это видно, скажем, на примере освещения в прессе «Шахтинского дела» (1928 г.), когда на скамье подсудимых оказались 53 специалиста горнорудной промышленности Донбасса, которым ставилась в вину подрывная деятельность против советской власти³⁶. Стилистика создания образов «вредителей» не оставляла сомнений в пагубности их деяний. Так, характеризуя инженера Березовского (имя не названо), журналист «Известий» Г.Рыклин писал так: «Это кулак, чистенько одетый, образованный, продающий свое образование, чтобы «извлекать» и «накапливать». Подсудимых Г.Рыклин называет не иначе, как «инженерами-уродами», которых настигло справедливое возмездие правосудия³⁷.

На этом фоне происходило формирование и имидж-технологии. Из газеты в газету кочевали, например, формулировки о том, что подсудимым «твердо гарантирована смертельная классовая ненависть рабочих и трудящихся нашей страны», что «весь советский народ обвиняет своих врагов», что «кара правосудия покарат вражеское отродье» и т.д. Весьма зримо имидж-технологии, осуществляемые в ходе Шахтинского и всех последующих судебных процессов, были представлены в местной прессе, лишенной возможности отправить в зал суда своих корреспондентов и поэтому воспринимавшей ситуацию исключительно ассоциативно. Здесь час-

³⁶ «Шахтинское дело» оказалось полностью сфабрикованным, что подтвердила в своем расследовании специальная правительственная комиссия, созданная в конце 1980-х гг.

³⁷ Цит. по: Аграновский А., Алевич Ал., Рыклин Г. Люди-вредители. М.-Л., 1928. Сс. 29-30, 16.

тыми были заголовки наподобие того, что поместил «Челябинский рабочий»: «Шахтинское дело: Донуголь покровительствовал вредителям»³⁸. В чем конкретно заключалось это покровительство, прояснено не было, что еще раз позволяет говорить о преобладании в имидж-технологии, прежде всего, политически заданных ориентиров в ущерб фактам и доказательности.

В процессе упрочения культа личности Сталина, усиления тоталитарных методов воздействия на общество имидж-технологии, предложенные журналистикой, получили дальнейшее развитие. Журналистика представляла собой пропагандистский механизм, выполнявший единую политическую задачу — силой печатного слова сформировать у советских людей однотипные представления о происходящем. Содержание и тональность публикаций определялись, с одной стороны, уже подготовленным уровнем общественного сознания, а с другой — опытом самой журналистики в критике тех, кто отходит по своим духовным, политическим ориентирам от заданного партией движения. Определения «враг народа», «контрреволюционер», «двурушник» во второй половине 1930-х гг. становятся уже широко распространенными в СМИ. В ходе информирования происходило то, что американский социолог П.Лазерсфельд назвал «переопределением проблемы». Происходило сосредоточение массового внимания на том, о чем прежде «люди думали мало или не думали вовсе» и что в дальнейшем с помощью журналистики приобрело «особую важность»³⁹.

Это достигалось ярко выраженной экспрессией в подаче материала, использованием местоимения «мы», как проявления общественной консолидации по поводу происходящего. «...С гневом и яростью, — писали «Известия» в 1939 г., — поворачиваются наши глаза на то окружение врагов, которое ежедневно и ежечасно ищет случая нанести удар нашей славной стране, стране, от социализма переходящей к коммунизму»⁴⁰.

³⁸ Челябинский рабочий. 1928. 14 июня. С. 1.

³⁹ Цит. по: Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. Екатеринбург, 1999. С. 64.

⁴⁰ Известия. 1939. 6 апр. С. 3.

Манипулятивные подходы, предложенные журналистикой в первые десятилетия советской власти, привели к тому, что на страницах прессы, по сути, перестала существовать личность со свойственными ей индивидуальными проявлениями характера, поведения и т.д. Она была целиком подчинена общественным интересам, которые, в свою очередь, выглядели неотъемлемыми от интересов власти. Эта взаимосвязь диктовала журналистике особые способы показа индивидов. Посредством использования этих способов некоторые образы оказывались максимально приближенными к повседневной жизни и уровню мировосприятия миллионов людей, другие выглядели в общественном сознании полностью «отверженными». Предложенные особенности раскрытия образов получили свое логическое развитие и в дальнейшем, в годы хрущевской «оттепели» и брежневского «застоя». И хотя, начиная с середины 1950-х гг., наблюдается определенное смягчение отношений между властью и обществом, основные манипулятивные особенности восприятия личности остались практически неизменными.

Таким образом, изучение содержания журналистики советского периода позволяет говорить о предложенных ею с самого начала закономерностях при восприятии окружающей действительности. Их развитие базировалось на проявлениях основной политической традиции — тоталитарности общественных отношений, предопределившей существование «государственного» коллективизма. Журналистика продемонстрировала творческие подходы в показе личностей: образы, созданные ею, «вписались» в духовную основу этих традиций и стали близки менталитету общества.

В заключение главы необходимо подчеркнуть следующее:

* С момента своего становления журналистика существовала как целостный пропагандистский механизм, чьи усилия были направлены на формирование доверия к новой системе власти. С этой целью СМИ выработали особую систему манипулятивного воздействия на общество, способствующую упрощенному восприятию в массовом сознании окружающей действительности;

* Манипулятивность журналистики проявилась, в частности, в существовании стереотипизации (наличии системы идейно выраженных стереотипов), способствующей формированию единого

политического мировоззрения, что помогало упрочению привычных форм взаимодействия между властью и обществом. Стереотипизация, несмотря на модификацию социальных отношений в ходе эволюции советского периода, в целом сохранила привычные очертания. Это свидетельствует об устойчивости методов политического воздействия, утвердившейся посредством СМИ;

* В показе индивидуальных образов пресса активно использовала такие приемы, как мифологизация (социальное мифотворчество) и имидж-технология, ведущие к деструктивному сознанию массовой аудитории. С помощью этих приемов СМИ активизировали внимание читателей к своим героям, вызывая однозначные (либо положительные, либо отрицательные) оценки по поводу их поведения. Пресса, таким образом, ограничивала диалектическое восприятие окружающей жизни, способствуя упрочению тоталитарной традиции и традиции политически заданного коллективизма.

Вместе с тем, было бы неверным воспринимать журналистику исключительно как инструмент массовой манипуляции. На протяжении советского периода она время от времени демонстрировала отход от привычных форм воздействия, что было связано с существованием уже отмеченной нами либерально-ориентированной традиции. Без рассмотрения особенностей существования СМИ в рамках этой традиции наше восприятие основных закономерностей их содержания не будет целостным.

ЖУРНАЛИСТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО В УСЛОВИЯХ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

§ 1. Существование литературного журнала в рамках либерально-ориентированной традиции

Характеризуя специфику политического развития России, мы отмечали существование либерально-ориентированной традиции, проявившей себя задолго до становления советской власти. Оказываясь на определенном историческом этапе в кризисном положении и будучи не в состоянии привычными методами контролировать внутривнутриполитическую ситуацию, власть делала попытки смягчить ее и с этой целью выступала с инициативами проведения реформ в той или иной сфере жизни. При этом она руководствовалась не объективной потребностью в их осуществлении, а в большей степени своими интересами. Через некоторое время острота кризиса спадала и власть возвращалась к привычным методам правления.

Таковы общие особенности функционирования отмеченной политической традиции. Ее историческая эволюция существенно разнится с эволюцией западноевропейского и американского либерализма, которому всегда было свойственно поступательное развитие. В соответствии с практическими действиями утверждала себя и западная либеральная теория. Она, правда, базировалась на множестве идей, иногда их авторы выступали даже по разные стороны полемических баррикад¹. Однако общность позиции западных либералов заключалась в их стремлении отстаивать принципы свободы, равенства возможностей, ограничения вмешательства государства в личную жизнь граждан, права, исходя из осуществляемых на практике юридических норм.

¹ См.: Малинова О.Ю. Либерализм в политическом спектре России. М., 1998. С. 15-16.

В России эти принципы никогда не осуществлялись на практике. Здесь, указывает Б.Г.Капустин, «обнаружилось отсутствие всех или почти всех условий, которые позволили на Западе в свое время канализовать освободительное стремление максимализации частной выгоды в экономический интерес, создающий систему всеобщей полезности, причем сделать это не авторитарно-деспотическими методами»². Поэтому применительно к нашей стране мы говорим не о либерализме как системе духовных ценностей, а о некоторой либерализации политики, которая, по существу, оказывалась неспособной поколебать автократическую традицию. Воздействие субъективного фактора и отсутствие политических условий для перманентных демократических перемен во многом предопределяло прерывистость и непоследовательность либеральных преобразований. Как результат, сами либеральные идеи в России формировались преимущественно на теоретическом, а не практическом уровне, в неподготовленной политической обстановке и потому были востребованы только интеллектуальной элитой. В свою очередь, власть в своих практических действиях предпочитала руководствоваться собственным пониманием социального прогресса. Это существенно разрывало либеральную теорию и практику.

Еще большая проблема обозначилась в этом отношении после победы большевиков. Теоретические концепции прекратили свое существование, ввиду крайне неприяженного отношения новой власти к либерально настроенной интеллигенции, мешающей развитию радикалистских настроений в обществе, проявлению классовой морали. Создание административно-командной системы управления, как проявления тоталитарности общественных отношений, значительно усилило влияние государства и ослабило общественные институты. Либеральному мировоззрению препятствовали неограниченные полномочия партийно-государственной власти, что, по В.В.Леонтовичу, создавало возможность для власти «встать над правом [и] не соблюдать существующего порядка или произ-

² Капустин Б.Г. Начало российского либерализма как проблема политической философии // Полис. 1994. № 5. С. 30.

вольно менять его специально для этой цели издаваемыми законами»³.

Вместе с тем, все это не исключало возможности эволюции либерально-ориентированной традиции, развивавшейся в рамках сложившихся отношений между «сильным» государством и «слабым» обществом. Эта традиция подтвердила свое существование в годы нэпа и хрущевской «оттепели». В обоих случаях, в полном соответствии с ее дореволюционной эволюцией, наблюдался отход от привычно директивных методов воздействия власти на общество. Обобщая накопленный в советскую эпоху опыт, можно утверждать, что личность в эти годы под воздействием экономических, социальных реформ ощущала себя независимее от государственного вмешательства, благодаря чему развивались ее инициатива и предприимчивость. Вводя «стимулирующие меры», власть стремилась снизить социальную напряженность, которая усилилась в годы гражданской войны (предшествовавшей нэпу) и сталинского режима (предварившего хрущевскую «оттепель»), и тем самым в какой-то мере успокоить общество. Именно поэтому сама традиция всякий раз оставляла заметный след в его сознании, придавая самому обществу внутренний динамизм развития.

В ходе существования и нэпа, и «оттепели» проявляла себя возрастающая дискуссионность при обсуждении вопросов социальной жизни, экономики, культуры и т.д. Важная роль в ее инициировании принадлежала интеллигенции. Свидетельством этого становилась активизация духовной жизни общества. Именно в периоды либерализации политики, под воздействием социально значимых перемен, особую роль начинало играть литературно-художественное творчество: появлялись новые имена поэтов, писателей, возникала новая литературная периодика, во многом стимулировавшая нравственное обновление общества (о чем более подробно будет сказано ниже). Вместе с тем, разрешительные возможности и в годы нэпа, и в период хрущевской «оттепели» предоставлялись и завершались в первую очередь по инициативе власти, без обращения к мнению народа по поводу происходящего. Это также соот-

³ Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914. М., 1995. С. 20.

ветствовало традиционному российскому сценарию в осуществлении процесса либерализации.

Таким образом, вопреки сложившимся в отечественной гуманитарной науке представлениям о разорванном характере либерально-ориентированной традиции отмеченная нами общность ее проявлений в годы советской власти позволяет воспринимать саму традицию логически связанной с дореволюционным временем, а значит непрерывной, несмотря на качественное изменение политических условий существования общества.

Отмеченная общность проявлений этой традиции в советское время не нивелирует специфики либерализации, имевшей место в годы нэпа и «оттепели». Без обозначения серьезных различий, проявивших себя на протяжении обоих периодов, нельзя объективно судить о степени влияния самой традиции на взаимоотношения власти и общества, приоритеты развития духовной культуры, в рамках которой формировалось журналистское творчество.

В годы нэпа, пришедшего на смену политике «военного коммунизма» с ее жесткой регламентацией в экономике, власть допустила проявление рыночных отношений. Как результат, появились частные предприятия. Это не мешало «верхам» сохранять контроль над внутривластной ситуацией, поскольку основные сферы экономики оставались по-прежнему национализированными. Тем не менее, новые условия хозяйствования за короткое время значительно усилили личностную заинтересованность в конечных результатах труда. Это повлекло за собой насыщение торговых прилавков различными товарами, сведя на нет их дефицит.

Заинтересованность в труде значительно меньше проявила себя в период хрущевской «оттепели», поскольку приоритеты экономической политики страны остались практически без изменений. Правда, с середины 1950-х гг. началось постепенное раскрепощение деревни, промышленные предприятия получили дополнительную, хотя и незначительную, самостоятельность. Однако эти меры явно недостаточно стимулировали индивидуальную инициативу. В свою очередь, период «оттепели» был отмечен, прежде всего, ослаблением идеологического давления «сверху». Критика культа личности Сталина и, в соответствии с этим, конкретных проявлений

тоталитаризма привела к отторжению наиболее одиозных методов политического правления (таких, как репрессии) и формированию большего демократизма в политической и социальной сферах. Усилилась полемичности при анализе различных сторон общественной жизни, в развитии творческой инициативы личности. Стал более заметным интерес к внутреннему миру человека, что нашло отражение во многих направлениях искусства. Формировалась большая, чем прежде, открытость внешней политики страны. Все это неизбежно расширяло рамки восприятия людьми окружающих явлений, позволяло им шире взглянуть на, казалось бы, привычные явления, обогащало их духовный мир.

Существенная дифференциация между нэпом и «оттепелью» выразилась, в частности, в приоритетах реформирования общества, определенных «свыше», наряду с этим различными оказались и те социальные группы, которые были напрямую вовлечены в преобразования. Нэп активизировал преимущественно крестьянские слои, бывших собственников и в силу характера преобразований практически не затронул пролетарскую часть населения. Во многом именно поэтому он не нашел полной поддержки ни в партии, ни в обществе. «Оттепель», напротив, вовлекла в свою орбиту несравненно большее число советских граждан. Десятки, если не сотни тысяч людей, осужденных по политическим статьям в сталинское время, стали возвращаться к нормальной жизни, началась постепенная реабилитация незаконно репрессированных. Помимо создания правовых гарантий власть, и в первую очередь сам Н.С.Хрущев, публично признавали необходимость коренного улучшения условий труда и быта, усиления критики в адрес партийных и хозяйственных руководителей. Это определило позитивные перемены в социальной и духовной жизни.

Таким образом, в массовом сознании отношение к двум проявлениям либерально-ориентированной традиции существенно разнилось. В соответствии с общественными настроениями строилось и их восприятие партийной журналистикой.

Следуя решениям ЦК партии и воспринимая нэп как единственную приемлемую политику в создавшихся условиях, партийная пресса не могла свыкнуться с мыслью о том, что теперь уже не пролета-

риат играет ключевую роль в преобразовании страны. Вследствие этого, партийная пресса была очень критичной по отношению к самим участникам преобразований: газеты из номера в номер пестрели гневными отповедями в адрес нэпманов, которые утверждали в массовом сознании «капиталистическую психологию», «грабили» трудящихся, «надсмехались» над бедными слоями крестьянства. На общем фоне типичным выглядело такое высказывание газеты «Правда»: «...Нэпманы, странные существа: одновременно побитые и недобитые, живые и как бы без души, мордастые с налетом наглости и юрковато-трусливые. <...> Без настоящего, потому что хотя обещали нэп «всерьез и надолго», серьезных надежд на «политическое и экономическое упрочение принципов частной собственности» не было. <...> С лицами каторжников. С веревкой революции на шее»⁴.

В приведенном высказывании «главной газеты» страны нельзя не ощутить присутствие очередного мифа — подобного тем, которые использовала партийная печать в описании идейных врагов советской власти (см. главу V). Образ нэпмана в партийных газетах того времени воспринимался как реальность, «отрешенная от обычного хода явлений»⁵. В соответствии с этим отсутствующие факты заменялись уничижительными «выводами», призванными сформировать у аудитории неприязненную позицию в отношении нэпманов. Столь же негативные оценки в адрес тех, кто активно участвовал в продвижении новых экономических отношений, высказывали и партийные журналы массового типа. Так, «Работница» называла нэпмана «русским буржуем», которого пролетарская женщина «в бараний рог согнула в Октябре»⁶.

Партийная пресса служила мощным ограничителем проникновения в массовое сознание «мелкобуржуазных» настроений, прививая неприятие по отношению к их носителям — нэпманам. Таким образом, в ходе развития нэпа пресса в основе своей не претерпела каких-либо изменений, ее содержательный уровень остался, по существу, прежним.

⁴ Правда. 1922. 30 апр. С. 3.

⁵ См.: Гайда А.В., Китаев В.В. Власть и человек. Свердловск, 1991. С. 13.

⁶ Работница. 1923. № 12. С. 36

Принципиально иным было существование партийной прессы в годы хрущевских преобразований. Вследствие духовных перемен в обществе журналистика ощутила себя свободнее, ее поле критики заметно расширилось. Под знаком борьбы за ленинские нормы партийной жизни, СМИ стали ареной столкновения различных мнений, полемизирующих по поводу сложившегося стиля партийного руководства, особенностей оптимального взаимодействия власти и общества и других проблемных вопросов, которые до этого практически не ставились на обсуждение. На страницах газетной периодики этих лет можно было встретить проблемные публикации, поднимающие нравственные вопросы в сфере политического, экономического управления, касались ли они стиля работы райкома партии, предприятия или какого-либо главка. Не преувеличивая возможностей прессы, по-прежнему остававшейся в условиях зависимости от партийных комитетов различных уровней, необходимо подчеркнуть, что она в годы «оттепели» почувствовала себя независимее в суждениях, чем прежде.

В соответствии с этим обозначились несколько качественных изменений в содержании газетной периодики. Во-первых, ввиду изменившихся политических условий, большей свободы высказываний расширилось жанровое и тематическое своеобразие публикуемых материалов: появились проблемные репортажи, интервью, аналитические очерки, что в совокупности делало прессу ближе к повседневным запросам аудитории. Во-вторых, в силу новых задач, вставших перед журналистикой, ее внимание несравненно больше, чем прежде, сосредоточилось на внутреннем мире человека. Портретные очерки и зарисовки стали намного менее схематичными, чем это было в прессе советского времени: герои материалов предстали не только в производственной обстановке, но и во взаимоотношениях с близкими им людьми, в конфликтных ситуациях и т.д. В-третьих, в годы «оттепели» начал меняться состав нештатных корреспондентов газет. Если прежде ими становились преимущественно представители рабочего класса и крестьянства (рабкоры и селкоры), то в период хрущевских реформ активное участие в подготовке материалов стала принимать интеллигенция, вносящая разнообразие в тематическую палитру СМИ. Благодаря этому боль-

ше стало публикаций на темы экономики, научно-технического прогресса, культуры, искусства и другие.

Как видим, партийная печать в ходе осуществления на практике либерально-ориентированной традиции в 1920-е и 1950–1960-е гг. действовала по-разному. Это предопределялось несхожестью политических условий, обеспечивших различные возможности ее функционирования, разной степенью массовой поддержки, которую оказывало общество нэпу и «оттепели». Это не позволяет нам в полной мере прибегнуть к сопоставлению содержания СМИ обоих периодов.

Вместе с тем, отдельные проявления в существовании журналистики на протяжении двух исторических этапов выглядят схожими. Это относится в первую очередь к положению журнальной периодики литературно-художественного направления, которая, как уже отмечалось, всякий раз активизировала свое влияние в обществе. Правда, истоки усиления ее воздействия в обоих случаях выглядят различными. Общий рост числа литературных журналов в годы нэпа был связан с развитием частного бизнеса, проявившего себя, в том числе, и в издательской сфере. На общем фоне участие государства в создании отмеченных изданий было весьма незначительным. В свою очередь, в годы «оттепели» именно государство стимулировало появление и финансирование новых журналов отмеченного типа, власть выступала и главным арбитром в оценке публикуемых на их страницах произведений (можно вспомнить, например, публичные высказывания Н.С.Хрущева о рассказе А.И.Солженицына «Один день Ивана Денисовича», опубликованного в «Новом мире»).

Тем не менее, несмотря на различные особенности существования литературно-художественных журналов в ходе реализации обоих проявлений либерально-ориентированной традиции, мы не можем не усмотреть общих аналогий. Они связаны со спецификой существования и тематического своеобразия этого типа журнальной периодики. Стремление власти поставить под контроль эти издания также с очевидностью подтверждает общую закономерность функционирования журналистики в условиях политической либерализации, при которой свобода высказываний всегда выглядела ограниченной.

Перейдем к более детальному обоснованию выдвинутых положений.

Расширение литературной деятельности в годы нэпа подтверждается, прежде всего, возросшим выпуском общего числа книг и брошюр. Только в Москве к маю 1922 г. насчитывалось свыше двухсот частных издательств⁷, занимавших разные идейные позиции. Например, «Книга» публиковала марксистскую литературу, издательства «Былое», «Задруга» и «Суриковский кружок» — народнические произведения, «Каторга и ссылка» — преимущественно творчество бывших членов меньшевистской партии и т.д. Это подтверждало возросшую свободу мнений на фоне первых послереволюционных лет. Правда, деятельность издательств и полиграфических предприятий не была бесконтрольной и осуществлялась в соответствии с постановлением Совнаркома «О частных издательствах» (1921 г.). Для надзора за ними были созданы политотделы, которые удостоверяли появление книг и брошюр, привлекали к судебной ответственности издателей за появление печатной продукции, не санкционированной Госиздатом⁸. Вместе с тем, новые экономические условия хозяйствования позволили заметно увеличить объем выпускаемой литературы.

На этом фоне наблюдалось активное формирование литературных групп и объединений. Каждое из них, придерживаясь разных политических и эстетических позиций, выпускало периодические литературные издания.

На марксистско-ленинских позициях в искусстве стояла группа «Кузница», объединившая вокруг себя таких молодых пролетарских литераторов, как Ф.Гладков, Н.Ляшко, В.Казин, С.Родов, М.Герасимов, В.Кириллов, и выпускавшая журнал с аналогичным названием. «Кузница» во многом продолжила традиции Пролеткульта — организации, стоящей на классовых позициях и стремящейся развивать пролетарскую тему в литературе, театре, других сферах искусства. Заявляли о себе и новые литературные группы:

⁷ Печать и революция. 1922. № 6. С. 130.

⁸ История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997. С. 34-35.

футуристы, акмеисты, имажинисты и другие. Некоторым из них (например, футуристам) также было свойственно стремление пренебречь наследием прошлого, встать на позиции формального новаторства. Поэтому партийные критики усматривали в их творчестве «мещанское дерзание», «богемную психологию» и «идейную легковесность»⁹. Тем не менее, многие журналы названных групп («Гостиница для путешественников в прекрасном», «Творчество», «Леф» и другие) выходили с одобрения Наркомпроса, что свидетельствовало об их общей лояльности большевикам.

Принципиально иное восприятие политической ситуации демонстрировали журналы «Вестник литературы» (после выхода нескольких номеров сменивший название на «Литературные записки») и «Летописец дома литераторов», отстаивавшие, по их собственным признаниям, традиции русской литературы и духовности. Они объединили вокруг себя писателя Е.Замятина, поэта Б.Харитона, социолога П.Сорокина и других представителей либеральной интеллигенции. Многие появлявшиеся здесь публикации открыто бросали вызов новому времени, где «голодно, холодно, жутко». Не менее «упадническую» позицию занимала группа так называемых эстетствующих журналов литературного направления. «Голос минувшего», «Записки мечтателей», «Дом искусств», «Былое» появились еще до прихода большевиков к власти, прервали свое существование вскоре после революции и с утверждением нэпа возобновили свое существование. Отмеченным изданиям, собравшим вокруг себя разных по своим духовным позициям авторов — М.Горького, Е.Замятина, К. Чуковского, Н.Радлова и других, — были свойственны темы одиночества, горечи по утрате минувших дней. Характерным подтверждением этого стало высказывание Е.Замятина: «Я боюсь, что у русской литературы одно только будущее — ее прошлое»¹⁰.

Как видим, с введением нэпа выросло общее число литературных журналов, что повлекло за собой возрастание свободы мнений по самым различным социально значимым вопросам. То же самое

⁹ См.: Полонский В.П. На литературные темы: избранные статьи. М., 1968. С. 30.

¹⁰ Очерки истории русской советской журналистики: 1917-1932. М., 1966. С. 74.

можно сказать и о периоде хрущевской «оттепели». Внутриполитические условия ее становления, как уже отмечалось, были совершенно иными по сравнению с периодом нэпа, но после десятилетий правления сталинского режима, допускавшего, по существу, лишь победные реляции по поводу происходящего, в обществе остро ощущалась потребность высказаться, в меру дозволенного осмыслить прошлое.

На волне этих настроений разнообразнее стал весь литературный процесс в обществе. Именно в конце 1950-х — начале 1960-х гг. советским читателям стали известны новые имена писателей, чье творчество сразу же оставило заметный след в общественном сознании: А.Солженицын, Ч.Айтматов, Д.Гранин, В.Дудинцев, А.Вознесенский, Е.Евтушенко и многие другие. Тогда же стали появляться новые литературные журналы: «Дон», «Москва», «Урал», «Наш современник» и другие, способствующие духовным переменам. И хотя, в отличие от периода нэпа, общая дискуссионность, представленная на их страницах, не выходила за рамки утвердившихся в обществе единых идейно-политических приоритетов, она открывала новые горизонты восприятия окружающей жизни.

Общность проявлений либерально-ориентированной традиции в годы нэпа и «оттепели» ощущалась не только в увеличении количества изданий и заметной активизации на их страницах художественного, публицистического творчества. В обоих случаях обращала на себя внимание *гражданская позиция*, демонстрируемая «толстыми» журналами, как литературного, так и общественно-политического направления. Значимую роль в их содержании всякий раз в той или иной степени начинала играть тема ответственности, которую несет интеллигенция, как главная преобразовательная сила общества, в переломные моменты отечественной истории.

Наиболее отчетливо в период нэпа эта тема поднималась на страницах таких журналов, как «Новая Россия» (позже, после выхода нескольких номеров — «Россия»), «Экономист», «Экономическое возрождение», «Мысль» и других, появившихся в 1922 г. «Россия», как «первый публицистический беспартийный орган», больше тяготел к литературным журналам (здесь публиковались, в частности, М.Пришвин, Б.Пильняк, А.Белый, О.Мандельштам,

О.Форш), отстаивая одновременно тезис о необходимости формирования в сознании читателей «новой идеологии», рожденной в процессе революции. «Экономист», «Экономическое возрождение» и «Мысль» ставили перед собой задачу «всеобщего просвещения» по философским, экономическим и социологическим вопросам. Несмотря на различие специализированных аудиторий, названные журналы сближала их общая потребность к объединению различных представителей отечественной интеллигенции в обсуждении вопроса о путях развития науки и культуры в российском обществе. Одновременно названные издания стремились обозначить меру участия самой интеллигенции в этом процессе. В частности, осмысливая особенности начатого большевиками нового экономического курса, журналы высказывали общую мысль о необходимости сформировать силами интеллигенции прочную государственную систему, которая бы помогла преодолению хаоса в политике и экономике.

Эта позиция была во многом унаследована названными изданиями от либералов с дореволюционным прошлым — Н.Устрялова, С.Чахотина, А.Бобрищева-Пушкина, Ю.Ключникова и других. Утверждая себя в различных сферах деятельности (юристы, физиолог, специалист по международному праву), они, оказавшись в эмиграции, сумели объединиться и выпустить в 1921 г. в Праге сборник статей под общим названием «Смена вех». В условиях провозглашенного в нашей стране нэпа сменовеховцы выглядели людьми, верившими в здравый смысл «творящей себя ныне революции»¹¹. Ответственность же за сохранение целостного и стабильного государства они возлагали на интеллигенцию, как наиболее образованную часть общества, способную ограничить его от социальных катаклизмов. Роль интеллигенции, по мнению сменовеховцев, состояла в том, чтобы признать существующий политический строй, но при этом стремиться «улучшать» его изнутри, без чего невозможен «рост государственного, национального, экономического и социального сознания народных масс в России»¹².

¹¹ Смена вех: сборник статей. Прага, 1921. С. 6.

¹² Смена вех. Указ. соч. С. 89.

Мысль об ответственности интеллигенции за происходящее в стране отстаивали отмеченные нами журналы «Россия», «Экономист» и другие, что в известной степени роднило их с содержанием либерально настроенного сборника «Смена вех». Правда, редакции этих изданий достаточно критично оценивали творчество сменовеховцев, не веря в искренность их позиции, называя этих философов-публицистов «красными снаружи и белыми внутри»¹³ (главным образом по причине их эмигрантского положения). Тем не менее, во взглядах редакций журналов нельзя не усмотреть попытку отстоять либеральные ценности, выраженные в том, чтобы в новой политической ситуации совместить интересы различных слоев общества.

Так, журнал «Россия» возлагал ответственность на интеллигенцию как наиболее подготовленную к конструктивным решениям часть общества, способную к созидательной работе. В этом смысле он продолжал линию русских либералов, направленную на консолидацию власти и общества и являлся отражением всей либерально-ориентированной традиции. Профессор энергетики И.Александров на страницах «России» писал так: «Мало быть добротным «спецом», нужны инициатива, устремление, творческая работа, искание новых путей. Нужно отрешиться от той трагической черты, которая лежит до последнего времени между интеллигенцией и народом»¹⁴. На духовную миссию интеллигенции в переходный период неоднократно указывал в своих статьях и редактор «России» И.Лежнев. Интеллигент, по его мнению, должен был помочь строительству новой государственности, но при этом не имел права занять соглашательскую позицию по отношению ко всему тому, что делалось вокруг него. Даже «Вестник литературы», занимавший, как уже отмечалось, негативную позицию по отношению к большевикам, активно проводил мысль о том, что интеллигенция лишь тогда имеет право претендовать на духовное влияние, если начнет работать ради единства нации¹⁵.

¹³ Логвинович Л. О культурном ревизионизме // Россия. 1923. № 8. С. 10.

¹⁴ Цит. по: Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1986. С. 82.

¹⁵ См., напр.: Сорокин П. «Смена вех» как социальный симптом // Вестник литературы. 1921. № 12.

Поднимая проблему «самоопределения» интеллигенции, эти журналы ставили вопрос о роли личности в проведении реформ. «Тема личности», исследующая поведение человека в сложных, конфликтных ситуациях, который пытается отстаивать свои принципы, задумывается об общественно значимых ценностях, всегда занимала русскую либеральную философию, традиционно воспринимавшую индивида сквозь призму коллективного бытия и мировоззрения¹⁶. «Толстые» литературно-художественные и общественно-политические журналы периода нэпа во многом продолжили эту традицию, видя в интеллигенте не только выразителя интересов общества, но и его «учителя», «советчика». Упомянутые выше «Экономист», «Мысль» последовательно проводили мысль о том, что личность способна на многое: несмотря на существование самых сложных социальных условий, она может «возродить надежды» общества, «обеспечить позитивные перемены» в стране и т.д. Ставя, таким образом, отдельного человека в зависимость от сложившейся общественной ситуации, внепартийные журналы следовали привычным духовным установкам, сформированным в российской политической культуре. Наряду с этим они проводили идею, актуализируемую именно в годы усиления либеральной тенденции в обществе — о возможности отдельно взятой личности влиять на развитие событий, способствуя тем самым духовному возрождению нации.

Эта тенденция прослеживается и в годы хрущевской «оттепели», что позволяет увидеть общность двух проявлений либерально-ориентированной традиции. Иной спектр решаемых в обществе политических и социально-экономических проблем не помешал постановке в литературных журналах того времени уже знакомой нам темы ответственности как интеллигенции в целом, так и отдельно взятой личности за происходящее в повседневной жизни. Эта тема проявила себя в целом ряде художественных произведений, начиная с «Оттепели» И.Эренбурга (опубликованной в журнале «Знамя» еще в мае 1954 г., т.е. до XX съезда партии, на котором

¹⁶ См.: Осипов И.Д. Философия русского либерализма XIX - начала XX в. СПб., 1996. С. 12.

прозвучал закрытый доклад Н.С.Хрущева о культе личности) и включая прозу Д.Гранина, В.Дудинцева, А.Яшина и целого ряда других авторов, которая появилась в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Знамя». Стоит вспомнить также художественную публицистику В.Овечкина, Е.Дороша, В.Солоухина, Г.Радова. В среде многих пишущих в годы «оттепели», пишет Л.Ш.Вильчек, утверждался литературно-общественный диалог, напоминающий то дуэт, то дуэль. Поэтому и в художественных, и в публицистических произведениях того времени «столь часты реминисценции, явные и неявные ссылки, прямое или косвенное цитирование идей то единомышленников, то оппонентов, подчас превращенные в драматургический «ход», прием, сюжетобразующий фактор»¹⁷.

Вчитываясь в эти, казалось бы, совершенно различные по своей фабуле произведения, нельзя не уловить то равнодушие, которое испытывают герои к происходящему вокруг них, их стремление взять на себя моральную ношу для решения обозначившихся проблем.

Гражданская позиция журнальной периодики хрущевского времени проявила себя и в критике. По-новому были поставлены, в частности, многие вопросы литературы и искусства. Они были сформулированы в публицистических выступлениях В.Померанцева, М.Щеглова, М.Лифшица, писателя Ф.Абрамова, напечатанных в журнале «Новый мир» и анализирующих особенности развития современной советской литературы. В.Померанцев в 1954 г., пожалуй, первым заострил общественное внимание на лакированности многих вышедших к тому времени произведений, условности, а не жизненности представленных в них характеров. «Искренности — вот чего, на мой взгляд, не хватает иным книгам и пьесам», — итожил он в своих размышлениях с характерным названием «об искренности в литературе»¹⁸. Ему позже вторил Ф.Абрамов, который в статье «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» доказы-

¹⁷ Вильчек Л.Ш. Советская публицистика 50–80-х годов (От В.Овечкина до Ю.Черниченко). М., 1996. С. 7-8.

¹⁸ Цит. по: Оттепель. 1953–1956: Страницы русской советской литературы / Сост. С.И.Чупринин. М., 1989. С. 17.

вал, что сюжеты романов С.Бабаевского, Г.Медынского, Г.Николаевой и других лауреатов сталинских премий также искусственны, далеки от реальности.

По существу, и в годы нэпа, и в период «оттепели» отдельные, преимущественно столичные журналы литературно-критического и общественного содержания отходили от однозначного восприятия окружающей действительности, предлагая аудитории во многом собственные размышления на значимые социальные темы. Это, с одной стороны, подтверждало дополнительную свободу мышления, получаемую журнальной периодикой на этапах либерализации общества, а с другой, терпимое отношение самой власти к такого рода публикациям. В ходе либерально-ориентированной традиции, она допускала проявление нестандартных мнений и позиций. Когда же внутриполитическая ситуация начинала меняться, это сразу же находило отражение на положении дискуссионно настроенных СМИ. Журналы закрывались, редакционные коллективы расформировывались.

Именно так произошло в период нэпа со всеми внепартийными изданиями, о которых шла речь выше. По распоряжению власти они прекратили свое существование к середине 1920-х гг.¹⁹ Примечательно, однако, что даже журнальная периодика партийной направленности, чье содержание не исключало полемичность, оказывалась в сложной ситуации. Власть, формально не запрещая выход журналов, начинала активно вмешиваться в их тематику, меняла редакторов и т.д.

Именно это произошло с двумя литературно-художественными журналами — столичной «Красной новью» (появившейся в 1921 г.) и провинциальными «Сибирскими огнями» (1922 г.). Их особенно существование в 1920-е гг. подтвердили отмеченную нами тенденцию. Оба издания на этапе становления нэпа в той или иной степени продемонстрировали стремление к самостоятельной оценке общественно значимых явлений. Утверждались нетипичные для официальной журналистики формы обсуждения различ-

¹⁹ Журналы «Литературные записки» и «Летописец дома литераторов» эта судьба постигла уже в 1922 г., остальные были закрыты в 1923–1925 гг.

ных вопросов. В их основе была ярко выраженная полемичность, свойственная российской журналистике в периоды либерализации общества. Но именно эта дискуссионность в конечном итоге оказалась неприемлемой для власти.

Редактору «Красной нови» А.К.Воронскому с помощью писателя А.М.Горького и председателя Главполитпросвета Н.К.Крупской удалось собрать под одной «крышей» различных по своему мировоззрению писателей, публицистов, критиков. В числе авторов, чьи произведения появлялись на страницах журнала, были М.Пришвин, А.Толстой, В.Вересаев, В.Шишков, Л.Рейснер, Л.Леонов и многие другие. Единение несхожих взглядов, по мнению А.К.Воронского, должно было помочь лучшему пониманию как социальных перемен, так и перемен в области культуры, происходивших в стране, а с другой — духовно обогатить читателя, помочь ему ощутить преемственность литературных традиций. «Идеологическая окраска, — уточнял редактор «Красной нови» в одной из своих критических статей, — нисколько не изменяет положения дел и не дает права на принципиальное противопоставление этого искусства искусству прошлого»²⁰.

Расширяя возможности творческой свободы, А.К.Воронский способствовал не только формированию полемичного характера «Красной нови», но и упрочению плюрализма и духовных свобод в обществе в целом. В этом смысле «Красная новь» в какой-то степени унаследовала «лицо» дореволюционной периодики либерального направления, в которой традиционно скрещивались различные точки зрения по всем важнейшим вопросам общественной жизни. Более того, А.К.Воронский не гнушался предоставлять страницы своего журнала тем литераторам и критикам, идейную позицию которых он не разделял. В их числе были, например, И.Вардин и Г.Лелевич, активные авторы пролеткультовского журнала «На посту» (организованного в 1922 г.), ратовавшие за развитие исключи-

²⁰ Воронский А.К. О пролетарском искусстве и художественной политике нашей партии // Красная новь. 1923. № 7. С. 267-268.

тельно пролетарской литературы и не раз сильно критиковавшие самого А.К.Воронского и других авторов журнала²¹.

А.К.Воронский проявлял гибкость в постановке не только литературных, но и политических, философских вопросов. Подтверждением этого может служить появление во втором номере «Красной нови» за 1922 г. воспоминаний меньшевика Н.Суханова о событиях в России, вышедших под заголовком «В июне 1917 г.» и отрывков из книги философа-идеалиста О.Шпенглера «Закат Европы». Несмотря на различие политических мировоззрений, Суханов и Шпенглер выглядели схожими в пессимистических оценках настоящего и будущего России. И тот, и другой полагали, что стремительный приход большевиков к власти не может быть позитивным для страны, экономическое развитие и уклад жизни которой не соответствовали уровню поставленных политических задач. Шпенглер, кроме того, считал, что преобразования в России затормозили развитие общеевропейской культуры по причине неизбежного духовного кризиса, который обозначила пролетарская революция.

Публикуя оба материала, А.К.Воронский стремился выйти за рамки «чистой» партийности в содержании журнала. В отношении статей Суханова и Шпенглера это выразилось, в частности, в наличии коротких редакционных послесловий, содержание которых сводилось к тому, что журнал не во всем разделяет мнение авторов и надеется на развитие дискуссии по упомянутым вопросам. «Редакция считает полезным и современным, — отмечалось в одном из комментариев, — открыть на страницах настоящего номера некоторый «парламент мнений» с целью наиболее полного выявления позиции современного коммунизма».

Как видим, публикуя материалы, редакция не ставила перед собой цель усомниться в правоте марксистских взглядов. Тем не менее, А.К.Воронский был вызван к В.И.Ленину и в ходе непродолжительной беседы подвергся самой острой критике за «неопреде-

²¹ Сопшемся, в частности, на высказывание И.Вардина в его статье с характерным названием «Воронщину необходимо ликвидировать» (журнал «На посту», 1924. № 1): «Воронский недооценивает политическое значение литературы... [Его] политика оказывается совершенно беспомощной в разрешении активных политических задач пролетариата в области литературы».

ленность» редакторской позиции. Состоявшийся разговор, несомненно, повлиял на содержание следующего номера журнала. В нем читатель получил возможность ознакомиться со статьей «Философия современного империализма» Ю.Л.Пятакова, в ту пору заместителя Председателя ВСНХ, который давал резко критическую оценку позиции Шпенглера.

Таким образом, мы вправе говорить о двух подходах к развитию партийной идеологии, обозначившихся на страницах «Красной нови» в годы нэпа. Если ленинский подход, сформулированный в соответствии с большевистской концепцией развития печати, сводился к жесткой подчиненности СМИ партийному аппарату, то позиция А.К.Воронского выглядела более уважительной к идейным противникам советского строя. Не идеализируя редактора «Красной нови», можно утверждать, что он проявлял более гибкую позицию в оценках окружающей жизни, чем многие его коллеги по журналистскому цеху. Тем самым журнал А.К.Воронского отстаивал те духовные приоритеты, которые традиционно формировались в России в периоды либерализации общества.

Эти приоритеты, как уже отмечалось, в конечном итоге оказались неприемлемыми для власти. Еще до окончания нэпа в адрес «Красной нови» звучали серьезные обвинения в отходе от партийной линии. На одном из совещаний в ЦК РКП(б), состоявшемся в мае 1924 г., «лицо» издания было признано «не вполне идейным». А.К.Воронского сместили с поста главного редактора «Красной нови», поставив на его место Ф.А.Раскольников (до этого ответственного секретаря журнала «Молодая гвардия»), который стоял на позициях «чистого» пролетарского искусства.

Схожая ситуация сложилась во второй половине 1920-х гг. и у упомянутого нами журнала «Сибирские огни». Став первым партийным литературно-художественным журналом в провинции, это издание с самого начала привлекало на свои страницы разных по мировоззрению авторов. Среди них были, например, профессора Томского университета (П.Драверт, М.Азадовский, А.Ансон). Автором многих статей по вопросам культуры был В.Правдухин, член редколлегии журнала. Развивая идею Воронского о преемственности старой и новой культуры, В.Правдухин ратовал за художествен-

ные достоинства произведений. Только тогда, считал он, искусство может стать мощным, социальным оружием, способным увлечь за собой нового читателя²². Вслед за редактором «Красной нови» В.Правдухин выносил приговор упомянутому выше пролеткультовскому журналу «На посту» и его единомышленникам, выступавшим за приоритеты классового сознания в искусстве. Представляется, что именно недостаточно «последовательная» позиция «Сибирских огней» в отстаивании пролетарской идеологии привела к замене редколлегии журнала на излете нэпа, во второй половине 1920-х гг. «Сибирские огни» во многом повторили эволюцию «Красной нови» в условиях формирования либерально-ориентированной традиции в России.

Не менее драматично складывалась ситуация в годы хрущевской «оттепели» у тех изданий, которые с самого начала стремились отойти от жестко заданных политических ориентиров, предложив свой взгляд на окружающую действительность. Можно считать, что начало этому положило закрытое Постановление секретариата ЦК КПСС (опубликованное позже как решение секретариата Союза писателей СССР) «Об ошибках журнала «Новый мир»». В документе указывалось на наличие «неправильных и вредных тенденций» в отмеченных нами статьях В.Померанцева, Ф.Абрамова и других, формирующих линию, «противоречащую указаниям партии в области литературы»²³. В результате А.Т.Твардовский был снят с поста редактора «Нового мира».

В годы хрущевской «оттепели» литературные издания закрывали и с помощью партийной прессы, что еще раз подтверждало, как непросто складывалась ситуация в журналистике в периоды общественной либерализации. Осенью 1961 г. такая судьба постигла, например, альманах «Тарусские страницы», вышедший по инициативе К.Паустовского. Проза альманаха была представлена именами

²² См. напр.: Правдухин В. Искусство в стихии революции // Сибирские огни. 1923. № 1. Он же: Литературные течения современности // Сибирские огни. 1923. № 2.

²³ Цит. по: История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997. С. 107.

В.Максимова, Ю.Казакова и других, поэзия — стихами Н.Коржавина, Б.Слудского, Д.Самойлова. Вместе с тем, ряд произведений, представленных в альманахе, носил по тогдашним меркам спорный характер. Об этом писала в декабре того же года калужская областная газета «Знамя» (статья «Во имя кого и для чего?» преподавателей местного пединститута Н.Кучеровского и Н.Карпова). Позже, в январе 1962 г., критическая публикация на эту тему появилась и в «Литературной газете». Обсуждение содержания «Тарусских страниц» в печати инициировало отдельное заседание бюро Калужского обкома партии, на котором редактор областного издательства Р.Левита, участвовавший в составлении альманаха, был снят с работы.

Ситуация, иллюстрирующая положение журналов в годы упрощения либерально-ориентированной традиции в советское время, отчетливо подтверждает, с одной стороны, их стремление выйти за рамки привычных духовных ориентиров, а с другой — их же собственную неспособность разорвать сложившиеся политические ограничения, воздействующие на их профессиональную деятельность. Тем не менее, нельзя не признать, что содержание журнальной периодики в эти периоды закладывало благодатную основу для дальнейшего развития журналистики в целом. В годы нэпа и «оттепели» оно было направлено на духовное просвещение и нравственное воспитание общества путем ознакомления его с лучшими образцами литературного творчества. Этому же способствовала весьма определенная гражданская позиция, которую формировали эти издания, ставшие значимым явлением общественной жизни в нашей стране. Благодаря им, как писала «Молодая гвардия», читатель получил «не обывательское чтиво, где сглажены все углы». На повестку дня встали «острые проблемы современности», выраженные литературным и публицистическим языком²⁴.

Правильно утверждать, что на содержании «толстых» журналов обоих либерально окрашенных периодов формировалось не одно поколение советских читателей. Литературный журнал, нацеленный не только на восприятие художественных произведений, но и

²⁴ Цит. по: Молодая гвардия. 1927. № 5. С. 194.

общественно-политической проблематики, стал, таким образом, своеобразной связующей нитью между поколениями в отстаивании либеральных ценностей, присущих интеллектуальной части общества.

§ 2. Содержательная политика газетных изданий в годы хрущевской «оттепели»

Наше внимание к газетной прессе периода «оттепели» определяется заметной модификацией ее содержания на фоне предшествующих десятилетий советской истории. Этого, как уже отмечалось, не произошло в годы нэпа, ввиду неизменности политических ориентиров «сверху». Годы «оттепели» были отмечены изменившимся уровнем содержательности прессы, новой постановкой общественно значимых проблем. Вместе с тем, они подтвердили объективную неспособность газетных СМИ преодолеть те противоречия, которые были заложены в их существование вследствие всестороннего воздействия власти на журналистику.

Для раскрытия содержания этого параграфа наше внимание сосредоточено на публикациях преимущественно центральной печати – газет «Комсомольская правда», «Известия», «Советская культура» и «Литературная газета». Если первые два издания всегда были рассчитаны на массовую аудиторию, то последние два – на более образованных читателей, преимущественно из числа интеллигенции. Сопоставление тематического своеобразия и проблематики этих газет позволит лучше представить участие СМИ в процессе либерализации общества.

Обобщая опыт журналистики этих лет, следует признать, что влияние «оттепели» дало себя знать, прежде всего, в появлении значительно большего числа материалов по социально-экономической, культурной тематике. Пресса также активно обращается к вопросам развития сельского хозяйства (особенно в годы освоения целины), науки, технического прогресса и т.д. Возросшая полемичность публикаций, активное использование в те годы читательских писем, мнений специалистов по обсуждаемым вопросам подтверждали в совокупности больший динамизм общественного раз-

вития в различных его проявлениях, свойственный периоду правления Н.С.Хрущева на фоне предшествующих десятилетий.

Несмотря на многообразие содержания, отдельные темы мы вправе назвать стержневыми для журналистики того времени. Следует отметить в первую очередь ее осознанную попытку показать внутренний мир человека, независимо от того, какая сфера общественной жизни оказывалась в центре внимания редакционных коллективов. Образы, созданные в журналистике тех лет различны в своих проявлениях, тем не менее, многих из них отличает осознанное стремление понять природу хорошего и плохого. Если в прежнюю эпоху, по определению писателя Ч.Айтматова, «за «монументальным» железобетонным нагромождением <...> забывался человек, его простые человеческие качества и страсти»²⁵, то теперь, в годы «оттепели», человек вышел на первый план.

Как и в литературе, в СМИ долгое время присутствовал шаблон в показе личности. Годы «оттепели» были отмечены постепенным его разрушением, вначале осторожным, а потом все более заметным. Ощутимым выглядело желание журналистики выйти за рамки одностороннего описания личности, в результате герои очерков и репортажей воспринимались уже не столь упрощенно, как прежде. Внимание СМИ все более сосредоточивалось на исследовании мироощущений, морально-нравственных принципов, которыми руководствуется человек в повседневной жизни и т.д. Все это делало публикации проблемными, а нередко и спорными, полемичными. Одновременно пресса воспринимала происходящее в жизни своих героев не отвлеченно, а, что называется, «близко к сердцу», открыто высказывая собственные суждения по поводу происходящего.

Показательна в этом отношении, например, статья писателя И.Эренбурга «Ответ на одно письмо», появившаяся в «Комсомольской правде». Известный писатель высказывает свое мнение по поводу письма девушки Нины, которая поделилась с газетой о своих сложных отношениях с молодым инженером Юрием. Для журналистики сталинского времени использование столь «частной» темы выглядело бы, по меньшей мере, странным, в годы «оттепели»

²⁵ Айтматов Ч. Побеждающая доброта // Лит. газета. 1962. 11 сент. С. 1.

такие материалы становятся привычными. Печати этого времени явно свойственна потребность помочь человеку разобраться в своих чувствах, мыслях, принять правильное решение. Во всем этом нельзя не увидеть со стороны печати проявления соучастия к своим героям, нуждающимся в совете. С этих же позиций воспринимает ситуацию и И.Эренбург. Оценивая саму Нину, он пишет о том, что «для нее «Дама с собачкой» не глупое прозвище, а правда о любви, раскрытая Чеховым». Подводя же итог сказанному, писатель отмечает в своей героине «человечность, ненависть к сухости, к равнодушию, без которых жизнь — это ряд унылых движений»²⁶.

В этом проявился новый взгляд журналистики на окружающий мир, раздвигающий однотипные рамки восприятия героя. Сам герой, в свою очередь, представал по-настоящему живым человеком, волнующимся за судьбу дела.

Стремление увидеть за общей ситуацией заботы конкретного человека было присуще в годы «оттепели» многим центральным газетам. Однако бесспорным лидером среди них в этом отношении стали в первой половине 1960-х гг. «Известия». Главный редактор этой газеты А.И.Аджубей попытался сделать ее не только оперативной и критичной по содержанию, но, в первую очередь, живой, интересами рядового читателя (что выглядело по-настоящему необычным для того времени).

Отмеченный подход можно ощутить едва ли не в каждом номере «Известий». Именно здесь в конце 1950-х гг. утверждала себя целая плеяда журналистов, чьи имена за короткое время стали известны всей стране: Татьяна Тэсс, Анатолий Аграновский, Эдвин Поляновский, Геннадий Лисичкин. В центре их внимания всегда находились самые различные люди (кстати, далеко не всегда положительные, что также было новым для журналистики того времени) с конкретными проблемами. Это делало их творчество особо привлекательным в глазах «простого» читателя. Во многом благодаря названным журналистам, «Известия» стали изданием, попытавшимся одним из первых в стране отойти от схематизма в показе конкретных людей и ситуаций, которые их окружают. Этот же гу-

²⁶ Эренбург И. Ответ на одно письмо // Комс. правда. 1959. 2 сент. С. 2-3.

манистический подход, в основе которого было желание «Известий» помочь своим героям, проявлял себя во многих материалах газеты.

Отличительная особенность прессы этого времени проявилась, однако, не только в ее стремлении лучше раскрыть природу самого человека, его душевные качества. Расширение рамок восприятия окружающей жизни, ощущавшееся в периоды либерализации во всех проявлениях культуры, в журналистике нашло себя в социальной обобщенности фактов и явлений. В период «оттепели» на эту обобщенность, несомненно, повлияло разоблачение культа личности Сталина на XX съезде партии. Хотя соответствующий доклад Н.С.Хрущева так и не был опубликован в печати, интонации этого выступления проецировались на речи героев, делая их граждански зрелыми и потому запоминающимися.

Героиня «Литературной газеты» Антонина Иванова, бригадир сельхозартели из Рязанской области — «такая же простая, как все, как сто тысяч других в России», подобно многим другим героям журналистских материалов отстаивающая свои взгляды публично, не прячась за спины окружающих. В своих рассуждениях о жизни Иванова поднимается до недоступного прежней журналистике уровня критического обобщения. «Знаете, чем они людей за руки держали, чем рты затыкали?» — задается она вслух вопросом о стиле поведения партийных чиновников. — Партией, Коммунистической партией прикрывались, наверх, на Москву, на Центральный комитет кивали. <...> Своя амбиция, своя честь мундира оказались для них всего дороже: обманывали и ввали. А попросту сказать — разлагали людей»²⁷.

За последними словами, как и содержанием всех приведенных выше материалов, нельзя не увидеть серьезного нравственного поворота, который совершает центральная журналистика периода «оттепели». Она стремится в меру возможностей «приподняться над фактами», оценить происходящее через восприятие своих героев.

Потребность журналистики в большей социальной направлен-

²⁷ Лопатина Е. Николаевна // Лит. газета. 1962. 20 янв. С. 1.

ности неизбежно приводила к увеличению числа проблемных и критических материалов на газетных страницах. Различные вопросы стали рассматриваться не «вообще», а применительно к конкретным людям, что соответствовало выдвигаемой на первый план уже обозначенной выше «теме личности». Отличительная особенность прессы заключалась в ее более осознанном, чем прежде, стремлении помочь человеку в решении его повседневных забот, а если возможно, взять его под свою защиту. «Глобальные» проблемы, поднимавшиеся в печати в сталинское время, дополнились обсуждением, казалось бы, второстепенных вопросов с привычной точки зрения, но для каждого человека в отдельности приобретающих особую значимость. Если раньше газеты изобиловали «общими» материалами, стремясь дать «ценные указания» как можно большему числу людей, критикуя руководителей за любые недостатки (благо в каждой отрасли промышленности, на любом предприятии их можно найти множество), то в годы хрущевской «оттепели» критика стала более конструктивной. Рецидивы прежнего, достаточно поверхностного восприятия ситуаций, конечно, остались, но дополнились более внимательным, конкретным взглядом на окружающую действительность.

Своими действиями пресса вызывала к себе ответную реакцию со стороны читателей. Появление на страницах газет рубрик «Почтовый ящик», «Нам пишут» и им подобных — также характерная черта отмеченного времени, свидетельство возросшего интереса самой журналистики к судьбам «простых людей». В центральных газетах получила прописку рубрика «Вопросы к министру», материалы которой нередко занимали целые полосы. В таких публикациях поднимались самые повседневные вопросы: о том, почему на стройке не хватает мест в общежитиях, почему до сих пор не построен обещанный клуб и т.д. Таким образом, журналистика, которая в сталинские годы критиковала людей лишь за невыполнение партийных и производственных заданий, в новых условиях открыто заговорила о нравственной ущербности отдельных руководителей, их невнимании к людям. В этом отношении журналисты этого времени как бы подхватили эстафету от В.Овечкина и Е.Дороша, которых в первую очередь интересовала психология поведения личности.

Развиваясь в рамках либерально-ориентированной традиции, журналистика попыталась выйти за пределы однозначного восприятия ситуаций, давая менее упрощенное, чем прежде, восприятие целостной действительности. Тем самым она формировала в сознании читателей более диалектическую картину окружающей жизни. Отход журналистики от одномерной трактовки различных фактов и явлений, начавший проявляться именно в этот период, знаменовал собой формирование новых нравственных ценностей во взаимодействии власти, с одной стороны, и общества, отдельно взятой личности — с другой. Это, в свою очередь, свидетельствовало о том, что привычная тоталитарность политических отношений, сложившаяся в советском обществе, уступает место проявлению либерализации в духовной сфере. В условиях привычной субординации «верхов» и «низов» последние стали проявлять себя активнее, самостоятельно иницируя постановку в прессе непривычных для нее прежде вопросов.

Вместе с тем, печатная журналистика хрущевского десятилетия, расширив пределы своего мироощущения, так и не сумела кардинально изменить его. Это было обусловлено привычной подчиненностью СМИ партийно-государственной системе, их строгой зависимостью от решений власти. Поэтому и содержательный уровень журналистики остался без изменений во многих своих проявлениях. Ей по-прежнему было присуще манипулятивное воздействие на массовое сознание (см. V главу), выраженное в существовании стереотипов, мифов и имидж-технологий.

Как уже отмечалось, стереотипы оказывают в целом деструктивное воздействие на личность, упрощая многомерную картину окружающей ее действительности, формируя однотипные подходы в процессе восприятия духовных ценностей. Так же, как и в сталинское время, пресса периода «оттепели» настойчиво проводила идею о патерналистской роли советского государства, «несущего ответственность за судьбы и будущее своих людей» и партии, выражающей исключительно «народные интересы».

Следствием существования в прессе стереотипа о патерналистской роли партии было то, что газеты связывали происходящие перемены исключительно с «мудростью» руководства страны, без ко-

торой те не стали бы возможными. Отсюда высказывания деятелей Политбюро партии и лично «дорогого Никиты Сергеевича» выглядели в печати этого времени как единственно правильные, как прямое руководство к действию. «Чем и как мы ответим на призыв Н.С.Хрущева, — задавался вопросом в «Советской культуре» народный артист СССР Н.Мордвинов, — создавать такие яркие и талантливые книги, которыми люди зачитывались бы, такие фильмы, которые люди смотрели бы с удовольствием, такую музыку, которую слушали бы с наслаждением?!»²⁸.

Аналогичным образом ставились в печати вопросы экономики, науки, медицины и других сфер развития общественной жизни. Частое цитирование Н.С.Хрущева и беспрестанное подчеркивание его заслуг в прессе вели к возвеличиванию личности Первого секретаря ЦК партии. В этом отношении журналистика повторяла свой же опыт, унаследованный от сталинского времени и, по сути, продолжила традицию тоталитарного характера власти. В годы «оттепели» развитие СМИ продолжалось в рамках жесткой зависимости от проводимых в жизнь партийных решений, и в этом смысле журналистика этого времени также практически не отличается от журналистики прежних десятилетий. Суждения партийных деятелей по-прежнему были для нее непреложным законом, касались ли они того, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» или безудержного оптимизма по поводу будущности советской кукурузы. Показательно высказывание самого Н.С.Хрущева, произнесенное на встрече с делегатами Первого Всесоюзного съезда журналистов (1959 г.): «Вы, журналисты не только верные помощники, а буквально подручные нашей партии - активные борцы за ее дело. Почему подручные? Потому что вы действительно всегда у партии под рукой»²⁹.

Эта оценка журналистов, как «подручных партии», была в ходу на протяжении всех лет правления Н.С.Хрущева (а потом и Л.И.Брежнев), что отчетливо подтверждает степень тогдашней политической свободы и творческой самостоятельности СМИ.

²⁸ Мордвинов Н. Позывные эпохи // Сов. культура. 1961. 16 мая. С. 1.

²⁹ Съезд журналистов, 1-й, 1959 г.: Стенографический отчет. М., 1960. С. 11.

Вместе с тем, их положение выглядело типичным в сопоставлении с предыдущими либерально-ориентированными периодами в истории нашей страны. В условиях развития гласности, большей информационной и аналитической содержательности материалов, разнообразия подходов в раскрытии той или иной темы ощущалось и прямое воздействие на журналистику со стороны правящего аппарата, его стремление соотнести содержание СМИ со своими политическими приоритетами. Наряду с этим и сама журналистика по причине многолетней зависимости от партийной идеологии в годы «оттепели» оказалась неспособной выйти за привычные рамки восприятия окружающей жизни. Оценивая газетные материалы этих лет, нельзя не увидеть, как довлела на журналистику традиция тоталитарности политических отношений, делавшая невозможным кардинальные отходы от проторенного «сверху» идейно-политического пути.

Это нашло свое отражение не только в статьях и корреспонденциях, но и в письмах читателей. Выносимые на первые страницы периодических изданий, они чаще всего раскрывали тему трудовых свершений бригад, цехов и целых предприятий, которая выглядела неотделимой от темы борьбы этих коллективов за идеалы социализма и коммунизма. Писем в газетах появлялось больше после принятия в ЦК КПСС очередного решения или постановления. Типичным на общем фоне выглядело мнение Михаила Романова, бригадира комсомольско-молодежной бригады одного из ленинградских заводов, опубликованное в газете «Советская культура» после принятия ЦК ВЛКСМ тезисов к 40-летию этой организации. Отмечая, что при чтении тезисов, он думает «о своих товарищах по бригаде, о себе самом, о судьбе своего поколения», М.Романов пишет: «Вся наша бригада считает: мы работаем для коммунизма. Потому и продукцию выпускаем только отличного качества, потому и учатся все члены нашей бригады. <...> Молодежь того, будущего, поколения подумает о нашем поколении: счастливые были люди, они первыми вошли в коммунистическое общество»³⁰.

Слова «мы», «наша», неоднократно использованные в приведен-

³⁰ Романов М. Читая тезисы... // Сов. культура. 1960. 11 окт. С. 1.

ном письме, иллюстрируют наличие не только так называемого патерналистского стереотипа, отмеченного выше, но и таких стереотипов, как главенство коллективного мнения над индивидуальным, преимущество коллегиального решения вопросов (см. главу V). Письма аналогичного содержания постоянно появлялись и в местной прессе, что отчетливо подтверждало следование низовой печати идейно-политическим установкам, существующим для журналистики «высшего ранга». Эти же письма в совокупности унифицировали многообразие общественной жизни, делая ее более упрощенной и политически заданной.

Наряду со стереотипами в прессе этого времени утверждались и мифы. Говоря о проявлениях мифологизации в журналистике сталинской эпохи, мы отмечали универсальное проявление этого способа манипулятивного воздействия, а именно: придание конкретному образу определенных идеализирующих черт характера, отрывающих его от реальной действительности. В этом случае за первым пластом восприятия этой личности как бы вскрывается второй, по словам А.В.Гайды и В.В.Китаева, более сокровенный, который и задает ориентацию ее поведения и мышления³¹. Обобщая образ так называемой «положительной личности», можно утверждать, что она, несмотря на возросшую многогранность ее натуры, была все же сориентирована на определенное восприятие жизни. В соответствии с долгими традициями журналистики портретные материалы нередко выглядели упрощенно, подчас даже схематично. Наличие в них на протяжении долгого времени только черно-белой, без полутонов, палитры определило односторонний взгляд на природу человека и в хрущевские годы. Во многом именно отсюда шло большое число штампов, присутствующих при описании «хороших людей».

Помимо стереотипизации и мифологизации в журналистской практике хрущевского десятилетия использовался еще один способ манипулятивного воздействия — имидж-технология. Утверждение последней в содержании журналистских материалов позволяло создать значимость того или иного явления за счет придания

³¹ См.: Гайда А.В., Китаев В.В. Власть и человек. Свердловск, 1991. С. 14.

ему социальной обобщенности. Этот прием использовался, в частности, тогда, когда журналистика стремилась пресечь попытки личности выйти за рамки дозволенного «сверху», будь то проявления моды, «чуждых» нам эстетических вкусов и т.д. При этом прессой создавалась заданная социально-психологическая установка, формирующая ассоциативное мышление в ярко негативной форме.

Соплемся на дискуссию, прошедшую на страницах «Комсомольской правды» по поводу характера буржуазной идеологии. Эта идеология, писала газета, «ищет неприметных, на первый взгляд, обходных путей, чтобы прельстить мещанина. Она то оборачивается модной ковбойкой, то «ультрасовременным» танцем, то представится в пошленьких похождениях на экране под титулом «новой буржуазной кинокомедии»»³². «Комсомолка», таким образом, стремилась четко обозначить, что является приемлемым для советского человека, а что нет. При этом в полном соответствии с существованием имидж-технологии, отсутствовали какие-либо аргументы, позволяющие понять логику того или иного высказывания. При этом тем, кто не желал следовать «общепринятым нормам» в моде, журналистика автоматически приклеивала ярлыки: «потакатели капиталистической морали», «безнравственные отщепенцы», «ревнители западной моды» и т.д. Эти примеры отчетливо подтверждают, какую форму приобретала отмеченная нами социальная обобщенность темы.

Схожий подход демонстрировала журналистика в восприятии событий международной жизни. В некоторых случаях, правда, журналистика в соответствии с духовной либерализацией общества «открывала шлюзы», знакомя читателей с особенностями западных реалий. Примером тому могут служить очерки и статьи лондонских корреспондентов «Известий» В.Осипова и М.Стуруа, «правдиста» Б.Стрельникова, работавшего в Нью-Йорке в первой половине 1960-х гг., в которых не последнее место отводилось описанию быта людей, национальных традиций и т.д.³³ Однако в большинстве случаев пресса следовала крайне консервативным пред-

³² Почивалов А. Какой ширины шить брюки? // Комс. правда. 1958. 5 окт. С. 2.

³³ Подробнее см.: Стровский Д.Л. История отечественной журналистики новейшего периода: Лекции. Екатеринбург. 1998. С. 180-184.

ставлениям при восприятии западной действительности, внедряя уже знакомые нам имидж-технологии.

Типичным примером, подтверждающим это, выглядит заметка из «Литературной газеты» того времени, рассказывающая «об империалистах — поджигателях войны»: «Они хотели бы сеять смерть с помощью последних достижений техники. Но профессия их существовала уже в глубокой древности и называлась она одним словом: убийцы!»³⁴.

Как видим, развитие журналистского процесса в годы «оттепели» выглядело весьма сложным, ввиду двойственности позиции Н.С.Хрущева по многим вопросам и, в соответствии с этим, противоречивости его политического курса. Этот фактор оказал существенное воздействие на всю общественную жизнь в стране. С одной стороны, последующему, брежневскому, периоду была свойственна утвердившаяся до этого возросшая свобода в различных областях культуры. Власть оказалась не в состоянии вновь использовать ту политику диктата, в том числе духовного, проводимую в стране в сталинские годы. С другой стороны, уже первые послехрущевские годы были отмечены рядом событий, свидетельствовавших о свертывании «оттепели» и усилении тоталитарного характера общественных отношений. Можно вспомнить ряд судебных процессов политического характера (по «делу А.Синявского и Ю.Даниэля», над инакомыслящими — Ю.Галансковым, А.Гинзбургом и другими), активизацию политической цензуры (против которой выступил в 1968 г. А.И.Солженицын), ввод советских войск в Чехословакию и другие факты.

Все это определило эволюцию журналистики в 1960-1980-х гг. В ряде проявлений своей деятельности она продолжила начатое в период развития либерально-ориентированной традиции. Это относится к расширению как тематического, жанрового своеобразия СМИ, благодаря чему журналистика как социальный институт сумела усилить обратную связь с аудиторией. Огромной популярностью в эти годы пользовался, например, очерк (проблемный, портретный, путевой и т.д.). Отличительной чертой материалов не

³⁴ Лит. газета. 1962. 10 июля. С. 4.

только прессы, но и радио, телевидения, стала вера их авторов в возможности человека, способного преодолевать жизненные неурядицы благодаря своей силе воли, характеру, душевным качествам.

С позиций сегодняшнего времени некоторые из тех материалов воспринимаются романтическими, в чем-то даже наивными (особенно те, герои которых работают в первую очередь ради блага других людей, ощущая при этом личное счастье). Однако они сыграли значимую роль для формирования гражданской позиции многих людей, их нравственного становления. Общество постепенно отходило от безропотного следования директивам «свыше» и ощущало потребность видеть своими героями тех, кто строит свою жизнь не по принципу безропотного подчинения приказам и инструкциям, а «по указке сердца», без оглядки на начальников. Закономерно поэтому, что в послехрущевское время жизненно востребованной стала очеркистика В.Ткаченко («Правда»), И.Руденко и Я.Голованова («Комсомольская правда»), продолжившая нить «нравственной» журналистики, заложенной в годы «оттепели». Эта журналистика утверждала себя не только в очерках, но и репортажах, интервью — жанрах, которым также традиционно присущ личностный взгляд авторов и которые получили новый импульс в 1960-е гг. Их использование и тогда, и позже свидетельствовало о возросших возможностях СМИ в выражении своих взглядов.

Наряду с этим в СМИ различного уровня продолжила утверждать себя критика, направленная против преодоления различных недостатков, существующих в обществе. Правда, она распространялась преимущественно на нерешенные бытовые, хозяйственные вопросы и в силу партийной заданности журналистики не могла подняться до уровня глобальных социальных обобщений. Однако стремление журналистики периода «оттепели» более пристально, чем раньше, всмотреться в работу различных органов власти в центре и на местах привело в дальнейшем к появлению на страницах прессы таких тем, как криминализация власти и общества, бюрократизм чиновничьего аппарата, бытовая неустроенность нашей жизни. Они были особенно заметны на страницах «Литературной

газеты», в творчестве ее публицистов А.Ваксберга, О.Чайковской, А.Рубинова. По этим и другим общественно значимым вопросам выступали в СМИ не только профессиональные журналисты, но и привлеченные внештатные авторы.

Заметное расширение круга этих авторов — еще одна отличительная черта отечественной журналистики, обозначившаяся в начале 1960-х гг. и продолжившая свое развитие в дальнейшем. Весо-мое место в содержании печати заняли, например, «круглые столы» по политическим, экономическим и другим темам и регулярно появлявшиеся подборки писем от читателей. Изменился и социальный статус авторов. Если в предшествующие десятилетия подавляющую часть нештатных корреспондентов составляли освобожденные партработники, представители рабочего класса и крестьянства (в соответствии с ленинской теорией развития партийной печати), то в годы «оттепели» и позже центральная и местная пресса стала активно предоставлять слово представителям интеллигенции — деятелям науки, производства, культуры, образования и т.д.

Можно вспомнить выступления профессора Е.М.Либермана по вопросам развития экономики страны, регулярно появлявшиеся в 1960-е гг. в «Правде», «Известиях», «Литературной газете», «Труде» и других изданиях. В своих статьях и очерках Е.М.Либерман акцентировал внимание на необходимости разработки новой системы планирования и экономического стимулирования, внедрения повсеместной оплаты труда, основанной на его конкретных результатах и т.д. Тот факт, что СМИ неоднократно публиковали его мнения, которые зачастую расходились с официально принятыми, подтверждало сохранившуюся актуальность «оттепельных» подходов журналистики к осмыслению действительности.

Вместе с тем, отмеченные подходы постоянно вступали в противоречие со стереотипами привычного мышления со стороны власти. Результатом этого перманентного конфликта (временами скрытого, временами принимающего более явные формы) становилось вторжение власти в деятельность СМИ, контроль над содержанием публикаций, выраженный в виде предварительной цензуры³⁵. Журналистика в «послеоттепельные» годы сохранила тра-

³⁵ На это указывают материалы, хранящиеся в бывшем архиве аппарата ЦК

диционную подчиненность господствующей в стране политической системе. Это выражалось в идеологической и организационной зависимости СМИ от партийных органов. Как и в годы правления Н.С.Хрущева, на газетных страницах в обязательном порядке присутствовали рубрики «Партийная жизнь», «В партийных организациях», регулярно публиковались выступления руководителей парторганизаций различного уровня. В передовых статьях, журналистских материалах, письмах читателей независимо от тематики материалов звучали ссылки на выступления Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И.Брежнева, других членов Политбюро, что также символизировало политическую направленность СМИ.

Следствием этой направленности можно объяснить и антигуманные тенденции в журналистике. Начавшиеся в период «оттепели», они продолжились в 1970–1980-е гг. Активные «разоблачения» писательской деятельности А.Солженицына, неприязненные отзывы о творчестве композитора А.Шнитке, театрального режиссера Ю.Любимова, дирижера Г.Рождественского, принявших участие в постановке оперы «Пиковая дама» на сцене парижского театра (1978 г.), разгром московского литературного альманаха «Метрополь» (1979 г.) — все это нашло место в центральной прессе, также определив ее содержательное «лицо». К этому стоит добавить резкое неприятие журналистикой диссидентских настроений в обществе: соответствующие настроения выражались преимущественно в авторских письмах, которые готовились в редакциях и, получив одобрение ЦК, публиковались на газетных страницах. Все эти проявления журналистского творчества вписывались в общую систему пропагандистского воздействия, укрепляя тоталитарную традицию.

Таким образом, журналистика послехрущевского времени аккумулировала тенденции, заложенные в годы либерализации. С од-

КПСС, а ныне Российском государственном архиве новейшей истории (РГНИ), в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) и других архивах. Отдельные письма и документы, относящиеся к особенностям взаимодействия власти и журналистики в 1950–1980-е гг. в настоящее время опубликованы. См., например: История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997; Пресса в обществе (1959–2000). Оценки журналистов и социологов. Документы. М., 2000. С. 451–594.

ной стороны, она активизировала интерес к внутреннему миру своего героя, его заботам и интересам, что способствовало гуманизации общества, усилению его духовного начала. С другой стороны, журналистика ограничивала интерес читателей сложившимися «свыше» представлениями об окружающей действительности, что не позволило ему выйти за пределы традиционно сложившегося в стране информационного поля.

Сочетание двух мировоззренческих начал в СМИ определило их эволюцию вплоть до второй половины 1980-х гг., когда начали меняться политические приоритеты власти и общества. Последнее десятилетие в рамках обозначенного нами периода исследования во многом утвердило привычный путь взаимоотношений власти и общества, хотя и в более мягкой форме. В итоге журналистика, как и прежде, оказалась вписанной в традиционную систему политических координат. Это свидетельствует о цикличности и прогнозируемости развития СМИ в советское время, позволяет лучше понять особенности их профессионального восприятия окружающей действительности.

В завершение данной главы сделаем основные выводы, касающиеся ее содержания:

- * Либерально-ориентированная традиция, дважды проявившая себя в советское время, утверждала свое развитие в условиях тоталитарного воздействия власти на общество. Это обусловило непосредственность претворения на практике самой традиции, зависимость ее эволюции от «субъективного фактора» — заинтересованности «верхов» в реформаторских преобразованиях;

- * По причине ярко выраженного «субъективного фактора» в реализации отмеченной традиции ее «лицо» существенно разнилось в периоды нэпа и хрущевской «оттепели». Это повлияло на характер преобразований и эволюцию журналистики. Специфика этой эволюции выразилась в особом содержании СМИ, утвердившихся на каждом из двух исторических этапов, своеобразии тематики, круге авторов изданий и т.д.;

- * В силу сказанного абсолютная идентификация журналистики в ходе нэпа и хрущевской «оттепели» в принципе выглядит некорректной. Этот фактор учитывался нами при исследовании содержания прессы;

* Либерально-ориентированная традиция, несмотря на краткость обоих периодов ее существования в советское время, всякий раз в той или иной степени предопределяла последующее развитие отечественной журналистики. Таким образом, содержание СМИ вместило в себя проявления автократического и либерализованного начал, что определило журналистику 1917–1985 гг. как феномен политической и духовной жизни.

Пребывание журналистики в рамках либерально-ориентированной традиции позволило всесторонне представить ее содержательные приоритеты, что внесло существенные уточнения в целостное восприятие эволюции СМИ на протяжении всей советской эпохи.

Заключение

Вторая половина 1980-х годов и последующее десятилетие были отмечены принципиально новыми особенностями существования отечественной журналистики. Разрушение прежнего монополизма в политической и духовной сферах привело к изменению сложившегося в советское время информационного поля, в рамках которого строили свою профессиональную деятельность редакционные коллективы. Принципиально новая ситуация применительно к журналистике ознаменована расширением плюрализма мнений, появлением большого числа новых негосударственных СМИ, исповедующих различные идейные и содержательные позиции.

Казалось бы, в новых социально-политических условиях отпадает необходимость возвращаться к журналистскому опыту 1917–1985 гг. Подойдя к его осмыслению с учетом эволюционного развития прессы, мы постарались доказать, что этот опыт не является схоластическим, лишенным актуальности в наше время. Он может быть учтен при определении российской государственной политики в области СМИ, при формировании концепций развития отдельных изданий. Журналистский опыт, накопленный в советский период, представляет собой весомую часть культурного наследия общества. Посредством изучения различных его проявлений появляется возможность зримо представить особенности политического развития страны. В этом смысле данную книгу можно считать определенным вкладом в общую копилку познания общен исторической и культурной эволюции России.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что журналистская практика осуществлялась не спонтанно или только в угоду интересам власти, как это может показаться при поверхностном рассмотрении особенностей функционирования СМИ. Их развитие строилось на основе сложившихся особенностей духовной культуры, утвердившейся на протяжении длительного времени, с учетом политических традиций нашего общества. Рассмотрение печатной журналистики советской эпохи, исходя из этих традиций, позволило увидеть новые, не изученные прежде содержа

тельные тенденции и закономерности. Благодаря этому, мы получили возможность всесторонне представить информационное поле, сложившееся в конкретных политических условиях, что является значимым в рамках исследования журналистской деятельности.

Изучение темы, вынесенной в заглавие работы, позволило сделать ряд концептуальных заключений:

1. Значимость журналистики советского периода заключается в ее соответствии духовным ценностям, присущим отечественной культуре, которая, как целостное явление, существенно влияет на развитие общества. Будучи фактором социального развития, культура является ключевым понятием для раскрытия сути и характера политической культуры, действующей в любом обществе и влияющей на развитие его политических традиций. Эти традиции, выработанные веками, оказываются мало подвластными сиюминутным переменам и поэтому выглядят значимой и одновременно эффективной шкалой для измерения особенностей взаимодействия власти и общества. Пренебрежение к традициям порождает искаженные представления о менталитете общества, без чего невозможно объективное прочтение отечественной истории.

2. Политические традиции оказались недооцененными в ходе сегодняшних преобразований в нашей стране, более того, новая генерация политиков, пришедших к власти, им попросту пренебрегла. Рыночные реформы повлекли за собой отказ от многих установок в области политики, духовной культуры, морали, сформированных на протяжении долгого времени. Не оспаривая насущную необходимость нынешней трансформации политических отношений в стране, необходимо признать, что стремление к быстрому осуществлению задуманного привело к серьезным социальным катаклизмам, повлиявшим на состояние общества. Осознание ценности политических традиций, выступающих, прежде всего, как нравственная ценность нации, таким образом, исключительно важно для осознания возможностей и перспектив развития страны.

3. В ходе многовековой исторической эволюции России отчетливо обнаружил себя целый ряд политических традиций, наложивших отпечаток на духовно-мировоззренческие ориентиры общества. Главенствующей среди них стала традиция авторитарного

поведения власти. В условиях неразвитости в стране демократических форм правления сложившийся характер политических отношений существенно повлиял на особенности взаимодействия «верхов» и «низов». В политической сфере он проявил себя в наличии сильной «державной руки», способной подавить любые проявления инакомыслия и одновременно стабилизировать многочисленные кризисные ситуации. Эта дихотомия является значимой для понимания специфичности общественной ситуации в России, активного воздействия субъективного фактора, предопределявшего развитие политики на всех этапах исторического развития страны.

Длительное формирование в России определенного типа политических отношений привело к унифицированному восприятию окружающей действительности со стороны широких социальных слоев. Наряду с этим с целью более эффективного воздействия на общество власть стремилась упрочить в массовом сознании идею социального консенсуса между «верхами» и «низами» как необходимого условия стабилизации жизни. Основу для этого давал традиционный уклад жизни, особенности массового религиозного сознания.

Еще одной ярко выраженной особенностью исторической эволюции России стали регулярные, хотя и весьма скоротечные, проявления либерализации политических отношений. Либерально-ориентированная традиция также шла от отмеченного выше автократического характера власти и всякий раз определялась потребностью самой власти избежать политического кризиса. Во многом именно поэтому сама либерализация часто осуществлялась спонтанно, преимущественно на основе личной воли руководителей государства.

4. В советское время отмеченные традиции получили логическое развитие, с учетом сложившихся особенностей взаимодействия власти и общества. Изучение этих закономерностей выглядело для автора принципиально важным, ввиду обоснования последовательной эволюции политического процесса в России.

Традиция автократического характера власти была модифицирована в традицию тоталитарности политических отношений.

Субъектом утверждения этой тоталитарности стала коммунистическая партия, распространившая свое влияние на все проявления окружающей жизни. Предложенный подход повлек за собой изменение и так называемой «консенсусной» традиции, сформировав ее очертания в соответствии с политическими целями и задачами. Результатом этого стало упрочение политически заданного коллективизма как продолжения прежней традиции. Этот коллективизм основывался на принципе демократического централизма, предполагавшем безоговорочное подчинение меньшинства большинству и распространившем свое влияние не только на внутрипартийные отношения, но и на всю общественную практику. В повседневной жизни он проявил себя в развитии соцсоревнования, всевозможных починов, в массовых политических кампаниях, направленных против внутренних и внешних врагов социализма и т.д.

Либерально-ориентированная традиция в период советской истории получила развитие в годы проведения нэпа и хрущевской «оттепели» и каждый раз способствовала «потеплению» внутриполитической обстановки. И хотя оба периода были скоротечными и не внесли принципиальных изменений в систему политического управления в стране, во взаимоотношения между «верхами» и «низами», они создавали основу для расширения общего диапазона творческого мышления и формирования гуманистического настроения общества. Все это всякий раз оставляло весьма заметный след в его сознании, поднимая на новую высоту уровень политического и нравственного мышления. Вместе с тем, всякий раз под воздействием сложившихся принципов управления либерально-ориентированная традиция не могла принять необратимый характер и неизбежно прекращала свое существование.

5. Через политические традиции исследовалось в данной работе содержание журналистики советского времени. Автор исходил из того, что сама журналистика, являясь важнейшим социальным институтом, оказывается также действенным механизмом актуализации традиций. Соотнесение названных понятий через исследование большого количества материалов СМИ позволило обнаружить новые закономерности влияния политической власти и на печатные средства массовой информации. Предложенный подход с

самого начала виделся перспективным для научного обобщения. Восприятие СМИ, исходя из политической эволюции советского общества, позволило увидеть неисследованные прежде особенности существования журналистики, специфику ее взаимодействия с властью и обществом.

6. Журналистика советского периода стала отражением, прежде всего, тоталитарной традиции в системе партийно-государственного устройства, что определило все организационные и содержательные особенности ее существования. Свою политику в этой сфере новая власть начала с ликвидации оппозиционной печати, одновременно она приступила к формированию системы партийной прессы. В соответствии с жесткой подчиненностью печати органам власти позиция самих СМИ выглядела идеологически выверенной. Всестороннее воздействие партийной идеологии определило прямолинейность журналистских оценок в отношении многих событий и фактов окружающей жизни. И если в центральной прессе эта упрощенность выглядела завуалированной благодаря профессиональному мастерству творческих сотрудников, то в местной она нередко выходила на первый план. Сложившаяся субординация между властью и журналистикой формировала подчиненную позицию СМИ в системе этого взаимодействия.

На организационном положении журналистики и ее содержании сказалась также традиция политически заданного коллективизма. Основой существования журналистики стала теория партийной печати, разработанная В.И. Лениным, согласно которой любое издание было призвано выступать в роли коллективного пропагандиста, агитатора и организатора. Следуя этой теории, СМИ прививали людям единомыслие, формировали общность их воззрений на окружающую действительность. Наряду с этим отмеченная традиция выразилась в инициировании журналистикой соцсоревнования и массовых починов, направленных на консолидацию широких социальных слоев в решении определенных «свыше» политических задач. Политически заданный коллективизм, утверждаемый в журналистике, проявил себя в создании рабсельковского движения, в формировании авторского актива вокруг каждого издания, опубликования на страницах печати большого чис-

ла писем по самым различным темам. Эти особенности существования СМИ проявили себя на протяжении всего советского времени.

Активизация либерально-ориентированной традиции, в свою очередь, не меняла привычных организационных и содержательных очертаний журналистики. Тем не менее, воздействие этой традиции на «четвертую власть» на различных исторических этапах ощущалось в возрастающей свободе журналистского творчества, большей дискуссионности, находившей место в СМИ, в повышении их интереса к духовному миру человека. Как было отмечено в работе, это в определенной степени модифицировало содержание журналистики, оставляя след в нравственном сознании общества.

Таким образом, все отмеченные политические традиции существенно повлияли на содержательное «лицо» журналистики, ставшей феноменом политического развития общества, выразителем его этического начала.

7. Журналистика советского времени, вместе с тем, явилась не только ретранслятором сложившихся политических традиций, но и на их основании – генератором собственных духовных представлений о повседневной жизни, взаимодействии власти и общества. Этот вывод сделан автором по итогам изучения содержания всех основных типов прессы. Будучи механизмом политизации общества, журналистика выработала собственно пропагандистские закономерности показа исторических и повседневных реалий. Эти закономерности формировались в рамках ее манипулятивного воздействия на общество. Манипулятивность журналистики проявила себя в существовании стереотипов, мифов, имидж-технологий, которые способствовали одномерному восприятию аудиторией происходящих событий. СМИ создали упрощенную картину окружающей действительности и упрочивали в массовом сознании позитивное отношение к власти.

8. Признавая манипулятивность журналистского воздействия, неправомерно определять ее уровень только как узко пропагандистский. Зависимость СМИ от партийно-государственной системы определила их духовную миссию – быть своеобразным «учителем жизни». Журналистике было свойственно стремление всмотреться во внутренний мир человека и по мере возможностей помочь ему в

решении повседневных проблем. Именно поэтому в самом обществе журналистика воспринималась не только как информатор, фиксирующий происходящие факты и события, но как своеобразная духовную ценность (наряду с другими проявлениями культуры и искусства).

Следует признать, что даже в советское время просветительская миссия журналистики не всегда по достоинству оценивалась исследователями СМИ. Односторонность восприятия «четвертой власти» изучаемого нами периода еще более усилилась в последние годы, когда под воздействием резких политических изменений в обществе многие проявления советских лет стали восприниматься только с негативных позиций. К журналистике того времени, в том числе и посредством самих СМИ, прочно прикрепился ярлык «инструмента тоталитарного воздействия».

Такое определение, как подчеркивалось в исследовании, выглядит упрощенным. Журналистике советского периода были присущи человеколюбие, вера в справедливость. На это указывает ярко выраженная потребность прессы советского времени отмечать недостатки окружающей жизни с позиций морали, нравственных принципов. Важно отметить и то, что эти принципы были сформированы не «сверху», а выработаны самим обществом за длительное время своего существования.

9. Сочетание пропагандистской и просветительской миссий было настолько всеохватным и взаимопроникающим, что их подчас невозможно отделить друг от друга при исследовании журналистского материала. Это формировало особое содержание журналистики, предопределило уникальный характер ее взаимодействия с массовой читательской аудиторией. В силу сказанного очевидной выглядела значимость журналистики в формировании политических настроений и взглядов, в воспитании определенных моральных и духовных качеств людей.

10. Функционирование журналистики советского времени в рамках политических традиций видится значимым при изучении современных российских СМИ, активно ищущих пути привлечения к себе внимания со стороны массовой аудитории. Признавая неповторимость и специфичность исторической эволюции журна-

листики прошлого, нельзя не увидеть отдельных проявлений ее творчества, актуальных для сегодняшнего дня. Речь идет о формах подачи материала, особенностях раскрытия образов героев, специфических приемах воздействия на аудиторию, существовании журналистики как трибуны для обсуждения различных социально значимых вопросов и т.д. Изучение прежнего опыта СМИ и его преломление в современных условиях, с учетом сложившихся политических условий, позволяет найти пути решения многих проблем, стоящих перед современной российской журналистикой и спрогнозировать перспективу ее дальнейшего развития.

В силу этого остается простор для дальнейших научных изысканий в области журналистских знаний, применительно к опыту исторического и современного развития СМИ, особенностям их взаимодействия с властью и обществом. Поэтому и представленную книгу нельзя считать исчерпывающей в рамках изучения эволюции и содержательно «лица» отечественной прессы. Тем не менее, все сказанное выше позволяет полнее представить истоки формирования современной российской журналистики и спрогнозировать ее будущность.

Список литературы

- 1.Акопов А.И. Российские специальные журналы 1917-1932 гг.: Формирование типологической системы. —Ростов-на-Дону: Изд-во Инст-та масс. коммуникаций, 1994. —79 с.
- 2.Аникевич А.Г. Политическая власть: Вопросы методологии исследования.—Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1986. —180 с.
- 3.Афанасьев В.Г. Системность и общество.—М.: Политиздат, 1980.—386 с.
- 4.Баразгова Е.С. Идеологическое воспитание молодежи в США.— Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989.—116 с.
- 5.Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / АН СССР, Науч. совет по проблемам культуры.—М.: Наука, 1990.—220 с.
- 6.Бережной А.Ф. Ленинские принципы советской печати.—Л.: Лениздат, 1970.—139 с.
- 7.Бутенко А.П. Социологические вопросы истории и теории тоталитаризма // Социс. 1998. № 6. С. 26-37.
- 8.Гаджиев К.С. Политическая идеология: Концептуальный аспект // Вопросы философии. 1998. № 12. С. 3-20.
- 9.Давидович В.Е., Жданов Ю.А. Сущность культуры.— Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1979.—263 с.
- 10.Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: Анализ основных теоретических подходов.—Екатеринбург, УрО РАН, 1999.—130 с.
- 11.Емельянов Б.В. Очерки русской философии начала XX века.— Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. —100 с.
- 12.Ермаков Ю.А. Манипуляция личностью: Смысл, приемы, последствия.—Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995.—204 с.
- 13.Жирков Г.В. Нэп и кризис советской печати начала 20-х годов. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000.— 40 с.
- 14.Иванчук Н.В., Целищев Н.Н. Основы политологии.—Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1994.—188 с.
- 15.Кантор В.К. Личность и власть в России: Сотворение катастрофы // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 14-22.
- 16.Кейзеров Н.М. Политическая и правовая культура: Методологические проблемы.—М.: Юрид. лит., 1983.— 231 с.
- 17.Кертман Л.Е. История культуры стран Европы и Америки (1870—1917).—М.: Высшая школа, 1987.—304 с.

18. Ковалева М.М. Отечественная журналистика: Вопросы теории и истории / Сборник статей.—Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.—108 с.
19. Коган Л.Н. Социология культуры.—Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992.—117 с.
20. Коган Л.Н. Теория культуры.—Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1993.—160 с.
21. Коган Л.Н., Вишневский Ю.Р. Очерки истории социалистической культуры.—Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1972.—169 с.
22. КПСС о средствах массовой информации и пропаганды.—М.: Политиздат, 1987.—608 с.
23. Крамник В.В. Социально-психологический механизм политической власти.—Л.: Изд-во ЛФЭИ, 1991.—159 с.
24. Кузнецов И.В., Мишуриц А.Л. История партийно-советской печати.—М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974.—108 с.
25. Кутырев В.А. Традиции и ничто // Философия и общество. 1998. № 6. С. 170-190.
26. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762—1914. [Пер. с нем.].—М.: СП «Русский путь», 1995.—548 с.
27. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука (логико-методол. анализ).—М.: Мысль, 1983.—285 с.
28. Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе.—М.: РОССПЭН, 1997.—650 с.
29. Межуев В.М. Культура и история: Проблемы культуры в философско-исторической теории марксизма.—М.: Политиздат, 1977.—199 с.
30. Мельник Г.С. Mass Media: Психологические процессы и эффекты.—СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996.—160 с.
31. Меренков А.В. Личность: Формирование потребности в нравственном развитии.—Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985.—143 с.
32. Методология анализа политической традиции в России: Материалы «круглого стола» // Обществ. науки и современность. 2000. № 2. С. 71-83.
33. Мурадян А.А. Двумилый Янус: Введение в политологию.—М.: Междун. пед. академия, 1994.—318 с.
34. Нерсисянц В.С. Личность и государство в политико-правовой мысли (Из истории идей).—М.: «Знание», 1980.—64 с.
35. Оболенский А.В. Драма российской политической истории: Система против личности.—М.: Инст. Государства и права, 1994.—352 с.
36. Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики (февр. 1917—нач. 90-х гг.).—М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.—302 с.
37. Олешко В.Ф. Моделирование в журналистике: Теория, практика, опыт.—Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.—194 с.

- 38.Пайпс Р. Россия при старом режиме. [Пер. с англ.].—М.: Независимая газета, 1993.—421 с.
- 39.Панарин А.С. Российская политическая культура: Прогнозы на XXI век // Власть. 1997. №11. С. 44-49.
- 40.Петроченко А.Л. Система средств массовой информации и пропаганды (Компоненты, структура, функции, интегративные свойства, связь со средой).—Ташкент: Узбекистан, 1988.—157 с.
- 41.Почепцов Г.Г. Тоталитарный человек: Очерки тоталитарного символизма и мифологии.—Киев: Глобус, 1994.—152 с.
- 42.Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики.—М.: Изд-во «РИП-холдинг», 2000.—308 с.
- 43.Русакова О.Ф. Лики российского радикализма.—Екатеринбург: УИФ «Наука», 1994.—94 с.
- 44.Руткевич М.Н. О социальной структуре советского общества // Социс. 1999. № 4. С. 19-28.
- 45.Сафронов Ю.Н. Общественное мнение и религиозные традиции.—М.: Мысль, 1970.—144 с.
- 46.Свитич Л.Г. Феномен журнализма.—М.: Икар, 2000.—252 с.
- 47.Согрин В.В. Либерализм в России: Перипетии и перспективы // Обществ. науки и современность. 1997. № 1. С. 13-23.
- 48.Федотова Л.Н. Анализ содержания — социологический метод изучения средств массовой коммуникации.—М.: Научный мир, 2001.— 214 с.
- 49.Философия культуры: Становление и развитие / Под ред. М.С.Кагана, Ю.В.Перова и др.—СПб.: Лань, 1998.—445 с.
- 50.Шкондин М.В. Организация средств массовой информации и пропаганды.—М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.—184 с.
- 51.Almond G.A, Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations.—Princeton (N.J.): Princeton Univ. Press, 1963.—562 p.
- 52.Arendt H. Between Past and Future: Six Exercises in Political Thought.—L.—N.Y.: Faber and Faber, 1961.—246 p.
- 53.Brooks J. Discontinuity in the Spread of Popular Print Culture, 1917–1927.—Washington: The Witson Centre, 1986.—43 p.
- 54.Brooks J. *Pravda* and the Language of Power in Soviet Russia (in) J.Popkin (ed.)*Media and Revolution*.—Lexington: The Univ. Press of Kentucky, 1992.—246 p.
- 55.Friedrich C.J., Brzezinski Z.K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy.—Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1956—346 p.
- 56.Hollander G.D. Soviet Political Indoctrination: Developments in the Mass Media and Propaganda Since Stalin.—N.Y.: Praeger, 1972.—244 p.

- 57.Hopkins M. Mass Media in the Soviet Union.—N.Y.: Pegasus, 1970.—384 p.
58. Keane J. The Media and Democracy. - Cambridge: Polity Press, 1996.—202 p.
- 59.Kroeber A., Clackholm C. A Critical Review of Concepts and Definitions.—Cambridge (Mass), 1952—167 p.
- 60.Lenoe M.E. Agitation, Propaganda and the «Stalinization» of the Soviet Press, 1922-1930.—Pittsburgh: Centre for Russ. a. East Europ. Studies, Univ. Of Pittsburgh, 1998.—109 p.
- 61.Lasswell H. The Structure and Function of Communication in Society (in) O.Boyd-Barrett and C.Newbold (eds.) *Approaches to the Media: a Reader*.—L.—N.Y.: Arnold, 1995. P. 93-94
- 62.Manheim K. Essays on Sociology and Social Psychology.—L.: Faber and Faber, 1953.—261 p.
- 63.McQuail D. Mass Media in the Public Interest: Towards a Framework of Norms for Media Performance (in) J.Curran and M.Gurevitch (eds.) *Mass Media and Society*.—L.—N.Y.: Edward Arnold, 1994. P. 68-81.
- 64.Parsons T. The Impact of Technology and Emerging New Models of Behavior Controlling the Human Rights // International Social Science Journal. 1970. N 4.
- 65.Pye L. Political Culture // International Encyclopedia of the Social Sciences.—N.Y., 1968. Vol. 22.
- 66.Rosenbaum W. Political Culture.—N.Y.: Praeger Publ., 1975.—181 p.

Научное издание

Стровский Дмитрий Леонидович

**Отечественные политические традиции
в журналистике советского периода**

Издается в авторской редакции

Корректор - М.Д.Чернышенко

Верстка - Н.В.Реш

ЛР ИД № 05974 от 3 октября 2001г.

Подписано в печать 10.12.2001

Формат 60х84/16. Бумага писчая.

Гарнитура "NewBaskerville". Усл. печ. л. 16,0.

Уч.-изд. л. 16,5.

Тираж 300 экз. Заказ 363.

Издательство Уральского университета

620083, Екатеринбург, ул.Тургенева, 4

Типография ИПЦ «Издательство УрГУ»

620083, Екатеринбург, ул.Тургенева, 4